

GISAP: PHILOLOGICAL SCIENCES

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
Global International Scientific Analytical Project

No 8 Liberal* | September 2015

Expert board:

Marianna Balasanyan (Georgia), Daniela Grava (Italy), Galina Kontsevaya (Republic of Belarus), Elena Kosykh, Marina Zheltukhina, Alexandra Zalevskaya (Russia), Magdalena Petrova Kostova-Pananyotova, Mariyana Parzulova (Bulgaria), Jemal Mehmed (Turkey).

Dear readers!

Once an old man was asked: “Why people of different nations speak different languages?” An old man thought for a while and started his story:

“My great grandfather told me this had happened long ago... There was a heavy sea storm, which brought flooding of coastal territories. From the boiling water two bears, two wolves, two hares and two men came out to the small piece of land. All these creatures, saved by a tiny island, were from different lands and didn't know each other before. Enormous bears were starving. In the fight for the prey they died of wounds. They understood each other perfectly and mutual aggression made them perish. Battle between wolves was ended by the victory of the stronger one. The wolf tried to chase the hare, fell into the water and helplessly sunk. The wolves understood each other. They knew they couldn't live together on the island. Hares also fought each other for the right to eat poor sprouts of a little lonesome bush growing in the sands. They kept each other from the desired food and died of fear and hunger at the end. These little animals freely communicated but had no chance to arrange their co-existence. All this time on the island people have been constantly shouting something to each other and waving hands, although it was impossible to understand whether this was a manifestation of aggression or greeting. Now, alone on the island people silently looked at each other from the distance...

As my great grandfather told, in several days during the ebb the “high water” left for the ocean... I don't know what happened to these “islanders”... But one thing I am sure of: we must be different and speak different languages; we must reach for each other and overcome obstacles between us. We must be mutually interesting – this is our nature... Animals were similar to each other. They knew goals of each other and were indifferent but at the same time dangerous to each other. People are predictable but their souls are unique. Human is attracted by the uncommonness and opportunity to understand something new. And there is nothing more interesting and mysterious than the inner world of another person...”

Thomas Morgan
Head of the IASHE International Projects Department
September 22, 2015

GISAP: Philological Sciences №8 Liberal* (September, 2015)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. V.V. Pavlov

Copyright © 2015 IASHE

ISSN 2053-1532

ISSN 2053-1540 (Online)

Design: Yury Skoblikov, Helena Grigorieva, Alexander Stadnichenko

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE)

1 Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom

Phone: +442071939499, E-mail: office@gisap.eu, Web: <http://gisap.eu>

- ! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without
- the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article.

Print journal circulation: 1000

“* – Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of development of the journal (“Professional”) involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world”.

CONTENTS

N.N. Gribova , <i>Saratov State Socio-Economic University, Russia</i> THE SYNESTHESIA AS THE COMPONENT OF AESTHETIC COMMUNICATIONS IN FIGURATIVE CONTEXTS SEMANTICALLY CONNECTED WITH MUSIC	3
S. Ayazbekova , <i>Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University, Kazakhstan</i> THE CONCEPT OF “MUSIC” IN THE CONTEXT OF GLOBAL TRENDS OF THE EURASIAN CULTURES DEVELOPMENT	8
O. Ikonnikova , <i>Southern Federal University, Russia</i> DIACHRONIC MEASUREMENTS OF SYNCHRONIC RESEARCHES	13
T. Suvorova , <i>Kyiv National Linguistic University, Ukraine</i> THE STRUCTURE AND ORGANIZATION OF A POETIC CREATIVE ENTITY.	16
O. Shumenko, S. Shvachko, E. Kuprienko , <i>Sumy State University, Ukraine</i> POLYFUNCTIONALITY OF ENGLISH QUANTITATIVE WORDS	20
I. Kobyakova , <i>Sumy State University, Ukraine</i> IMPLEMENTATION OF LINGUO-CREATIVE FUNCTION IN JOKES	23
O. Nazina , <i>Orenburg State University, Russia</i> PRECEDENT PHENOMENA AS THE MECHANISM OF STRENGTHENING OF PRAGMATICAL POTENTIAL OF GENDER-FOCUSED ADVERTISING TEXTS	26
L. Zaika , <i>State Institution of Higher Education “National Mining University”, Ukraine</i> WAYS OF DEVELOPMENT OF COGNITIVE MOTIVES OF STUDENTS AT THE ENGLISH LANGUAGE LESSONS	30
E. Mincu, Ph.D. , <i>Institute of Philology, Academy of Science of Moldova, Moldova</i> THE AFFIXOIDATION PHENOMENON AND THE LANGUAGE SYSTEMS UNIFICATION	32
A. Zalevskaya , <i>Tver State University, Russia</i> MENTAL LEXICON: CONSTRUCT, METAPHOR, MYTH?.	36
D. Hamze , <i>Plovdiv University named after Paisii Hilendarski, Bulgaria</i> LANGUAGE SPACES OF THE COMIC THINGS IN WORKS BY W. GOMBROWICZ	40
L. Yekshembeyeva , <i>Al-Farabi Kazakh National University</i> LANGUAGE AND THE PERSON IN THE CONTEXT OF ENVIRONMENTAL PROBLEMS.	51
I. Pykhtina , <i>Orenburg State University, Russia</i> THE STEPPE AS THE NATIONAL SPATIAL IMAGE IN THE RUSSIAN LITERATURE (ON THE MATERIALS OF THE ORENBURG POETRY)	55
I. Pykhtina , <i>Orenburg State University, Russia</i> TYPOLOGY OF BASIC SPATIAL MODELS IN THE FICTION LITERATURE	59
L. Mirzoyeva , <i>Suleyman Demirel University, Kazakhstan</i> TO THE PROBLEM OF RECONSTRUCTION OF ASSESSMENT CHARACTERISTICS IN RUSSIAN-ENGLISH TRANSLATION (ON THE BASIS OF MATERIALS OF THE STORY “THE EMPTY CASE” BY A.P. CHEKHOV)	64

CONTENTS

Gribova N.N. , <i>Saratov State Socio-Economic University, Russia</i> THE SYNESTHESIA AS THE COMPONENT OF AESTHETIC COMMUNICATIONS IN FIGURATIVE CONTEXTS SEMANTICALLY CONNECTED WITH MUSIC	3
Аязбекова С.Ш. , <i>Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Казахстанский филиал, Казахстан</i> КОНЦЕПТ «МУЗЫКА» В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ.	8
Иконникова О.Н. , <i>Южный федеральный университет, Россия</i> ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ СИНХРОНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	13
Suvorova T. , <i>Kyiv National Linguistic University, Ukraine</i> THE STRUCTURE AND ORGANIZATION OF A POETIC CREATIVE ENTITY.	16
Shumenko O., Shvachko S., Kuprienko E. , <i>Sumy State University, Ukraine</i> POLYFUNCTIONALITY OF ENGLISH QUANTITATIVE WORDS	20
Кобякова И.К. , <i>Сумской государственный университет, Украина</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ФУНКЦИИ В ШУТКАХ	23
Назина О.В. , <i>Оренбургский государственный университет, Россия</i> ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК СРЕДСТВО УСИЛЕНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ГЕНДЕРНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ	26
Zaika L. , <i>State Institution of Higher Education "National Mining University", Ukraine</i> WAYS OF DEVELOPMENT OF COGNITIVE MOTIVES OF STUDENTS AT THE ENGLISH LANGUAGE LESSONS	30
Mincu E. , <i>Институт филологии, Академия Наук Республики Молдова, Молдова</i> ФЕНОМЕН АФФИКСИДАЦИИ И УНИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ	32
Залевская А.А. , <i>Тверской государственный университет, Россия</i> МЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН: КОНСТРУКТ, МЕТАФОРА, МИФ?	36
Хамзе Д.Г. , <i>Пловдивски университет Паусий Хилендарски, Болгария</i> ЯЗЫКОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА КОМИЧЕСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ В. ГОМБРОВИЧА	40
Екшембеева Л.В. , <i>Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан</i> ЯЗЫК И ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ.	51
Пыхтина Ю.Г. , <i>Оренбургский государственный университет, Россия</i> СТЕПЬ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ПОЭЗИИ)	55
Пыхтина Ю.Г. , <i>Оренбургский государственный университет, Россия</i> ТИПОЛОГИЯ БАЗОВЫХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.	59
Мирзоева Л.Ю. , <i>Университет им. Сулеймана Демиреля, Казахстан</i> К ПРОБЛЕМЕ ВОССОЗДАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В РУССКО-АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А.П. ЧЕХОВА «ПУСТОЙ СЛУЧАЙ»)	64

THE SYNESTHESIA AS THE COMPONENT OF AESTHETIC COMMUNICATIONS
IN FIGURATIVE CONTEXTS SEMANTICALLY CONNECTED WITH MUSIC

N.N. Gribova, Candidate of Philology, Associate Professor
Saratov State Socio-Economic University, Russia

The paper studies the phenomenon of synesthesia as an aesthetic category, adopted in Philosophy and Psycholinguistics, and as an aesthetic component of figurative contexts, semantically connected with a sphere of music in Hoffmann, Bulgakov and Skskind's novels. The synesthesia is realized as implementation of an interperceptual associative thinking, connected with the category of an artistic aesthetic perception. The term "aesthetic synesthesia" is used as the definition for intermodal sensations verbalized by the language of a literary work.

Keywords: synesthesia, aesthetics, art, association, perception, worldview.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i8.950>

The category of "aesthetic", closely related to the conception of "art", appeared from the philosophical world outlook and maintained an inclination to "the perception in art" as one of its basic invariable characteristics. The aesthetics of the Hellenism epoch was based on the growing influence of sensual-irrational tendencies in art. The main subject of the study of medieval aesthetics became a super-sensual world wherewith the concept of beauty and aesthetic pleasure can be defined more precisely. Having transformed during the Renaissance, the anthropo-aesthetic consciousness universalized a centric concept of "perception" as a psychological state of the person perceiving a work of art. The XVII-XVIII centuries again brought human attention to the irrational sensory-psychological perception in discourses about the art, which was solved by the association. The schools of thought studying such category of "aesthetic" as the aesthetic subjectivism and the aesthetics within the framework of the English empirical psychology appeared during that period. The XIX-XX centuries were marked by overstepping the limits of the philosophical aesthetics, moving towards the natural sciences and emergence of metaphysical aesthetic conceptions: aesthetics "in-sensation", spiritual aesthetic synthesis, phenomenological and semantic aesthetics.

The aesthetic facts were interpreted by the language of physical phenomena in their aggregate. The conversion to the cognition and an assessment of aesthetic things was outlined by means of the irrational submodal perception with distortion of the previous original

shape of artwork's existence, where a determinative harmonious part was assigned for the content or the language fact in the institutionalization of the literary work.

The persistence models of "aesthetic" are developed on the basis of manifestations of irregularity and nonisomorphy in the art. New informational approach to the creative work psychology is used within the framework of the empirical aesthetics (G.A. Golitsyn, L.Ya. Dortman, D.A. Leontiev, V.M. Petrov, V.P. Ryzhov).

In that way the sensory associations and perceptions had been forming the aesthetic category for a long time. With the world development speeding up, the models of human perception evolved in the direction of deepening of the sensory image and multidimensionality, and "of acquisition of information about a phenomenon and an object according to projections in different spaces" by means of art form associativity. [Ryzhov, 1997: 75].

All the aforesaid makes it possible to regard the phenomenon of synesthesia or "a creative realization of associative thinking that presents a psychophysical universal basis for interperceptual interactions in the art" as an aesthetic category. [Prokofieva, 2007: 40]

The synesthesia has psychological, physiological and linguistic characteristics. An interpretation of this phenomenon from different standpoints follows from the diversity of synesthetic connections. The definition of the synesthesia is accepted in the psychology as a condition by which the sense experience, connected with one modality, appears under the

influence of another modality, or as "a process of superposition of different representative systems, characterized by such occurrences as "visual-perceptual chains" (in which the person puts out his sensations of what he sees) and "audio-perceptual chains" (in which the person gets his sensations of what he hears). Two of any sensory modalities can be connected with each other". [Shewchuk, 2008: 122-123].

A.R. Luriya considers the synesthesia as a physiological mechanism of sensation emergence in one modality in response to a signal in another modality. Therefore the synesthesia is represented as an actual mixed sensation or a secondary sensation of another modality. E.Yu. Artemieva and V.F. Petrenko understand synesthesia as the psychological mechanism of mutual translation from one modality into another, or as the mechanism of categorization having a defined extramodal structure, organizing object images of the surrounding world and forming an individual's subjective space. A tentative assessment of the perceptual objects relying on certain common factors that have an emotive nature can be realized with the help of such mechanism. We should note Petrenko's idea that scientifically proves a synthetic nature of the world image construction. He also draws a conclusion about a single method of assessment structuring in accordance with an object, despite the defined modality what is an evidence of existence of single semantic coordinates of the subjective experience, revealing the mechanisms preserving its unity (synesthesia and the metaphorical transfer). [Petrenko, 1988] L.P. Prokofieva shares his opinion, having included

associativity of a synesthetical type into the classical common patterns of the associative perception types, as a complex world reflection. [Prokofieva, 2007: 12]. In her monograph the “synesthesia” phenomenon is described as a beam of different modal associations and as a manner of a mental world organization. Such associative sensations are produced into the sensitive-associative-figurative space of the text.

Researchers in the field of the philosophical aesthetics B.M. Galeev and I.L. Vanechkina interpret the synesthesia as a natural conscious ability to correlate with different modal objects, the interperceptual association, produced in the culture and determined by the society. Besides, the conceptions of universal synesthetical regularities acquired by people in the process of socialization in the way of a specified cultural context, as well as individual synesthetic regularities acquired by means of the personal experience and having the distinctiveness are discriminated.

The work of art represents intellectual and material values in the context of the defined culture. And if synesthesia is understood as an isolated case of the synthesis being grown out of the syncretism of a human spiritual world, in this case any text becomes the synesthetical one through olfactory, gustatory, tactile, visual and audio communication. “Any culture develops the technological system for information transmission of intellectual values. It reproduces ideal absolutes of its time through the system of rites and rituals, visual and audio systems. An artist recreates these ideal values of the culture by means of their reproduction and transformation.” [Yakovlev, 1992: 3]

The worldview of the writer is developed from a great number of cooperating components that represent an integral system. It is reproduced in the form of a polymodal mosaic of sounds, colours, smells, tactile and visual sensations in the perception of the reader. So the synesthetical worldview of the writer is reconstructed and represented as “a fragment of his common poetic worldview; a full personal presentation about the world of sound and color, reflected in the idiosyncrasy; as a system of proper aesthetic senses, revealed in the

process of an artistic communication.” [Prokofieva, 2007: 229].

The writer’s aspiration for the search for nonverbal means of emotional expression leads to the adoption of figurative methods from other fields of art. This makes it possible to project an actuality of another type into the work of art. The interpenetration of musical, literary, theatrical, artistic and pictorial elements interweaved between each other and the accepted ties, but with the predominance of modality of the defined type, can be found in the works of many writers-synesthetists, for example, E.T.A. Hoffmann and M.A. Bulgakov. Contrary to the prevailing “synesthesia of arts”, a specific perceptual reproduction of the reality is caused by adjacent olfactory and musical visuoauditory associations in the novel “Perfume: The Story of a Murderer” by Patrick Süskind.

The aesthetic synesthesia, being realized by the author’s thinking through the prism of musical art, is a special way of perception of the world in the context of the writer’s creative work. So the artistic worldview is represented with the help of explicit and implicit musical associations. It is mediated by Hoffmann’s metaphorical comprehension being above all the expression of the individual-author’s one: “*Mir war’s, ich wandle in einem herrlichen Garten, in dem unter dichtem dunklem Gebüsch Nachtviolen und Rosen durcheinander blühten und ihr süßes Aroma in die Lüfte streuten. Ein wunderbarer Schimmer, wie Mondesglanz, ging auf in Ton und Gesang, und wie er die Bäume, die Blumen mit goldnem Strahl berührte, bebten sie vor Entzücken, und die Büsche säuselten, und die Quellen flüsterten in leisen sehnsüchtigen Seufzern. Da gewahrte ich aber, dass ich selbst der Gesang sei, der durch den Garten ziehe, doch so wie der Glanz der Töne verbleiche, müsse ich auch vergehen in schmerzlicher Wehmut!*” [Hoffmann, 1990: 204]. The harmonization or the ties between synesthetic associations such as visual, olfactory and acoustic can be observed in Hoffmann’s detailed metaphorical images.

The nomination “musical sound” or the nomination with the second sense “musical sound” is caused by

the following types of sensations in Hoffmann’s work:

1. tactile sensation and audio modality: „*sanfte, leise Musik*“, „*zarte Melodie*“, „*harter Ton*“, „*rührender Ton*“;

2. taste sense and audio modality: „*süße Musik*“, „*bitter Ton*“, „*kätzliche Süßigkeit des Andantes*“, „*süßlispelnder Ton*“;

3. pain sense and audio modality: „*das Herz durchschneidender Ton*“, „*wehmutigster Ton*“, „*der Brust durchschneidender Ton*“, „*ihr Choral zerreißt die menschliche Brust*“;

4. visual sensation and audio modality: „*wie der Glanz der Töne verbleiche*“; „*hell und klar hinströmenden Melodie*“, „*anlockender Ton*“, „*schrecklicher Ton*“;

5. visual auditory sense and audio modality: „*die gewaltigen Töne*“, „*ertönte die Wetterharfe wie dumpfes, fernes Glockengeläute*“, „*in dem brausenden Strom der Akkorde*“, „*der Pralltriller*“, „*leise beginnend, brauste der Gesang stärker und mächtiger*“;

6. sense of emotional perception and audio modality: „*im wehmütigen Adagio*“, „*klägliche Melodie*“, „*wilde, unruhige Akkorde durcheinander aufführen aus ihrer wunden Brust*“, „*tröstende Melodie*“, „*fromme Musik*“;

7. sensation of motion and audio modality: „*hell und klar hinströmenden Melodie*“, „*schwammen die Töne deines tief ins Herz dringenden Liedes herüber*“, „*die himmlischen Rouladen gingen glanzvoll aus unserm Innern heraus*“, „*schwankender Ton*“.

These examples demonstrate the associativity of the sound with emotive and psychophysiological characteristics.

Bulgakov’s use of the musical sound or the action in the direct nominative meaning is represented in the constructions that are built on metonymical patterns with grotesque in conjunction with verbs emphasizing a degree of sound intensity in the following contexts. These verbs are correlated semantically with other fields of activity. The sounds evoke:

1. kinesthetic and vibratory senses: „*вырвался и полетел громовой виртуозный вальс*“, „*сыплющийся в переулке вальс*“, „*хор начал разрастаться*“, „*обрушился рев труб*“, „*оркестр окатывал звуками*“,

“музыка ударила”, “(звуковая) волна толкнула”, “загремела песня”, “гремел джаз”, “полонез дул в спину”;

2. auditory sense and audio modality: “музыкально мурлыкал”, “вырвался хриплый рев полонеза”, “бальный звук”, “слабые звуки труб”, “переулочек огласился песней”, “звуки фокстрота”, “малопонятные, полуслепые, но разудалые слова этого марша”, “звуки немного фальшивых труб”, “под звуки праздной шатающейся гармоникой”;

3. sense of emotional perception and audio modality: “звучание унылого турецкого барабана”, “со звуками назойливого патефона”, “что-то коротко и весело прокричавшая труба”, “жалобный вой рояля”, “доносились зудящая веселенькая мелодия”.

Implicit emergences of the synesthesia are observed in the use of author's allusions and in the musical quotations that organize intertextual connections. Associative compositions such as personage allusions are generally connected with the musical (acoustic) ones form of the synesthesia. Proper names are ordinary components of Bulgakov's poetics, its system of signs. They have a particular sound and letter structure, the particular semantic pattern and a communicative function; they carry secondary meanings, contain associative references, reminiscence and sometimes cryptography.

A wide selection of musical lexis in the novels of the authors under study lets us include them into special genre of a musical novel. The masterful use of the whole richness of the musical terms is dictated not only by the selection of the particular artistic method, but the aesthetic principles, connecting with the world of music, where writers and their characters live, where they try to immerse the reader. Thereupon, in the novels “The Life and Opinions of the Tomcat Murr” and “The Master and Margarita” a figurative layer plays the main role, making it possible to reproduce musical impressions of the author by means of combination of the musical terms with the special epithets, apt metaphors, figurative similes and metonymies as well. Common musical conceptions are significant in these constructions, representing authors' and

their characters' expression of ideas and perceptions.

One of the transmission forms of associative information is the verbal rhinesthesia in the language of the novel “Perfume: The Story of a Murderer” by Patrick Süskind. The smell is the main component of different associations and the primary source of the world conception. Jean-Baptiste Grenouille's world is weaved with smells that give rise to adjacent association – a form, a colour, a visual and tactile image of an object or a living creature. „*Andrerseits hätte die gängige Sprache schon bald nicht mehr ausgereicht, all jene Dinge zu bezeichnen, die er als **olfaktorische** Begriffe in sich versammelt hatte. Bald **roch** er nicht mehr bloß Holz, sondern Holzsorten, Ahornholz, Eichenholz, Kiefernholz, Ulmenholz, Birnbaumholz, altes, junges, morsches, modriges, moosiges Holz, ja sogar einzelne Holzscheite, Holzsplitter und Holzbrösel - und **roch** sie als so deutlich unterschiedene Gegenstände, wie andre Leute sie nicht mit Augen hätten unterscheiden können.*“ [Süskind, 1995: 24]

The main character is kinesthet, receiving some information through the perception of the surrounding world, seeking to translate images into a smell language and trying to smell everything and stick it in his mind, using intuition as principal instrument for the information processing. “*Am ehesten war seine Begabung vielleicht der eines **musikalischen** Wunderkinds vergleichbar, das den **Melodien** und **Harmonien** das Alphabet der einzelnen **Töne** abgelauscht hatte und nun selbst vollkommen neue **Melodien** und **Harmonien** komponierte - mit dem Unterschied freilich, dass **das Alphabet der Gerüche** ungleich größer und differenzierter war als das der **Töne**, und mit dem Unterschied ferner, dass sich die schöpferische Tätigkeit des Wunderkinds Grenouille allein in seinem Innern abspielte und von niemandem wahrgenommen werden konnte als nur von ihm selbst.*“ [Süskind, 1995: 25].

The world harmony of a composed music is associatively transferred to the harmony of the world of smells, where any smell is a note; its combination is a piece of music or the art of perfumes. The creation of an ideal-harmonious smell is

related to a musical work composing. The author creates his polyphony of smells in the novel following the rules of the highest ideal world of musical art. The verbalization of smells occurs through the metaphorical composites, such as author's neologisms, represented as associative arrays: *Unauffälligkeitsgeruch, Geruch des Wasserteppiches, Duftfaden, Geruchssatz, Geruchsgebäude, Geruchsaura.*

So, the synesthetic associativity with the reflective musical-acoustic and visual modalities appears in the novels “The Life and Opinions of the Tomcat Murr”, “The Master and Margarita” and the associativity with reflective kinesthetic modality - in the novel “Perfume: The Story of a Murderer”.

The synesthesia as a component of an aesthetic communication becomes apparent in figurative contexts, where the authors use the following types of stylistic devices and expressive means:

Hoffmann and Bulgakov comprehend the phenomena of the surrounding world with the help of synesthetical musical and colour-visual images. The individual-specific traits are reflected in frequency of lexemes used, characterizing the musical sounding and being defined with the mixed submodal perception (acoustic, visual, kinesthetic) on the conceptual level. Synesthetic acoustic images, semantically connected with classical music, prevail in Hoffmann's figurative contexts. The aesthetic comprehension of the world through the language of art and associations, closely related to it, is natural for the writers-synesthetists like Bulgakov and Hoffmann. The concept of “art” verbalized in their texts expresses the central idea of harmonicity of the art world and the desire to improve life disharmony through the instrumentality of art. In so doing conceptions “music, painting, literature” are meaningful for an artistic worldview of writers. A classical music is interpreted in the semantic space of Hoffmann's figurative contexts. The instrumental music is processed in Bulgakov's ones. The contexts are mediated by the professional activity of these writers, who have a certain attitude towards the world of art, and by individual associations and contexts traditional for each national culture (the phenomenon of the classical music and

The synesthesia as a component of an aesthetic communication becomes apparent in figurative contexts, where the authors use the following types of stylistic devices and expressive means:

Stylistic devices and expressive means	Induced association		
	“The Life and Opinions of the Tomcat Murr”	“The Master and Margarita”	“Perfume: The Story of a Murderer”
metaphor	musical-acoustic, colour-visual	acoustic, colour-visual, kinesthetic	kinesthetic, musical, colour-visual
metonymy	musical-acoustic, kinesthetic, visual	acoustic, colour-visual, kinesthetic	kinesthetic, colour-visual
personification	musical-acoustic, colour-visual	acoustic, visual	kinesthetic, visual
simile	musical-acoustic, visual	colour-visual	kinesthetic, colour-visual
opposition	musical-acoustic, visual	colour-visual	kinesthetic, visual
epithet	musical-acoustic, visual	colour, visual	kinesthetic, colour-visual
detailed associative metaphorical images	musical-acoustic, colour-visual, tactile, kinesthetic	colour-visual, acoustic	kinesthetic, colour-visual
image-simbol	visual	colour-visual	visual, kinesthetic
onomatopoeia	-	musical-acoustic,	-
quotation allusion	musical, cultural, literary	musical, cultural, literary, colour	visual, kinesthetic

bell-ringing, typical for German culture and the phenomenon of a song natural for the Russian culture).

Süskind's novel abounds in kinesthetic associations, based on the contiguity of olfactory, auditory, acoustic, visual modalities. The conception of “the art of perfumes” as the harmony of aromas, organized in accordance with laws of musical harmony, becomes the main category of the writer's world outlook. The notion of music as the auditory art is the secondary one. Musical nominations verbalize smell; stylistic devices and expressive means intensify interspecific associations, combining concepts of different semantical spheres. Associative correlations between smell and musical sound, smell and colour, reminiscence, symbolical implication of colour perception become significant in this aspect.

The more synesthetic a literary work is, the greater it is, according to B. Galeev. The synesthesia is a specific way of information coding. The aesthetic synesthesia is verbalized by the language of a literary work through figurative speech and stylistic mechanisms, the components of which get the ability to combine with each other on the basis of interspecific or sometimes adjacent associations. It objectifies aesthetic ideals of native speakers and makes

it possible to reconstruct the writer's conceptual worldview.

References:

1. M.A. Bulgakov, *Master i Margarita* [The Master and Margarita] - Moskva., Publisher «Khudozhestvennaya literatura» [«Fiction literature»], 1987.
2. I. Vanechkina, *Sovetskie muzykanty i svetomuzyka. Iskusstvo svetyashchikhsya zvukov* [Soviet musicians and the son of lumiere. The art of luminous sounds]. - Kazan., KAI, 1973.
3. B.M. Galeev, *Chelovek, iskusstvo, tekhnika. (Problema sinestezii v iskusstve)*. [Human, art, technique (Problem of synesthesia in art)] - Kazan', Kazan. University press, 1987.
4. K.M. Dolgov, *Rekonstruktsiya esteticheskogo v zapadnoevropeiskoi i russkoi kul'ture* [Aesthetic reconstruction in the Western European and Russian cultures] - Moskva., Progress-Traditsiya, 2004.
5. V.F. Petrenko, *Psikhosemantika soznaniya. [Psychosemantics of consciousness]* - Moskva., Publisher MGU, 1988.
6. L.P. Prokof'eva, *Zvukotsvetovaya assotsiativnost': universal'noe, natsional'noe, individual'noe* [Associativity of luminous sounds: universal, national, individual]. - Saratov., Sarat. med. un-

[Saratov medical university], 2007.

7. V.P. Ryzhov *Printsipiial'nye osobennosti modeli esteticheskogo vospriyatiya* [The principal features of the aesthetic perception models]. *Problemy informatsionnoi kul'tury. Estetika: informatsionnyi podkhod* [Problems of information culture. Aesthetics: Informational Approach]., Editorial board I.M. Andreevoi, Yu.S. Zubova, Yu.N. Ragsa, V.M. Petrova. - Issue. 5. - Moskva., Publisher «Smysl», 1997., pp. 70-78.

8. Shevchuk D.A. *Psikholingvistika: tekhnika ubezhdeniya* [Psycholinguistics: persuasion technique] - Moskva., Publisher «Eksmo», 2008.

9. E.G. Yakovlev, *Sinesteziya kak esteticheskaya problema* [Synesthesia as the aesthetic problem]. *Sovremennyye Laokoon. Esteticheskie problemy sinestezii: Sbornik statei po materialam nauchnoi konferentsii* [Modern Laocoon. Aesthetic problems of synesthesia: Collection of articles on conference materials]., Edited by E.G. Yakovleva. - Moskva., MSU, 1992.

10. Hoffmann E.T.A. *Hoffmans Werke in drei Bänden. Lebensansichten des Katers Murr. Band III, Aufbau-Verlag Berlin und Weimar*, 1972

11. Süskind P. *Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders*. Patrick Süskind. - Zürich., 1995.

Литература:

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М., Изд-во «Художественная литература», 1987

2. Ванечкина И. Советские музыканты и светомузыка // Искусство светящихся звуков. – Казань: КАИ, 1973

3. Галеев Б.М. Человек, искусство, техника. (Проблема синестезии в искусстве). Казань: Казан. ун-т, 1987

4. Долгов К.М. Реконструкция эстетического в западноевропейской и русской культуре. М. Прогресс-Традиция, 2004

5. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – М.: Изд-во МГУ, 1988

6. Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов: Саратов. мед. ун-т, 2007

7. Рыжов В.П. Принципиальные особенности моделей эстетического восприятия // Проблемы информационной культуры. Эстетика: информационный подход / Под ред. И. М. Андреевой, Ю.С. Зубова, Ю.Н. Рага, В.М. Петрова. – Вып. 5. – М.: Изд-во «Смысл», 1997. – С. 70-78.

8. Шевчук Д.А. Психоллингвистика: техника убеждения. М., Изд-во «Эксмо», 2008

9. Яковлев Е.Г. Синестезия как эстетическая проблема // Современный Лаокоон. Эстетические

проблемы синестезии: Сборник статей по материалам научной конференции / Под ред. Е.Г. Яковлева. – М.: МГУ, 1992.

10. Hoffmann E.T.A. Hoffmans Werke in drei Bänden. Lebensansichten des Katers Murr. Band III, Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1972.

11. Süskind P. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders. Patrick Süskind. Zürich, 1995.

Information about author:

Natalia Gribova - Candidate of Philology, Associate Professor, Saratov State Socio-Economic University; address: Russia, Marks city; e-mail: gribova_n_n@mail.ru

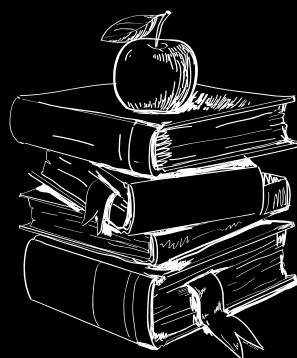
International multilingual social network
for scientists and intellectuals.

International intellectual portal «PlatoNick» is a multilingual, open resource intended to facilitate the organization of multifaceted communication of scientists and intellectuals, promulgate their authoritative expert conclusions and consultations. «Platonick» ensures familiarization of wide international public with works of representatives of scientific and pedagogic community. An innovation news line will also be presented on the «Platonick» portal.

Possibility of the informal communication with colleagues from various countries;

Demonstration and recognition of creative potential;

Promulgation and presentation of author's scientific works and artworks of various formats for everyone interested to review.

<http://platonick.com>

THE CONCEPT OF “MUSIC” IN THE CONTEXT OF GLOBAL TRENDS OF THE EURASIAN CULTURES DEVELOPMENT

S. Ayazbekova, Doctor of Philosophy, Full Professor,
Deputy Director
Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University,
Kazakhstan

The report is focused on the concept of “music”, which is revealed in the context of global trends of Eurasian cultures’ development. On the basis of lexical, historical, mythological, philosophical and culturological analysis the author makes conclusions about global dissemination of this concept in all cultures in Eurasia; the author discloses the peculiarities and the General principles of its functioning in the European and Asian cultures in terms of development of the Eurasian biculture; the author makes a conclusion about the losses and, at the same time, the expansion of its semantic field in the context of globalization.

Keywords: music, biculture, Eurasia, world music, soul music, and instrumental music.

Conference participant,
National championship in scientific analytics
Open European and Asian research analytics championship

КОНЦЕПТ «МУЗЫКА» В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ

Аязбекова С.Ш., д-р филос. наук, проф.
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Казахстанский филиал,
Казахстан

Доклад посвящен концепту «музыка», который раскрывается в контексте глобальных тенденций развития культур Евразии. На основе лексического, исторического, мифологического, философского и культурологического анализа делаются выводы о повсеместном распространении данного концепта во всех культурах Евразии; раскрываются особенности и общие принципы его функционирования в европейских и азиатских культурах в условиях развития евразийской бикультуры, делаются выводы о потерях и, одновременно с этим, расширении его семантического поля в условиях глобализации.

Ключевые слова: музыка, Евразия, евразийская бикультура, музыка мира, музыка души, музыка инструментальная.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i7.920>

Стало общепризнанной тенденцией и свойством современного мира глобальное движение и распространение знаний, технологий, финансов, товаров, услуг, языков, производений культуры и многого другого, что составляет ценность для развития человечества. И сегодня, в условиях глобализации, как бы ни стремились народы к выражению своей идентификации, интеграция пронизывает все сферы человеческой деятельности.

Следует заметить, что интеграционность как способ взаимосвязи и взаимодействия цивилизаций, народов, языков и культур – не только знак нашего времени. Вся история человечества свидетельствует о поочередном доминировании двух основных тенденций – интеграции и дезинтеграции. А потому интеграционные процессы, наблюдаемые нами, восходят своими истоками к периодам возникновения человечества и его расселения.

В особой мере наиболее ярко это проявилось на евразийском континенте, который развивался в последние 10 тысяч лет достаточно изолированно от Америки и Австралии. Здесь миграция населения, формирование цивилизаций и распространение разнообразных цивилизационных признаков и форм, привело к формированию, с одной стороны, этнической идентичности народов, а с другой, – обще-евразийских континентальных культурных универсалий.

Особенность нынешнего периода глобализации – в объединении обеих тенденций, когда интеграция сочетается с развитием и укреплением национальной идентичности.

Рамки доклада не позволяют рассмотреть в исторической динамике комплекс интеграционных признаков, процессов и форм. А потому остановимся лишь на одном концепте, который становится своего рода ментальной единицей, воплощающей в себе обе тенденции: Музыка как беспрецедентном языке межкультурных коммуникаций и Музыка как уникальном языке формирования этнической самости.

Судьба этого слова может свидетельствовать об истории народов Евразии, их миграции, распространении и взаимодействии языков и культур.

Происхождение слова «музыка» в древнегреческой культуре.

Слово «музыка» – μουσική (τέχνη) – зародилось в древнегреческой культуре. Об этом свидетельствует комплекс греческих легенд и мифов, согласно которым музыка произошла от муз – дочерей бога Зевса и богини памяти Мнемозины. Согласно легендам, пять из девяти муз покровительствовали музыке: Эвтерпа – всему музыкальному искусству, Мельпомена – пению и похоронной музыке, Терпсихора – хоровому пению, Эра-

то – свадебным песням, Полигимния – песнопениями в честь богов и героев. Вся их деятельность была направлена на воспевание богов и их деяний. Предводителем всех муз был их сводный брат Аполлон – бог искусства и музыки. Интересным представляется и то, что музам подвластно время, им ведомо не только настоящее и прошлое, но и будущее.

Этимология слова «музыка» в языках Евразии.

Приведенный анализ слова «музыка» в легендах и мифах свидетельствует о том, что этимология этого слова происходит от древнегреческого слова Μούσα – «Муза», которое затем трансформировалось в μουσική (τέχνη) – «Музыка», а затем к латинской транскрипции *musica*.

В дальнейшем, в период до XIX в. этот термин был заимствован всеми европейскими и славянскими языками: австр.-нем. *Musik*, русск. *музыка*, *музыка*, *музика*, польск. *Muzyka*, чеш. *Musika* и многими другими [1-5]. Это свидетельствует о едином корне слова «музыка» у европейских и славянских народов.

В Азии латинское слово «музыка» тоже получило повсеместное распространение, начиная с XVIII в. – времени усилившегося воздействия европейской и русской культуры. На сегодняшний день, пожалуй, нет ни одного языка Евразии, где не употреб-

лялось бы латинское слово «музыка», а потому, это слово практически не нуждается в переводе, определении или толковании (музыка – каз., *müzik* – турец., *musiqi* – азерб., *musik* – индонез., малайс.).

Что касается понятия «музыка», то во всех языках Азии присутствует свое обозначение. При этом если в европейских и славянских культурах этот термин был практически един с адаптацией его к различным языковым нормам и транскрипциям, то в культурах азиатских народов используются свои, исконные наименования этого феномена культуры, а потому крайне широко представлено их многообразие: *эуен, саз* (каз.), *音楽* – *Ongaku* (япон.), *संगीत* – *Sagita* (хинд.), *Երաժշտութիւն* – *yerazhshtut'yun* (арм.), *nhac* (вьет.), *дуу хөгжим* – *duu khögjim* (монг.), *音樂* – *Yinyue* (кит.) и др. [2].

Семантика концепта «музыка» в культурах Европы и Азии.

Если же попытаться выявить некие универсальные семантические свойства, то история культур и Европы, и Азии свидетельствует о трех основных смыслах концепта «музыка»: музыка мира («*musica mundana*»), музыка души («*musica humana*») и музыка в собственном смысле этого слова («*musica instrumentalis*»). Эта иерархия, обозначенная в учении пифагорейцев, стала своего рода синтезом сакральных знаний Азии и философских научных концепций античного мира.

Музыка мира («musica mundana») – одно из самых древнейших пониманий озвученного Космоса и космического происхождения музыки, когда, с одной стороны, музыка сфер, издаваемая планетами, организует Космос, а с другой, – Космос порождает музыку. В результате музыка становится гармонизирующим началом движения космических сфер, это же свойство музыки – гармонизация – распространяется затем на общество и человека.

Такое осознание музыки наблюдается у многих народов Евразии: в тюркской, индской (индийской), китайской, греко-римской античной и европейской (периода средневековья) цивилизаций. Современное естествознание также фиксирует феномен

звучащего Космоса. Знание, понимание и осмысление данного феномена обнаруживается в разнообразных способах осмысления мира: в мифах и легендах («О Коркут-ата» – тюрк., «О Куе» – кит.) [7], тайных Мистериях (древнегреческие Мистерии) [9], литературных памятниках («Люйши чуньцю», «Книга песен» – кит.) [10,11], а в дальнейшем, и в науке – философии (Пифагор, Платон, Аристотель, Аль-Фараби, Конфуций) и естествознании (А.Л. Чижевский) [12].

Музыка души («musica humana») – человеческая музыка, опирающаяся на соотношения тела, души, духа и четырех темпераментов. Беспрецедентное значение музыки в жизни людей определяется пониманием гармонии как равновесия противоположностей жизненных сил человека. Отсюда – осознание и установление правил воспитания через музыку, врачевание физических недугов через гармонизацию души, нравов и страстей. Такое понимание музыки сохранилось и используется и до нашего времени в культурах Азии: у многих тюркских народов, в Китае и Индии.

Музыка инструментальная («musica instrumentalis») — первоначально осмысливалась как образ и подобие Музыка мира. Не случайно поэтому ей приписывались магические свойства созидания и разрушения, установления гармонии мира, очищения сознания от всего преходящего, суетного, бренного (античные учения о катарсисе и этосе, тюркская, индийская и китайская системы воспитания).

Что касается повсеместного распространения европейской музыки в Новое и Новейшее время на территории Евразии, то, начиная с этого периода, и в особенности, в современный период были утрачены первоначальные смыслы, связанные с космоцентрическим и теоцентрическим миропониманием. Музыка потеряла свой статус божественности, сакральности и возвышенности, изменив свое функциональное назначение и перейдя тем самым в новую стадию своего существования – эстетическую.

Следует заметить, что одновременно с утерей этих смыслов происходит расширение семантических свойств

концепта «музыка» за счет фразеологизмов, пословиц и поговорок, вплоть до бытовых, просторечных, фамильярных, переносных, разговорных выражений и вульгаризмов: *музыка будущего* фразеолог. – *Zukunftsmusik* (нем.); *вся эта музыка* разг. – *all that jazz* (англ.); *кто платит, тот и заказывает музыку* посл. – *he who pays the piper calls the tune* (англ.); *пропадать, так с музыкой* погов. – *~ if I am going to die, I want to do it in style* (англ.) [13-15]. И таких примеров в языках культур Европы и Азии можно привести значительное множество.

Понятие «музыка» в современной науке.

В современной науке понятие «музыка» определяется, в основном, как музыка в собственном смысле этого слова – без космоцентрических и теоцентрических семантических констант с доминированием сугубо эстетической функции. Тенденция к секуляризации мировсвязующих смыслов и функций музыки привела к формированию особого терминологического осмысления этого феномена, который в Новое и Новейшее время стал определяться как: «вид искусства, который отражает действительность и воздействует на человека посредством особым образом организованных по высоте и во времени звуковых последовательностей, состоящих из звуков различной высоты» [16]; «искусство, отражающее действительность в звуковых художественных образах || произведение или совокупность произведений этого искусства; инструментальная разновидность этого искусства в отличие от вокальной || исполнение, звучание инструментальных произведений» [17]; «стройное, гармоническое сочетание инструментальных или вокальных звуков, с предназначением действовать на чувство человека» [18]; «искусство в звуках передавать ощущения и воспроизводить картины» [19]; «искусство воспроизведения мыслей, чувств и ощущений в звуках, состоящее из трех элементов: мелодии, гармонии и ритма» [20]; «искусство, в котором переживания, настроения, идеи выражаются в сочетаниях ритмически-организованных звуков и тонов» [21]. Данное понимание музыки

свидетельствуют о секуляризации его смыслов и сведения его значения к музыкально-языковым средствам.

Концепт «музыка» в контексте глобальных тенденций развития культур Евразии.

Глобальные тенденции развития культур Евразии свидетельствуют о формировании евразийского типа бикультуры. В самом общем виде бикультуру можно определить как такой тип культуры, который представляет собой взаимодействие и сосуществование в рамках формирования и функционирования единой культурной системы двух генетически, типологически и территориально различных культур: европейской – с одной стороны, и азиатской – с другой. Поэтому евразийская культура по своему внутреннему составу является бикультурой.

Наиболее характерной чертой и главным условием развития евразийской бикультуры является не только функционирование сложившейся веками этнической культуры, но и усвоение данным этносом определенных типологических характеристик иной культуры в виде целостной системы. При этом возникает некая система, в которой две культуры – эндогенная и экзогенная, выступая в качестве субкультур, образуют целостность типологического порядка. И поскольку эти субкультуры в рамках бикультуры могут сосуществовать как в относительной самостоятельности, так и, взаимодействуя друг с другом, постольку в бикультуре выделяется три основных компонента: эндогенный, экзогенный и компонент взаимодействия.

Тем самым в понятии «евразийская культура» на первый план выдвигаются типологические характеристики, в равной мере применимые ко всем культурам Евразии [22-24].

Приведенный анализ концепта «музыка» свидетельствует о «двумирье» этого феномена, когда произошедшее от латинского слова, «музыка» получила широкое распространение сначала в европейских культурах, а затем, в силу тотального воздействия европейской цивилизации, было воспринято азиатскими культурами. При этом, как правило, в Азии оно обозначало именно европейские жанры и

формы, нашедшие широкое распространение, начиная с периода Нового и Новейшего времени.

В то же время в культурах Азии продолжает активно функционировать традиционная музыка, которая и по сей день обозначается исторически закрепившимися терминами. Важно заметить в этой связи, что в этой музыке, также как и в лексемах, ей сопутствующих, сохранились и те функции музыки мира и музыки души, которые не были утеряны вместе с воздействием европейской культуры.

Выводы. Обобщая сказанное, можно заметить, что концепт «музыка», возникший в латинском языке в эпоху античности, стал тем понятием, которое получило широкое распространение на всей территории Евразии. При этом, став в процессе интеграции культур универсальным понятием, данный феномен, несмотря на принятие его азиатскими народами, отражает в целом европейский тип культуры и, соответственно этому, европейские музыкальные жанры. Период глобализации привел к утере миромоделирующих и значительному снижению религиозных семантических пластов.

Что касается азиатских народов, то, как показал анализ, культура каждого народа породила множество терминологических обозначений, раскрывающих национальные особенности той или иной музыкальной культуры.

В то же время, сопоставление терминов различных культур Европы и Азии выявил их единую типологическую общность, а именно деление музыки на музыку мира («musica mundana»), музыку души («musica humana») и музыку в собственном смысле этого слова («musica instrumentalis»).

Существование и широкое распространение европейского термина «музыка» одновременно с аналогичными азиатскими терминами раскрывает динамику евразийской бикультуры и свойственного ему двумирья. Важно при этом, что традиционный компонент бикультуры не только сохранил, но и способен воссоздать во всей своей целостности музыку мира («musica mundana»), музыку души

(«musica humana») и музыку в собственном смысле этого слова («musica instrumentalis»). А это значит, что музыка в процессе глобализации не только теряет свои смыслы, но и обретает новые, воссоздавая в концептуальных связях многообразные процессы взаимодействия Человека, Музыка и Мира.

References:

1. Tolkovi slovar' inostrannykh slov L.P. Krysina. [Explanatory Dictionary of Foreign Words by L.P. Krysina] – Moskva., Russkii yazyk [Russian language], 1998.
2. Bol'shoi slovar' inostrannykh slov [Grandd of foreign words]., Publisher «IDDK», 2007
3. Novyi slovar' inostrannykh slov [A new dictionary of foreign words]., by EdwART, 2009.
4. Polnyi slovar' inostrannykh slov, vshedshikh v upotreblenie v russkom yazyke [Complete dictionary of foreign words used in the Russian language] - Popov M., 1907.
5. Fogarashi, "Studia Slavica", – V. 4., 1958., p. 66.
6. Muzyka. Google. Perevodchik [Music. Google. Translator]., [Electronic recourse]., Available at: <https://translate.google.com/#auto/az/%D0%BC%D1%83%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0>
7. S.Sh. Ayazbekova, Kartina mira etnosa: Korkut-ata i filosofiya muzyki kazakhov [Ethnic picture of the world: Korkut-ata and the Kazakhs' music philosophy] – Almaty., 1999. – 221 p.
8. G.A. Tkachenko, Kosmos muzyka, ritual: Mif i estetika v «Lyuishi chun'tsyu» [Cosmos, music, ritual: Myth and aesthetics in the "Lyuishi chun'tsyu"] – Moskva., Nauka [Science]. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury [Main editor's office on the Eastern literature], 1990., p. 47.
9. Fludd. Zemnaya muzyka; On zhe: Zemnoi monochord. Entsiklopedicheskoe izlozhenie Mazonoskoi, Germeticheskoi, Kabbalistkoi i Rozenkreitserovskoi simvolicheskoi filosofii. Interpretatsiya Sekretnykh uchenii, skrytykh za ritualami, allegoriyami i misteriyami vseh vremen Menli P. Kholla [Fludd. The Earth music; The same: Earth

monochord. Encyclopedic Outline of the Masonic, Hermetic, Cabbalistic and Rosicrucian symbolical Philosophy. Interpretation of the secret teachings, hidden behind the rituals, allegories and mysteries of all time by Manly P. Hall]. – Sankt-Petersburg., Spiks, 1994., pp. 288, 290, 293.

10. Golygina K.I. «Velikii predel»: Kitajskaja model' mira v literature i kul'ture I-XIII vv. [«The Great Divide»: Chinese model of the world in the literature and culture of I-XIII centuries.]. – Moskva.: Nauka [Science]. Izdatel'skaja firma “Vostochnaja literatura” [“East Literature” book-publishing firm], 1995., p. 87

11. G.A. Tkachenko, Kosmos, muzyka, ritual: Mif i estetika v «Lyuishi chun'tsyu» [Cosmos, music, ritual: Myth and aesthetics in the “Lyuishi chun'tsyu”] – Moskva., Nauka [Science], Editor-in-chief. vost. lit-ry, 1990., p. 41.

12. Dubrovskii V.N. Kontseptsii prostranstva-vremeni. Fizicheskii i filosofskii aspekty [Concepts of space-time. The physical and philosophical aspects] – Moskva., Nauka [Science], 1991., pp. 88–105, 135–152.

13. Bol'shoi slovar' inostrannykh slov [Grand dictionary of Foreign Words] - Publisher «IDDK», 2007.

14. Tolkovyj slovar' inostrannykh slov L.P. Kryšina [The explanatory dictionary of foreign words] – Moskva., Russkij yazyk, 1998

15. Bol'shoi rusko-angliiskii slovar' [Russian-English dictionary]

16. Muzykal'naya entsiklopediya [Musical encyclopedia]: In 6 v. editorial board.: Yu. V. Keldysh (editor in chief) and others. - Moskva., «Sovetskii kompozitor, 1973 – 1982». - V. 3: Korto - Oktoľ., 1976., p. 730

17. Slovar' russkogo yazyka pod redaktsiei A.P. Evgen'evoi [The Russian dictionary edited by A.P. Evgenyeva]. – MAS, 1986., p. 310.

18. Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka [Dictionary of foreign words used in the Russian language] - Chudinov A.N., 1910.

19. Polnyi slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkom yazyke [A complete dictionary of foreign words used in the Russian language]. - Popov M., 1907.

20. Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka [Dictionary of foreign words used in the Russian language]. - Pavlenkov F., 1907.

21. Bol'shoi slovar' inostrannykh slov [Grand dictionary of Foreign Words]. - Publisher «IDDK», 2007.

22. Ayazbekova S.Sh. «Kul'tura Evrazii» i «evraziiskaya kul'tura» [“Culture of Eurasia” and “Eurasian Culture”]. Kazakhstan i evraziiskaya ideya v novom mire: Sbornik dokladov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma [Kazakhstan and the Eurasian idea in the new world: Proceedings of the International Scientific Forum]. Edited by A.V.Sidorovicha and E.B. Sydykova. – In 2 V. 1. – Astana., 2012., pp. 216-220.

23. S.Sh. Ayazbekova. K voprosu ob osmyslenii fenomena evraziiskogo kul'turnogo prostranstva [To the question of understanding the phenomenon of the Euroasian cultural space]. IX Evraziiskii nauchnyi forum «Nasledie L.N.Gumileva i sovremennaya evraziiskaya integratsiya» [IX Euroasian scientific forum “L.N. Gumilev's Heritage and modern Euroasian integration”] – Astana., 2012., pp. 364-368.

24. Ajazbekova S.Sh. Tradicii i innovacii kak vektory obosoblennosti i edinenija [Traditions and innovations as vectors of isolation and unification], 79-aja Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija “Vektory obosoblennosti i edinenija v sisteme koordinat obshhestvennogo razvitiija”, 1 jetap pervenstva po sociologicheskim naukam [79th International scientific and practical conference “Isolation and unification vectors in the social development coordinate system”, the 1st stage of championship in Sociological sciences]. - London., Mezhdunarodnaja Akademija Nauk i Vyshego Obrazovanija [International Academy of Science and Higher Education], 21-26 marta 2014 g. [Electronic resource]. – <http://gisap.eu/ru/node/45056>

Литература:

1. Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысіна.- М: Русский язык, 1998.

2. Большой словарь иностранных

слов.- Издательство «ИДДК», 2007.

3. Новый словарь иностранных слов.- by EdwART, 2009.

4. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. - Попов М., 1907

5. Фогараш, “Studia Slavica”, – Т.4. – 1958. – С. 66.

6. Музыка // Google. Переводчик. - [Электр. ресурс]. - <https://translate.google.com/#auto/az/%D0%BC%D1%83%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0>

7. Аязбекова С.Ш. Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов. – Алматы, 1999. – 221 с.

8. Ткаченко Г.А. Космос музыка, ритуал: Миф и эстетика в «Люйши чуньцю». – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – С. 47.

9. Флудд. Земная музыка; Он же: Земной монохорд // Энциклопедическое изложение Масонской, Герметической, Каббалисткой и Розенкрейцевской символической философии. Интерпретация Секретных учений, скрытых за ритуалами, аллегориями и мистериями всех времен Мэнли П. Холла. – СПб.: Спикс, 1994. – С. 288, 290, 293.

10. Гольгина К.И. «Великий предел»: Китайская модель мира в литературе и культуре I-XIII вв. / К.И. Гольгина. – М.: Наука. Издательская фирма “Восточная литература”, 1995., С. 87.

11. Ткаченко Г.А. Космос, музыка, ритуал: Миф и эстетика в «Люйши чуньцю». – М.: Наука, Глав. ред. вост. лит-ры, 1990. – С. 41.

12. Дубровский В.Н. Концепции пространства-времени. Физический и философский аспекты. – М.: Наука, 1991. – С. 88–105, 135–152.

13. Большой словарь иностранных слов.- Издательство «ИДДК», 2007.

14. Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысіна. - М: Русский язык, 1998.

15. Большой русско-английский словарь.

16. Музыкальная энциклопедия: в 6 т. редкол.: Ю.В. Келдыш (гл. ред.) [и др.]. - М.: «Советский композитор, 1973 - 1982. - Т. 3: Кorto - Октоль. - 1976. - С. 730.

17. Словарь русского языка под

редакцией А.П. Евгеньевой. – МАС, 1986, - с. 310.

18. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка.- Чудинов А.Н., 1910.

19. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. - Попов М., 1907.

20. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка.- Павленков Ф., 1907.

21. Большой словарь иностранных слов. - Издательство «ИДДК», 2007.

22. Аязбекова С.Ш. «Культура Евразии» и «евразийская культура» //Казахстан и евразийская идея в но-

вом мире: Сборник докладов Международного научного форума / Под ред. А.В. Сидоровича и Е.Б. Сыдыкова. – В 2-х т. Т.1. – Астана, 2012 - С. 216-220.

23. Аязбекова С.Ш. К вопросу об осмыслении феномена евразийского культурного пространства //IX Евразийский научный форум «Наследие Л.Н. Гумилева и современная евразийская интеграция» - Астана, 2012 - С. 364-368.

24. Аязбекова С.Ш. Традиции и инновации как векторы обособленности и единения // 79-ая Международная научно-практическая конференция “Векторы обособленности и единения в системе координат об-

щественного развития” / 1 этап первенства по социологическим наукам. - Лондон: Международная Академия Наук и Высшего Образования (Великобритания), 21-26 марта 2014 г. [Электронный ресурс]. – <http://gisap.eu/ru/node/45056#comment-46206>.

Information about author:

Sabina Ayazbekova - Doctor of Philosophy, Full Professor Deputy Director, Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University; address: Kazakhstan, Astana city; e-mail: ayazbekova@mail.ru

WORLD RESEARCH ANALYTICS FEDERATION

Research Analytics Federations of various countries and continents, as well as the World Research Analytics Federation are public associations created for geographic and status consolidation of the GISAP participants, representation and protection of their collective interests, organization of communications between National Research Analytics Federations and between members of the GISAP.

Federations are formed at the initiative or with the assistance of official partners of the IASHE - Federations Administrators.

Federations do not have the status of legal entities, do not require state registration and acquire official status when the IASHE registers a corresponding application of an Administrator and not less than 10 members (founders) of a federation and its Statute or Regulations adopted by the founders.

If you wish to know more, please visit:

<http://gisap.eu>

DIACHRONIC MEASUREMENTS
OF SYNCHRONIC RESEARCHESO. Ikonnikova, Candidate of Philology
Southern Federal University, Russia

In the present article the author introduces a new method of synchro-diachronic extrapolation, allowing to reconstruct the diachronic universalities with the help of diachronic measurements of synchronic states of the languages of different systems, mostly archaic ones. The basis of the method is the theory of universal evolutionism.

Keywords: synchro-diachronic extrapolation, languages of different systems, archaic languages, diachronic universalities, reconstruction.

Conference participant,
National championship in scientific analytics
Open European and Asian research analytics championship

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ
СИНХРОНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙИконникова О.Н., канд. филол. наук
Южный федеральный университет, Россия

В данной статье автор вводит новый метод синхронно-диахронной экстраполяции, который позволяет с помощью диахронических измерений синхронных состояний разносистемных, преимущественно, архаичных языков реконструировать диахронические универсалии. В основе метода лежит теория универсального эволюционизма.

Ключевые слова: синхронно-диахронная экстраполяция, архаичные языки, диахронические универсалии, реконструкция.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i7.921>

В настоящее время всё больше возрастает интерес к диахронической лингвистике, к проблемам языковых изменений и преобразований во времени, к построению такой лингвистической теории, которая бы обладала большей объяснительной силой по сравнению с синхронными исследованиями. Актуальной становится и диахроническая типология, которая в противовес синхронной типологии интересуется преимущественно универсально значимыми схемами изменений и преобразований языковых структур во времени.

Исследователи, занимающиеся диахронией, в частности, проблемами происхождением языка и эволюцией его категорий, имеют определенные трудности, связанные с отсутствием языкового материала древних эпох, а также памятников письменности. Сравнительно-исторический метод не в состоянии проникнуть на временную глубину, превышающую 8-10 тысяч лет. Это всего лишь одна десятая периода времени, в течение которого существует человеческий язык. В связи с этим возникает вопрос о применении определенных процедур и методов в диахронических исследованиях.

На наш взгляд, в диахронно-типологических исследованиях целесообразно применять лингвистическую экстраполяцию, т.е. на основе сопоставления и анализа разносистемных языков создавать общезыковые диахронные модели, учитывая, что каждая языковая семья, привлеченная к анализу, занимает определённую

нишу в процессе языкового развития. В данном аспекте мы предлагаем ввести новый термин *синхронно-диахронной экстраполяции*, подчеркивающий процедуру исследования: синхронное состояние языков, находящихся на разных эволюционных ступенях развития имеет результатом диахроническую универсалию. Таким образом, диахроническая универсалия представляет собой серию сменяющих друг друга синхроний разносистемных языков. Здесь мы исходим из предпосылок, во-первых, о взаимосвязи синхронии и диахронии, синхронических и диахронических универсалий. В данном случае синхрония рассматривается нами в динамике как один из срезов в историко-языковом процессе, во-вторых, считаем, что имеют место быть два и более синхронных состояния разносистемных языков относительно, например, категории имени прилагательного, одно из которых в диахронической модели есть историческое продолжение другого. Сравнивая синхронные срезы, можно установить объем и характер изменений, происходивших в языке за время, прошедшее между срезами, выявлять направление языковой эволюции, иногда и предсказать пути дальнейших изменений.

Следует отметить, что многие ученые, такие как С.Д. Кацнельсон (Кацнельсон 2001: 180), Е.С. Кубрякова (Кубрякова 2004: 465), Ю.С. Степанов (Степанов 2004: 303), Л.Е. Супрун (Супрун 1971: 97), Б.А. Успенский (Успенский 1970: 24), Дж. Гринберг, (Гринберг 1999: 122, 126),

А.П. Юдакин (Юдакин 1984: 17), Г.А. Климов (Климов 1990: 89) и др. в своих работах фактически указывали на процедуру лингвистической экстраполяции.

Впервые формулировка лингвистической экстраполяции была предложена Э.А. Макаевым (Макаев 1967: 29). Особо следует выделить основополагающий принцип лингвистической экстраполяции, установленный Э.А. Макаевым: можно экстраполировать явления одного языкового среза или явления одного уровня определенной языковой семьи сопоставлять с явлениями того же уровня в другой языковой семье лишь тогда, когда они отвечают условиям *типологического тождества*. Две сопоставляемые конструкции являются типологически тождественными лишь в том случае, если они (при прочих равных условиях) обнаруживают функциональное тождество. Кроме того, необходимо учитывать общие тенденции развития и общие приемы структурирования определенных единиц и отношений между ними в определенной семье языков, и, наконец, иметь в виду, какие стороны в анализируемом явлении могут относиться к общей типологии языка или входить в состав универсалий. Следовательно, можно утверждать, что для процедуры лингвистической экстраполяции весьма существенным оказывается выяснение окружения и места, какое определенная единица занимает в определенной подсистеме данного языка (Макаев 1977: 189-190, Макаев 1964: 8). О критериях функциональной об-

щности сопоставляемых единиц как основе типологического сопоставления ранее писала также М.М. Гухман. Она выделила критерии, при соблюдении которых синхронно-сопоставительные типологические исследования имеют доказательную базу гипотезы: во-первых «данное построение должно быть типично, узואльно для большинства языков»; во-вторых, «оно типологически является более древней моделью», и, в-третьих, подобные тенденции развития подтверждаются материалом нескольких семей языков и являются общими закономерностями развития языковой структуры» (Гухман 1957: 53-54).

Естественно, в случае метода синхронно-диахронной экстраполяции может возникнуть вопрос: в какой мере данная информация, полученная в результате применения вышеназванной процедуры, является обязательной для соответствующих языков?

Здесь, конечно, следует указать на тот факт, что любая реконструкция предполагает множественность, а не единственность решений и диахронические универсалии носят вероятностный характер. «Диахронические универсалии имеют вероятностный характер именно потому, что одновременно с универсальной тенденцией к изменениям определенного типа действуют различные факторы, зависящие от языковой структуры, а структура каждого языка имеет свои, только ему присущие особенности» (Гринберг 1999: 128). Г.А. Климов подчеркивает метафоричность самого термина «реконструкция» в лингвистике: «В ходе реконструктивной процедуры речь идет, конечно, не о восстановлении реальных фактов языкового прошлого, а лишь о построении в них некоторого лингвистического знания, фиксируемого в виде архетипов или прототипов или их совокупностей» (Климов 2009: 42).

Следует упомянуть утверждение Е.С. Кубряковой о том, что единство мира как непосредственной данности человеческого бытия, общность заложенных в человеке способностей к восприятию мира и его концептуализации, единые нужды и потребности человека, и, наконец, общность в целях и задачах коммуникации – все эти

факторы обуславливают определенное единообразие общих принципов восприятия мира и его осмысления и сходство в формах протекания мыслительной и когнитивно-познавательной деятельности человека и выработке им сходных представлений об основных онтологических категориях. [Кубрякова 2001: 286]. Данное утверждение может являться основой для диахронической типологии. Поэтому в качестве теоретической основы исследования мы принимаем точку зрения *радикального универсализма* и теорию моногенеза (происхождения всех человеческих языков из единого праязыка) и полагаем, что сходство между современными языками в синхронии и в диахронном развитии есть продукт сохранения черт, заданных типом исходного праязыка, а также конвергентных тенденций, сопровождающих процессы параллельного развития отдельных языков; различия между языками объясняются как результат мутации – процессов дивергентного развития, по-разному использующих структурные потенции, заложенные в предшествующих языковых состояниях. Теория радикального универсализма исходит из основного понятия диахронической типологии – идеи общего для всех языков пути развития, проходя который одни языки могут опережать другие.

С другой стороны мы не должны упускать из виду «идиоэтнические типовые блоки-схемы», в которых устойчиво и общественно значимо закрепились определенные комбинации речемыслительных процессов: «типологические характеристики языка являются комплексами гештальтов, грамматикализирующих процесс вербализации мысли (на данном языке), который на каждом этапе имеет множество альтернатив дальнейшего развертывания: каждая потенциально возможная цепочка переходов от речемыслительного замысла к сообщению есть элемент пространства типологических возможностей варьирования естественного языка» (Кибрик 2004: 37).

Синтезируя теории радикального универсализма и моногенеза, мы придерживаемся *универсального эволю-*

ционизма как теоретической основы исследования. Таким образом, метод синхронно-диахронной экстраполяции подчеркивает понятие единства метода и теории, т.е. совокупности теоретических установок, приемов исследования, связанных с определенной теорией – универсального эволюционизма.

В свете метода синхронно-диахронной лингвистической экстраполяции особое значение приобретают так называемые архаичные языки, в которых могут быть найдены формы и процессы, которые не засвидетельствованы в языках с древнейшей письменностью. Мы определяем архаичный тип языка как такой тип, который в силу особых условий общественного развития своих носителей сохранил в большей степени древнее языковое состояние [Konnikova 2013].

В связи с введением в исследование материала архаичных языков, следует отметить, мнение американского типолога Дж. Николс, которая считает, что необходимой предпосылкой для реконструкции древнейшей языковой истории Земли и для содержательной типологии языков является исследование географического распределения языкового разнообразия. Николс вводит важное лингвогеографическое понятие – противопоставление протяженных и замкнутых зон. Протяженные зоны, обычно представленные на равнинах (например, евразийская цепь), характеризуются сравнительно малым генетическим разнообразием. Замкнутые зоны обычно возникают в географических ареалах, ограниченных горами, океанами и т.п. (например, Кавказ) и отличаются высоким уровнем разнообразия [Кибрик, Плунгян 2002: 300, 296]. Фактически, замкнутые языковые зоны, о которых пишет Николс, возникают в результате действия критерия географической (территориальной) изолированности носителей языков. Важность географического критерия неоспорима – это экстралингвистический критерий, предопределяющий архаичный тип языка, который даёт продуктивный материал для историко-типологических исследований.

Таким образом, синхронно-диахронная экстраполяция, в основе ко-

торой лежит теория универсального эволюционизма, позволяет с помощью диахронических измерений синхронных состояний разносистемных, преимущественно, архаичных языков реконструировать диахронические универсалии.

References:

1. Dzh. Grinberg, Memorandum o jazykovyh universalijah [Memorandum of language universals]. Zarubezhnaja lingvistika II: Per. s angl. Obshh. Red. [Foreign Linguistics II: Translated from English. Total Edition]., V.A. Zveginceva, B.A. Uspenskogo, B.Ju. Gorodeckogo. - Moskva., Progress, 1999., pp. 118-131.

2. Guhman, M.M. Indoevropskoe sravnitel'no-istoricheskoe jazykoznanie i tipologicheskie issledovanija. [Indo-European comparative-historical linguistics and typological studies] V.Ja. 1957., No. 5., pp. 46-57.

3. Kacnel'son, S.D. Obshee i tipologicheskoe jazykoznanie [General and typological linguistics]., S.D. Kacnel'son. - Moskva., Nauka [Science]., 1986. - 298 p.

4. Kibrik, A.A., Plungjan V.A. Funkcionalizm. Sovremennaja amerikanskaja lingvistika. Fundamental'nye napravlenija. [Contemporary American linguistics. Fundamental directions] Edited by. A.A. Kibrika, I.M. Kobozevoj, I.A. Sekerinoj. - Moskva., Editorial URSS, 2002., pp. 276-339.

5. Klimov, G.A. Osnovy lingvisticheskoi komparativistiki. [Fundamentals of comparative linguistics] - Moskva., Nauka [Science]., 1990. - 168 p.

6. Kubrjakova, E.S. Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. [Language and Knowledge: On the way to getting knowledge about language: Parts of speech from the cognitive point of view] - Moskva., Jazyki slavjanskoj kul'tury [Languages Slavic culture]. 2004. - 560 p.

7. Makaev, Je.A. Sravnitel'naja, sopostavitel'naja i tipologicheskaja grammatika [Comparative, typological and comparative grammar]. V.Ja. 1964., No 1., pp. 3-13.

8. Makaev, Je.A. Obshhaja teorija sravnitel'nogo jazykoznanija [The general theory of comparative linguistics] - Moskva., Nauka [Science], 1977. - 205 p.

9. Makaev, Je.A. Rekonstrukcija

indoevropskogo jetimona [Reconstruction of Indo-European etymon]., V.Ja. 1967., No. 4., pp. 26-33.

10. Stepanov, Ju.S. Metody i principy sovremennoj lingvistiki [Methods and principles of modern linguistics]. - Moskva., Editorial URSS, 2004. - 312 p.

11. Suprun, A.E. Lekcii po jazykoznaniju [The lectures on linguistics]. - Minsk., Publisher BGU, 1971. - 144 p.

12. Uspenskij, B.A. Problema universalij v jazykoznanii. Novoe v lingvistike [The problem of universals in linguistics. New things in linguistics]., Issue 5. (Jazykovye universalii) [universals of the languages]. Translated from English, edited by and the written foreword by B.A. Uspensky. - Moskva., Progress, 1970., pp. 5-30.

13. Judakin, A.P. Razvitie struktury predlozhenija v svjazi s razvitiem struktury mysli [Development of the structure of the sentence in connection with the thought patterns development] - Moskva., Nauka [Science]., 1984. - 168 p.

Литература:

1. Гринберг, Дж. Меморандум о языковых универсалиях. / Зарубежная лингвистика II: Пер. с англ. / Общ. Ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1999. С. 118-131.

2. Гухман, М.М. Индоевропейское сравнительно-историческое языкознание и типологические исследования // ВЯ. 1957. № 5. С. 46-57.

3. Кацнельсон, С.Д. Общее и типологическое языкознание / С.Д. Кацнельсон. - М.: Наука, 1986. - 298 с.

4. Кибрик, А.А., Плулган В.А. Функционализм. // Современная

американская лингвистика. Фундаментальные направления. / Под ред. А.А. Кибрика, И.М.Кобозевой, И.А. Секериной. - М.: Едиториал УРСС, 2002. - С. 276 - 339.

5. Климов, Г.А. Основы лингвистической компаративистики. - М.: Наука, 1990. - 168 с.

6. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 560 с.

7. Макаев, Э.А. Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика // ВЯ. 1964. № 1. С. 3-13.

8. Макаев, Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. - М.: Наука, 1977. - 205 с.

9. Макаев, Э.А. Реконструкция индоевропейского этимона // ВЯ. 1967. № 4. С. 26-33.

10. Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2004. - 312 с.

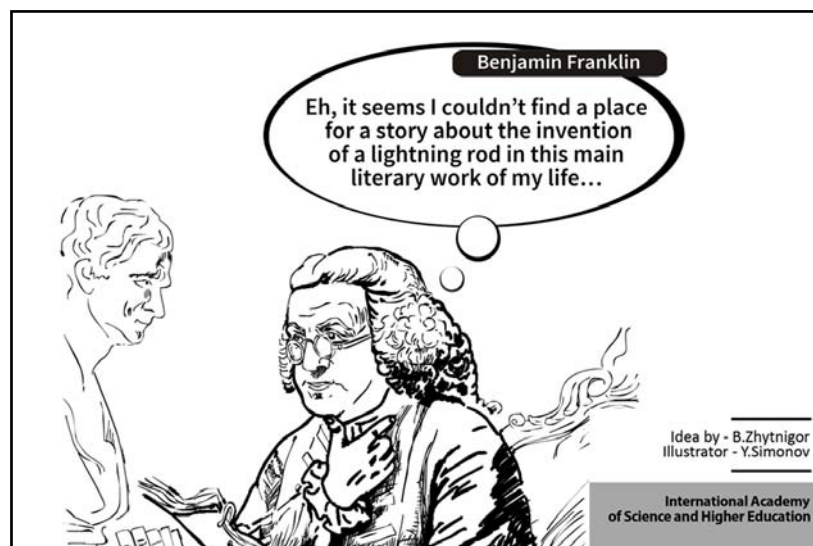
11. Супрун, А.Е. Лекции по языкознанию. Минск: Изд-во БГУ, 1971. - 144 с.

12. Успенский, Б.А. Проблема универсалий в языкознании. / Новое в лингвистике. Вып. 5. (Языковые универсалии). Пер. с англ. под ред. и с предисловием Б.А. Успенского. М.: Прогресс, 1970. С. 5-30.

13. Юдакин, А.П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. - М.: Наука, 1984. - 168 с.

Information about author:

Olga Ikonnikova - Candidate of Philology, Southern Federal University; address: Russia, Rostov-on-Don city; e-mail: iconolga@mail.ru

THE STRUCTURE AND ORGANIZATION OF A POETIC CREATIVE ENTITY

T. Suvorova, Postgraduate student
Kyiv National Linguistic University, Ukraine

In the report the author discloses the meaning of the role of the structure and organization of creative work in terms of the systems approach. Integration of mental, verbal and textual hypostases of the text as a complex system is studied by the author.

Keywords: structure, organization, system, mental plane, verbal plane, textual plane.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i8.951>

Creative thinking can be realized via language resulting in a text. The text is treated as an aesthetic object. One of the main aims of the text is to transmit the information enclosed in the language signs. If the text presents a piece of poetry than the poetic thinking as one of the forms of creative thinking is involved into the materialization of a possible world created by an author in a text form. The possible world is formed by means of word images which are complex mental entities [3] that contain knowledge obtained by a human being in the process of his ontogenetic and phylogenetic development. These entities are verbalized. Thus, the word images can be considered to be cultural signs taking part in the reconstruction of the textual world as the one which is an alternation to the real one. In this case, text as a creative effort manifestation is a complex poetic entity that is not an element of language, but the sign of culture [4, 12]. Text as a poetic creative entity and cultural phenomenon at a time makes connection between different spheres of a human being existence and models a kind of an alternative world as an interwoven space and time continuum.

The theological image of the text [13] was elaborated in the theories of possible multiple story worlds – analogues to the real world a human being lives in by M.-L. Ryan, L. Doležel, J. Gavinsand, mind modeling theory by A. Palmer. On the one hand, it became possible due to the involvement of the term “system” into the meaning of a kind of a model [16] and acceptance of the process of cognition in general (and interpretation in particular) as reconstruction of individual experience through self-hood [11]. On the other hand, it was influenced by the general systems theory (GST) by K.L. von Bertalanffy which

displayed universal laws of any system development – natural or artificial.

A system as a model is a universal instrument of an object cognition, revealing its main properties [16, 31]. One of the simplest is “a black box” system model. It is valuable in order to describe an object without paying attention to its inner structure. As an example a folklore ballad can be used. The individual experience of seeing the surrounding world as a hierarchical system a human being lives in involves the analogy to world culture structure. The folklore ballad is a cultural phenomenon, a multimedia spectacle combining text, music and dance. It has its place in the hierarchy of the cultural system being a unit of the folklore genre system, which in its turn is a part of literature. The latter is the subsystem of culture. Meanwhile, a folklore ballad can be a super-system to the American or British ballad and so on.

The next type of system is the model of a “clear box” when the investigator pursues the aim of describing the structure, organization and functioning of an object of cognition. In this case an object is considered to be a complex system itself consisting of interconnected units which carry out an emergent function. The folklore ballad from this viewpoint is viewed as a text with two-plane showing up – mental and verbal. Word images are then the word-based operators the texture of which serves to be the basis for the story world creation and emergence.

So, the text has double nature of existence – mental, represented in concepts, and verbal, presented in language signs. Therefore, in terms of the systems approach a text is a system of systems characterized by an emergent function implemented through the structure of its space and organization of

its units. Being a complex creative entity poetic text is functioning as a single unit on the textual level which falls into heterogeneous subsystems – conceptual and verbal.

Text as a system can be modeled as a static or dynamic entity. A *static* type of a system is frequently used in linguistic studies arranged in the light of the structural or cognitive approaches. Such type of system modeling helps to reflect the *structure* of an object of cognition (in our case – text) and answer the question regarding the units the system consists of. Thus, it describes the meaning of the system through the analysis of its elements. This type of system models gives the information about the quality of the system depending on the repetition of this or that type of units or their properties.

A static system application to a text can be exemplified by an American folklore ballad “A cup of cold poison”. The text of the ballad as a psycholinguistic unit [4, 9] is treated by the perceiver as a single entity which has its boundaries (the beginning and ending), consists of the units (word images) and functions as an aesthetic unity. The text as a unity exists in two cases [4, 9]:

- mental representation;
- abstract construal for research purpose of analyzing the verbal level.

Taking into consideration the fact that text exists as a whole unit due to functioning of the word images, both levels of the word image existence should be interpreted. A word image is seen as a cognitive structure that has two planes – conceptual and verbal [5]. The conceptual plane is a hierarchical system formed by interconnected concepts embodied in the interconnected language signs of different layers – phonological, lexicosemantic, syntactical which form

another hierarchical system of the verbal plane.

Each system is a complex space with its dimensions and tools to be applied. The mental image space can be regarded as a medium where everyday concepts undergo modifications and become units of a story world created by an author. It can be explored with the support of verbal level which in this case serves as a trigger that actualizes and activates mental schemata, archetypes and conceptual propositions. The methodology of the mental imagery space analysis is based on the theory of mental spaces and conceptual integration (blending) that explains the mechanism by which the human mind creates and relates abstract conceptualization (Fauconnier, Turner).

A word image from the viewpoint of cognitive theory by L. Belekova is a complex entity which has three hypostases: pre-conceptual (evoking naive knowledge), conceptual (evoking prototypical knowledge based on individual experience) and verbal (employing the verbal resources).

Thus, a word image being a tool by which the fictional world is created and manifested refers to conceptual and verbal planes of a creative work. To analyze the systemic planes properly special instruments must be used:

- for the conceptual level these are the image schemata, basic propositions, archetypes helping to skip the information about the concepts and conceptual tropes involved in creating the fictional world;

- for the verbal level these are the rhyme, stanza, rhythm, stylistic devices and figures used to reveal the content of the creative work.

The interest to the ballad “A cup of cold poison” better known by the name “A Lord Randal” lies in the fact that it is the most popular purely traditional song [9, 38] in many European countries and in America [9, 211]. Its most extant versions stem from the 19th century but the roots can be traced back to a Veronese broadside from 1629 [9, 210]. The widely spread ballad and its long history testify to the fact that the basic cognitive models (archetypes, image schemas, concepts) and cognitive mechanisms (mapping) are the universals which establish the

principles of creative thinking and the text formation as a result of it.

Conceptual level. The version used in the analysis consists of six analogically built mental spaces explicated through the question-and-answer form.

A Cup Of Cold Poison

1. “Where have you been rambling, my own darling son?
Where have you been rambling, my own darling John?”
“O’er the hills and the valleys, mother; make my bed down,
For I’m sick to my heart, and I long to lie down.”
2. “What have you been drinking, my own darling son?
What have you been drinking, my own darling one?”
“A cup of cold poison, mother; make my bed down,
For I’m sick to my heart, and I long to lie down.”
3. “What’ll you will to your mother, my own darling son?
What’ll you will to your mother, my own darling one?”
4. “My house and my farm, mother; make my bed down,
For I’m sick to my heart, and I long to lie down.”
5. “What’ll you will to your father, my own darling son?
What’ll you will to your father, my own darling one?”
“My horse and my saddle, mother; make my bed down,
For I’m sick to my heart, and I long to lie down.”
6. “What’ll you will to your children, my own darling son?
What’ll you will to your children, my own darling one?”
“This wide world to ramble, mother; make my bed down,
For I’m sick to my heart, and I long to lie down.”
7. “What’ll you will to your wife, my own darling son?
What’ll you will to your wife, my own darling one?”
“The great keys of hell, mother; make my bed down,
For I’m sick to my heart, and I long to lie down.”

The dialogue is between a son and his mother. It reveals two contradictory life positions of the communicators – passive and active correspondingly. In the course of the dialogue the perceiver through the medium of the mother became emotionally involved in the story of the son’s poisoning and forthcoming death. The recognition of emotional climax is expressed by the word combination “*I’m sick to my heart, and I long to lie down*” which signalizes that the protagonist has resigned himself to his fate. It is obvious that the basic story is not about murdering or poisoning, but rather the unhappy love and the beloved’s betrayal. The partner’s treachery leads to the husband’s death.

The mental space is formed by two central concepts of LIFE and DEATH that are not expressed explicitly, but are guessed from the overall context. The context forms the continuum of the mental space and serves as the background of the main central concepts.

Myth is the foundation of any ballad [3]. The root of the inner level of the text is supported by the mythological beliefs about the real world model. Due to C. Jung’s theory of cognition the archetypes contain the naive knowledge

of the world continuum and are the form of the collective consciousness [C. Jung. 1997; Campbell 1988, C. 18]. The structure of the mental space of the ballad is based on the folklore consciousness which reveals the development of the creative thinking from the syncretic mythopoetic in the archaic epoch to the analogues and associative in the canonic period and to the paradox, parabolic and essayistic at the period of the individual creative thinking formation [5, 10–34]. The concepts of LIFE and DEATH have the archetypal cognitive nature. The value of the concepts arises from the support of other concepts cooperation.

Thus, the two central concepts structure the set of concepts involved in the mental space of the ballad, being the attracting section for the concepts. Thus, the cognitive metaphors are used to reveal the meaning of the mental plane system – DEATH is ILLNESS, DEATH is BETRAYAL, DEATH is

PASSIVE POSITION and as the contrast LIFE is SPACE, LIFE is LOVE, LIFE is HOME.

Relying on the information obtained by means of the conceptual analysis, the mental space is structured by two contrastive centers subordinating all the concepts of the ballad. The attributive analogues mapping is the principal mechanism of the mental space formation. The basic frames which are considered to be the instruments of thinking are the propositions of several types, modeling the most abstract level of generalization [15, 57]. The frames attest the quality of the system. In this ballad the most popular basic frames involved are objective implementation of the qualitative scheme "X is SUCH".

Verbal level. The perceiver becomes aware of a possible misalliance and its potentialities for plot development. The ballad lacks hard elaboration of the stylistic devices and effects. It resembles a sketch performed in a hurried manner. But the illusion of the lack of the aesthetic flavor of "balladness" disappears when inconsistencies, mental leaps and bounds, even gaps acquire the specific meaning due to the cognitive instruments of the mental level investigation. The entire mental process is embedded in a dialogue form which is presented by the analogues – special questions stated by the mother and the analogues – compound sentences with copulative coordination between clauses as the replies of the son. The use of a question indicates the active life position of the mother and correlates with the central concept of the ballad – LIFE. The answer of the son shows his passive life position, as he imitates his expression giving short information and does not develop his thought in order to support the conversation. The second part of the sentence is his reference to his state and emotions which also does not promote further communication. The meaning of the structure correlates to the second central concept of the ballad – DEATH. So, the syntactical level of the verbal plane system serves to express the regular alternation of the speakers and therewith the perspective of the system advances a formal coherence to the poem and is an antithesis against the storm of emotions in both speakers. [9,

213]. The emotions are not embodied in the word form, but are read from the context, that is in the correlation with the mental system. From the viewpoint of the cognitive poetics the repetition of the same syntactical structures realizes the conceptual metaphor MORE FORM is MORE MEANING, thus emphasizing the central role of the concepts of LIFE and DEATH.

The lexicosemantic level of the verbal plane system actualizes and activates the symbols which are based on the archetypes – LIFE and DEATH forming the heterogenic division of the key verbal signs in the verbal system. The place of the lexemes connected with the archetype LIFE correlates with the syntactically expressed meaning of an active life position – in the first part of the son's answer to mother's question. In this part of the sentence the character establishes the future sphere of the outer world where his close relatives should live, but the world excludes the protagonist's presence.

The symbols based on the archetype LIFE are verbalized in the lexemes *mother, father, children, house, farm, horse, world*.

The other group of lexemes (*cup of poison, bed, sick heart*) actualizes and activates the archetype DEATH and occurs in the syntactical constructions revealing the meaning of passive life position – that is the second part of the protagonist's answer.

To draw a line, it can be stated that the structure of the verbal plane system of the ballad text is presented by the grammatical structures on the lexicosemantic and syntactical levels and reinforces the meaning produced by the mental plane system – the contrastive relations between two central concepts – LIFE and DEATH.

As seen from the obtained results after the analysis of structures of two hypostases of the word image system of the ballad text the assumption of the cognitivists about the interaction of the mental and verbal structures comes forward. The assumption can be expressed in the statements [8]:

- patterns of usage are indices of language structures;
- language structure is an index of conceptual structure.

Such a conclusion returns us to the definition of text as a complex creative work, a system of systems which has a structure alongside with the organization and functions as a unity realizing the emergent quality.

It means that knowing the structure of text is connected with the text perception. Revealing the sense of text through its organization depends on the process of interpretation of all system units and functions. It presupposes the existence of a super-system, a dynamic complex system which has a textual plane existence where all the text dimensions meet and interact. Collaboration of two planes of creative work – conceptual and verbal is viewed in the light of the theory of iconicity. In functional-cognitive linguistics, as well as in semiotics, iconicity is the conceived similarity or analogy between the form of a sign (linguistic or otherwise) and its meaning, as opposed to arbitrariness. In the literary work the syntactical and acoustic organization of language units may correlate with the emotions accompanying the conceptual plane of the creative whole.

If we return to the text of the ballad we should notice the exceptional disposition of the lexemes *keys of hell* which are the symbol of DEATH and are used in the first part of the last son's answer at the end of the ballad where the symbol of LIFE is used in the previous fragments. The unexpected place of this symbol highlights its value as it gives the key to the whole sense of the word images set presented and elaborated in the word image system of the ballad. It makes all the units of the system organize in establishing the main function of the system – to create an emergent structure of the knowledge modeled by the ballad text. The structure can be obtained through the cognitive structure – scheme of enlightening [5, 2013] – which reflects the result of new understanding of all systems units as the unity. The scheme is connected with the complex concept-impression that has a gestalt structure [10, 11]. The scheme of enlightening of the ballad involves the conceptual metaphors LIVE ENDS IN DEATH, DEATH GIVES BIRTH TO NEW LIFE, LIFE IS CYCLE.

The other proof of correctness of the

idea about the analysis of the textual plane of a creative work is achieved by the application of the method of positional analysis elaborated by G. Moskalchuk and K. Belousov. The method is based on the assumption that creative work is constructed due to the Golden Ratio principle. The harmonic center (HC) of the ballad text (designated at the distance of 0,618 from the beginning) and HC of the beginning (the distance of 0,236) coincides with the lexemes *make my bed down*. Both HCs light up the central Concepts, one as the leading and another as the background to the first. It means that in the text as a system all elements and units are important as they work together to create an emotional impact on the perceiver. Emotions are not explicitly described, but are evoked on the part of the perceiver. The process of recognition is similar to that of the mother's, but the perceiver's emotional involvement is parallel to that of the protagonist. Taking into consideration the information obtained from the structure and organization of mental, verbal and textual planes of the ballad text as a dynamic system, we can characterize the analyzed creative unity as emotional, nominative, inner-oriented, static type of the system model. It ascertains the idea of the verity of the textual dynamic systems depending on the ways of their structure and organization realization.

Discussing the role of structure and organization of creative work we emphasize the important role of the textual plane as a complex dynamic system. Interaction of planes is possible due to the counterpoint principle of the

imagery system organization resulting in characteristics of dynamic processes and static structure that produce a holographic effect. Application of synergetic methods helps the linguists to reveal the work of creative thinking on a deeper level.

Reference:

1. M. Arbib *Metaphorical Mind*. Ed. 3-d ed. – Moscow., Editorial URSS. 2010. – 304 p. (in Rus)
2. Baksanskij O.E., Kucher E.N. *Cognitive Synergetic Paradigm*. Ed. 3-e. – Moscow., KRASAND. 2010. – 184 p. (in Rus)
3. L.I. Belehova *Prototypic AndNonprototypic Reading of Poetic Text*. KOGNICIJA. KOMMUNIKACIJA. DISKURS. 2013. No. 6., pp. 10–34. (in Rus)
4. K.I. Belousov, *Synergy of the text*. – Moscow., LIBROCOM. 2012. (In Rus)
5. L.I. Bjeljehova, *Image Space of American Poetry*. *Cognitive Aspect*. Doctoral Thesis. 10.02.04. German languages. – Kiev., 2002. – 476 p. (in Ukr)
6. V.E. Chernjavskaja, *Is Text Static or Dynamic?* KOGNICIJA. KOMMUNIKACIJA. DISKURS. 2010., No. 1., pp. 123–131. (in Rus)
7. G. Fauconnier, *Mapping in Thought and Language*. G. Fauconnier. – Cambridge University Press, 1997. – 205 p. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139174220>
8. D. Glynn, *Corpus-driven lexical semantic evidence for conceptual structure of ANGER*. – Frankfurt., 2013.
9. K. Goller, *The Randal Ballad: Development, Transformation and Function*. Available at [http://epub.uni-](http://epub.uni-regensburg.de/27346/1/ubr13574_ocr.pdf)

[regensburg.de/27346/1/ubr13574_ocr.pdf](http://epub.uni-regensburg.de/27346/1/ubr13574_ocr.pdf)

10. Zh.N. Maslova, *Poetic Picture in the Prospective of Humanitarian and Philological Knowledge*. KOGNICIJA. KOMMUNIKACIJA. DISKURS., 2013., No. 6., pp. 10–34. (in Rus)

11. T.N. Suvorova, *Counterpoint as Organizing Principal of the System of Poetic Word Images*. available at: <http://www.gisap.eu/ru/node/34557>. (in Rus)

12. M. Turner, *The Literary Mind: The Origin of Thought and Language*. M. Turner. – New York, Oxford., Oxford University Press, 1998. – 187 p. <http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195126679.001.0001>

13. O.P. Vorobjova, *Conceptual Linguistics in Ukraine*. *Visnyk KNLU. Ser. Philology*. 2011. V. 14., No. 2., pp. 53–63. (in Ukr)

14. A.A. Zalevskaja, *Principals of Navigation in Live Polycode Hypertext*. 2013., Available at: <http://gisap.eu/ru/node/21650>. (in Rus)

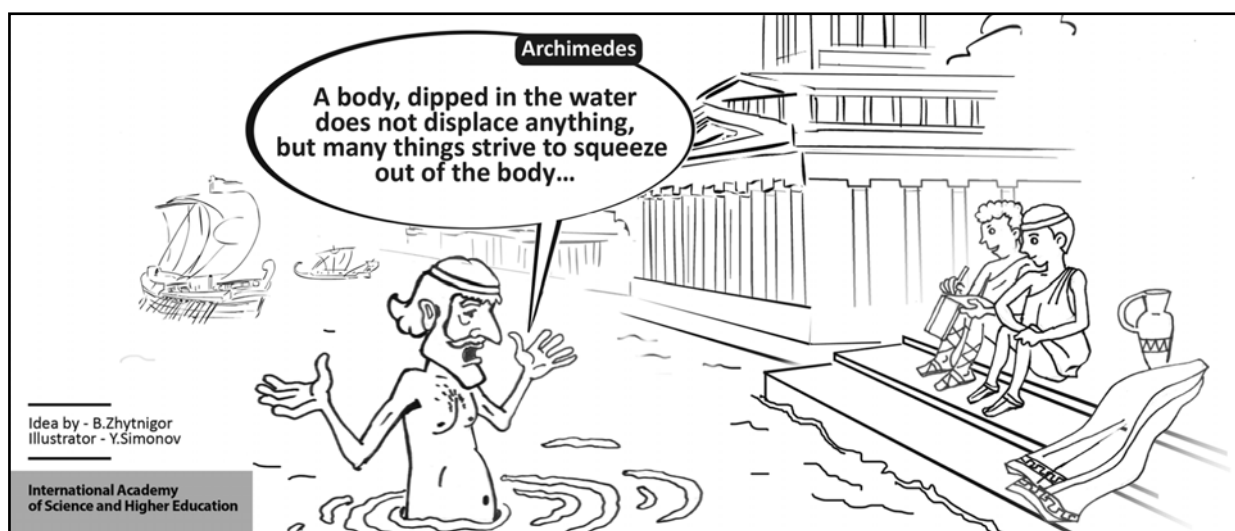
15. S.A. Zhabotinskaya, *Elementary code and dynamics of the conceptual structures., Nonlinear dynamics in cognitive investigations.* – Nizhnyi Novgorod., 2011., pp. 57–60. (in Rus)

16. Zhilin D.M. *Theory of systems*. – Moscow., LIBROCOM. 2013. (in Rus)

17. *Ballads and Songs of Southern Michigan-online book*. Available at: <http://www.traditionalmusic.co.uk/michigan/>

Information about author:

Tatiana Suvorova – Postgraduate student, Kyiv National Linguistic University; address: Ukraine, Kyiv city; e-mail: s11s@i.ua

POLYFUNCTIONALITY OF ENGLISH QUANTITATIVE WORDS

O. Shumenko, Candidate of Philology, Associate Professor
 S. Shvachko, Doctor of Philology, Full Professor
 E. Kuprienko, Student
 Sumy State University, Ukraine

The article in question considers the functioning of quantitative units, their language and speech aspects. The introduction is focused on the most significant items of the reports – definition of numerals, words of weight and measure, aims, methods of investigation, empiric materials applied, evolution modifications and perspectives of further study.

Keywords: quantitative words, numerals, words of weight and measure, polyfunctionality, language and speech aspects.

Conference participants,
 National championship in scientific analytics,
 Open European and Asian research analytics championship

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i7.913>

The analysis of empiric material proves that polyfunctionality of the subject is at work with nominative and communicative functions. By dictionary definitions the quantitative words embody the exact numbers/measures. At the speech level quantitative assessment radically changes: there come exact, approximate and zero markers of quantifications. This scientific novelty is unfortunately not included into the academic process.

The metasing *quantity* refers to units which verbalize the results of cognition through semes (number, measure). The allonyms of this type objectivize the arrangement of two groups – number paradigm and measure paradigm.

The words do not only nominate things and allow communications, but they are also involved into the investigation process, they enable solving the mysteries of language and its inherent properties of systematic arrangement. The latter is implied by comparison, the comparison – by convergence and divergence, convergence and divergence make systems; the ways of their reconstructions are eternal in cognition.

The logic category of quantity is made available due to the analysis of the cognitive nature of the linguistic units which make quantification work alongside with other semiotic signs. It is generally known that quantity does not exist independently, singly. It is an inherent property of real and imaginative worlds. The cognition of quantity results in some gains of the scientific picture of the world.

Counting as a mechanism of cognition works with linguo-creative thinking (Shvachko, 2008, p. 124). The

denominal tendency is traced in the constant modifications and semantic deviations. This is verified by the cycles of their evolution: ($N_1 \rightarrow \text{Num} \rightarrow N_2$): five \rightarrow fiver (\$5), six \rightarrow sixer (a team), million – millionaire, millionaireism.

The process of lexicalization is objectivized by emergence of set-expressions with numerals. Numeric components yield to nominal ones, quality comes forward: “forty winks”, “as thick as two thieves”, “seven wonders”, “two dogs over one bone”. Numerals may be dropped or substituted, the quantitative zero constituents do not influence the general message: “to make two (both) ends meet”, “saying and doing are two (different) ways”, “as drunk as (seven) lords”, “as cross as (two) dogs over a (one) bone”; “as like as (two) peas”.

The numeric words are bifunctional as they are used in the type of the examples above, and in abstract counting of the type “two times two is four”, “four divided by two is two”. The numeric features are verbalized by monolexical and polylexical units. Phraseological ones do not stand apart, they express quantity (in our case: number) – explicitly and implicitly. Empiric material objectivizes the existence of the paradigmatic cluster – language quantity field. The latter is bicedentred; numeric and measure units constitute its major sectors. Numeric words (numerals) major in it, for they are used with discrete things directly and with indiscrete ones – as a team with measure units: “two apples”, “three trees”; “two pounds of sugar”, “three bushels of coal”.

Quasi-words are used not only in the English language: “hickory”, “dickory”, “dick” (kid’s song). The Celtic units

“hevera” (8), “devera” (9), “dick” (10) are used in the cowboys’ slang (Litvin 2005, p. 203). The archaic units have the tendency to vanish. Nominal property comes forth in words made by conversion: a thousand people \rightarrow thousands. Bisemy of numerals, i.e., their quantitative and non-quantitative meanings, works time and again on their diachronic vectors: “two or three”; “two upon ten”; “to be in two minds”; “when two Sundays come together”.

The category of quantity refers to different areas: it has logical, linguistic and mathematic characteristics. Until now the dual number is implied by two eyes, two legs, left-right side of body, two hands, two arms, moon and sun, sunrise and sunset, day and night. Thus entity and duality have gone their way together but apart from times immemorial. “Duality” as the prominent Ukrainian scholar notes “is associated with matriarchy yielding to patriarchy” (Tarantetz, 1999, p. 17). The notion of three is closely correlated with mythology. Slavonic people symbolized three by cycles the god of the Sun implying morning, afternoon and night. In folk-tales there existed three-headed snakes, three kingdoms, three urgent problems, three sons, three efforts and the like. Cognition is slow in its progress. The number of “four” repeated the evolution of 1, 2, 3 numbers. The Tripol agriculture was four-measure oriented due to the pressing urgency of land measuring. Four components are anthropologically oriented: ahead, behind, left, right; cross image; four-faced god ruling the Universe. Each succeeding number was firstly perceived in terms of “many”: “two heads are better than one”; “four eyes see better than two”; “two is

company, three is none”.

Thus, the words keep history of civilization fresh and open for those people who are not reluctant to get to know it. The explicit markers of the standard units have been lost with numerals. Contemporary numerals present names of abstract quantitative meaning, the proof of their old background is verified by the study of primeval language numerals (1), quantity units of later construction (2), reconstruction of old forms (3), semantic tendencies of relative words (4), their combinability and collocation (5), word-building potentiality (6) and anthropomorphic factors (7).

Just like people, words have their own life stories, sagas of ups and downs. People come and go. Words may stay longer. They are open to modifications – both in their outer and inner structures. By numeric words we mean numerals, their lexical parallel units semantizing “number” – relating to quantitative features of discrete things: “six children”, “a dozen books”, “a couple of people”, “dialogue”, “millionaire”, “two universities”. The liguco-cognitive story of numerals should not be closed until it is continued by the succeeding moments in their diachronic evolution:

(i) they go back to concrete referents;

(ii) with times they come to function as absolute terms;

(iii) determinologized quantitative words lose their quantitative meaning and become aligned with synonyms, antonyms and stylistic devices;

(iv) they are the working components of phraseological units;

(v) they are known for polyfunctionality (nominative, cognitive, word-building power);

(vi) they are flexible in their semantic deviation (substance → quantity → quality → zero charge);

(vii) they possess the epidigmatic function.

Epidigmatic function is objectivized in particular by emergence of numerals.

Both numerals and denumerals (words made of numeral morphemes) are contextually determined; cognition is being reflected by exact definite and indefinite marking. The derivative units of secondary nature join different parts of speech. The denumeral nouns,

adjectives, adverbs come to the forefront. Syntactical denumeral units yield to them. Denumerals keep their “parents” alive. Moreover, they serve as the ground for further evolution, when by conversion they stimulate the life of notional, lexically charged words. Thus, this factor makes the cyclic way of quantitative units vivid. Among the denumeral units every fourth belongs to the syntactic functional words, the status of which is not identified until they are syntactically treated. A proverb says “use soft words but hard facts”. The linguistic analysis of denumerals verifies the status of notional and functional units. In our experiment: 1085 examples are notional denumerals, 315 – syntactical formants (in the cluster of 1400 experimented units analyzed in the English literary texts (Shvachko 2008, p. 21)).

The “lust for life” of such denumerals like “once”, “twins”, “teeners”, “millionaire”, “fortnight” is obvious. The lexeme “one” has great history for it belongs not only to the “family of numeral” but it also “eyewitnessed” many stages of the English word building. “One” has etymological parallels in the domains of articles, pronouns, nouns and syntactical forms: “once”, “only”, “alone”, “none”, “anyone”, “someone”, “oner (to be the first/a oner at smth)”, “oneness”, “only if”, “when only”. The above derivative words look homonymous but they are functionally identified on the syntagmatic level. For example: “Abby hoped this line would make her plan seem the only sensible option” (Kelly, 2003, p. 265). “Only if you help me it will be easier to settle” (Cookson, 2001, p. 76). “Because only he can move Jess from the grief toward happiness” (Sparks, 2012, p. 42). “She wrote not only the text but also selected illustrations” (Steel, 1991, p. 190). “Only then did she realize that her father loved her with all his heart” (Gree, 2002, p. 154).

The linguistic analysis proves that the words with common semes undergo common modifications. The quantitative words undergo the process of evolution and involution. The denumerals mirror syncretism of their predecessors (numerals), initial bisemy. The secondary constructions keep memories of “parents”, developing their modifications. At the

syntagmatic level the numerals verbalize exact, approximate, and indefinite quantity – numerals in collocations: “by two”, “in two ways”; “for about two hours”, “a bird or two”; “nine (twenty winks)”; “as cross as (two) dogs over one bone”; the denumerals work likewise in nominative units: “once”, “alone”, “fourfold”, “someone”, “fortnight”, “oncer” (brother), “oncer” (church visitor).

Numerals and words of weight and measure in language make a terminological group which verbalizes the quantitative properties of countable and uncountable things exactly. Numerals fulfill the measuring function of words. They count measure units and allow quantification. Cf.: (three tons) of sugar, (two yards) of silk. The analyzed subgroups make major centers of lexico-semantic field of quantity. The divergence of these groups is in the choice of determined units – discrete and indiscrete.

In conclusion, we assume that numeric words and their secondary denumeral formations are polyaspected, polyfunctional and polymodal units. They are highly prolific, prosperous and perspective considering the further investigation in modus of Language Speech and Speech activities. Numerals are marked by syncretism, simultaneous actualization of two semes – “substance” and “quantity”. With time “substance” yields to quantity, and the analyzed words convert into genuine terms. Then there works the divergence in speech modus (in contrast to language modus). Both groups are open to shifts: from exact quantity to approximate and zero quantity. The cyclic evolution of investigated units is vivid in the process of lexicalization and gramaticalization on their epidigmatic vectors.

The vistas of this paper is in identification of conjunction between the obtained results and those to come in future which is indispensable in order to deepen the theory of systematic arrangement of language and its semantic groups on the one hand; in order to widen the scientific world picture on the other hand. Constructive dialogues and discussions are badly needed to solve the problems of the lacunar entropic nature. Practical value of gains obtained

awaits the application in the educational process.

References:

1. Akulenko, V.V., Shvachko, S.O., & Bukreeva, O.I. (1990). Kategorija količestva v sovremennyh evropejskih jazykah [The category of quantity in the modern European languages]. – Kyiv., Naukova dumka [Scientific thought].

2. Anokhina, T.O. (2007). Relating translation techniques to current methodology. In: Humanistic and Pragmatic TEFL. XII International Conference of the Educational Association of Teachers of English to Speakers of Other Languages in Ukraine, April 21-22, 2007. Abstracts. – Kyiv., National Academy of Management.

3. Bolinger, D. (1972). Degree words. Hague. – Paris., Mouton. <http://dx.doi.org/10.1515/9783110877786>

4. Bache, C. (1978). The Order of Premodifying Adjectives in Present-Day English. – Odense., University Press.

5. Litvin, F.A. (2005). Kvantory i slova [Quantifiers and words]. In: N.D. Arutyunova [J1] (ed.). Logicheskij

analiz jazyka. Kvantifikativnyj aspekt jazyka [Logical analysis of language. Quantificative aspect of the language], [J2]. –Moscow., Indryuk., pp. 201-206.

6. Shumenko, O.A., Kuprienko, E. Vectors of denumeral derivation., Scientific enquiry in the contemporary world: theoretical basics and innovative approach. Vol. 2. Humanities and social sciences: research articles, B&M Publishing. – San Francisco, California., 2014. – 218 P., pp. 210-213.

7. Shvachko, S.O. (2008). Kvantitativni odinici anglijs'koï movi: perekladac'ki aspekti. – Posibnik [The quantitative units of the English language: translation aspects. The handbook]. – Vinnitza., Nova kniga.

8. Taranetz, V.G. (1999). Pohodzhennja ponjattja chisla i jogo movnoï realizacii (do vitokiv indoevropejs'koï pramovi). – Monografija. – Vidannja druge. Pereroblene i dopovnene. [The number concept origin and its linguistic realization (the origins of the Indo-European proto-language)]. – Odessa., Astroprint.

Illustrative literature:

9. Cookson, C. (2001). The Silent Lady. – Great Britain., Mackays of Charthem.

10. Gree, A. (2002). The Dukes's Mistress. – Great Britain., Mills and Book.

11. Kelly, C.(2003). Best of Friends. – London., Harper Collins Publishers.

12. Sparks, N. (2012). The Lucky One. – New York., Hatchete Book Group.

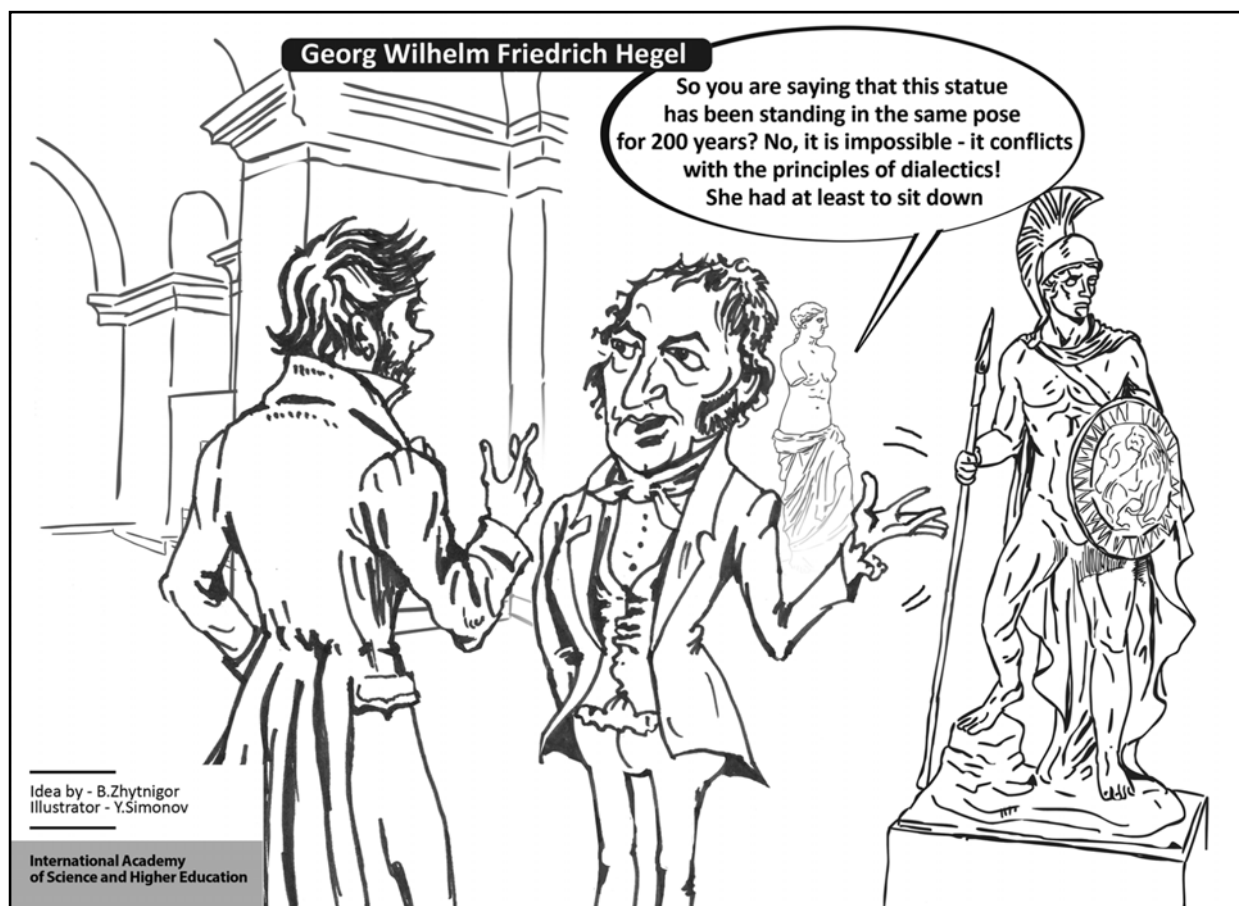
13. Steel, D. (1991). Heart Beat. – Great Britain., Bantam Press.

Information about authors:

1. Olha Shumenko – Candidate of Philology, Associate Professor, Sumy State University, Ukraine; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: shuma-81@mail.ru

2. Svitlana Shvachko – Doctor of Philology, Full Professor, Sumy State University, Ukraine; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: shvachko.07@mail.ru

3. Evgeniy Kuprienko – Student, Sumy State University, Ukraine; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: kuprienko.evgeniy@yandex.ua

U.D.C. 801.3:8020

IMPLEMENTATION OF LINGUO-CREATIVE FUNCTION IN JOKES

I. Kobyakova, Candidate of Philology, Associate Professor
Sumy State University, Ukraine

Among the speech functions the special role is performed by the lingual-creative function predetermined by the corresponding thinking. The selection of methods and means of this function is predetermined by the nature of texts and the author-addressee factor. While creating the humorous effect both verbal and non-verbal means of playing up the social and linguistic experience are used. In terms of the verbal way of manifestation of the humorous effect the adaptive power of the language is used.

Keywords: humorous effect, lingrocreative function, authorized and unauthorized jokes, non-typical texts.

Conference participant,
National championship in scientific analytics
Open European and Asian research analytics championship

УДК 801.3:8020

РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ФУНКЦИИ В ШУТКАХ

Кобякова И.К., канд. пед. наук, доцент
Сумской государственной университет, Украина

Среди речевых функций особое место занимает лингвокреативная, которая обусловлена лингвокреативным мышлением. Выбор способов и средств данной функции обуславливается характером текстов и фактором адресант-адресат. При создании юмористического эффекта используются вербальные и невербальные способы обыгрывания социального и лингвистического опыта. При вербальном способе выражения юмористического эффекта используются адаптивная сила языка.

Ключевые слова: юмористический эффект, лингвокреативная функция, авторские и неавторские юмористические изречения, нетипичные тексты.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i8.952>

Тексты изучаются в русле конструктивных, коммуникативных, функциональных и обучающих аспектов. Разнообразие текстов проявляется в наличии текстов больших и малых форм, информативных, эмоциональных и неэмоциональных, устных и письменных, вербальных и невербальных. Текст как элемент эволюции культуры выступает важным ингредиентом конвенциональных канонов и традиций. Как объект литературы, текст коррелирует с игрой - по содержанию и с ритуалом - по форме. В текстах репрезентируются реальные и ирреальные события, сохраняются традиции прошлого, в вымыслах и фантазиях создаются новые модели картин мира.

Содержательные оппозиции *данное :: новое; известное :: неизвестное; важное :: неважное; тривиальное :: нетривиальное; серьезное :: несерьезное* по-разному материализуются в текстах. Типичные тексты, в отличие от нетипичных, характеризуются наличием содержательно-логической связности, ригористичной формы и структурно-композиционной данности. В нетипичных текстах формальные связи превалируют над содержательными, в этих текстах часто отсутствуют логические связи. В некоторых нетипичных текстах не реализуются такие категории как заголовок, сюжет зачин, концовка. Тексты с неотмеченными категориями заглавий (например, *пословицы, загадки, изречения*) размещаются в антологиях по

тематическому принципу.

Все аномальное воспринимается на фоне определенной нормы. Нормой художественного текста является наличие фабулы, образной системы и композиции. Идеино-образная система художественного текста реализуется в его содержании, которому подчинен план выражения, композицию. Релевантным для нетипичных текстов малого жанра является дисгармония между формой и содержанием, наличие информативных лакун (ср. *скороговорки, детские считалки, рифмовки*).

Категория содержания представлена в авторских юмористических изречениях референтом, объектом мысли; сюжет, фабула не являются здесь абсолютно релевантными. Идея высказывания сопряжена с замыслом автора - реализацией юмористического эффекта. Нестандартной является и композиционная представленность авторских изречениях, состоящих из зон темы и ремы. В зоне ремы лингвокреативной функции дает сбой категории связности, обрывает логическую связь между темой и ремой, завершает коммуникативную программу адресанта.

Композиционно авторские юмористические изречения относятся к нестандартным текстам из-за отсутствия в них заглавия, форм архитектоники, структурного деления на разделы и части. Эти тексты линейно представлены простыми и сложными, параллельными или кумулятивными структурами, оязыковляющими

авторские несерьезные, алогичные рассуждения о субъективном видении мира. Небольшие по размеру, стилистически компрессированные авторские юмористические изречения составляют собой группу текстов, именуемых текстами малого жанра. Родовой формой этого жанра являются художественные произведения. Род и жанр как элементы плана выражения и носителя стиля имеют предписывающую функции в плане построения текста (ср. *дневник, притча, изречение, рассказ*).

Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольская полагают, «что есть все основания считать афоризмы и изречения одним и тем же жанром. Можно представить, что в историческом разрезе эти понятия находятся как бы на одной прямой: афоризм - это современный вид изречений, изречения - это прошлое афоризма» [6, 16]. Авторы монографии «Афористика» предлагают следующее определение афоризмам: «краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении суждения, принадлежащие определенному автору и заключенные в образную, легко запоминающуюся форму» [6, 3].

Афоризмами назвал древнегреческий ученый Гиппократ (ок. 400 лет до н.э.) свой медицинский трактат о симптомах и диагнозах заболеваний, об искусстве их исцеления и предупреждения. Трактат начинался словами: Жизнь коротка, искусство долговечно (ср. англ. Life is short, art is long).

Очевидно, это высказывание и послужило причиной метонимического сдвига слова «афоризм», которое приобретает статус «сентенции» (лат. *sententia* «мнение», «суждение»), гнома (лат. *gnoma* «мысль», «мнение»), максимы (лат. *maxima* «высшее правило», «сжатый стиль»). Первое (медицинское) значение употребляет Данте еще в 13 веке.

В 16 веке Антонио Перес афоризмами называл свои политические трактаты, т.е. медицинский ореол слова постепенно затухает. Во Франции исходное значение слова «афоризм» оказалось устойчивее. Изначально в России (18 век) это слово имело двоякое применение (и медицинское, и литературно-художественное). Эволюция слова «афоризм» обусловлена социально-лингвистическими факторами, сыгравшими важную роль в сближении понятия «афоризм» и «изречение». Со временем тематика афоризмов - изречений проникает в область морали, истории, политики, литературоведения. В период средневековья появляются изречения сатирического, юмористического парадоксального характера. Происходит обогащение афоризмов остроумием.

Отмечая генетическую близость афоризмов и парадоксов, авторы «Афористики» указывают на дистантность этих номинаций. За афоризмами они оставляют прерогативу научности и художественности. «гармоническое сочетание художественной формы с логической обоснованностью науки и есть отличительное свойств афоризмов» [6, 27]. Авторы указанной монографии отдают предпочтение серьезным афоризмам-изречениям. По их утверждениям, афоризм «представляет, мудрую мысль, не обязательно новую, а только заключенную в оригинальную форму» [6, 42]. Несерьезные изречения, отличающиеся оригинальной, противоречащей устоявшимся канонам мыслью, авторы «Афористики» относят к парадоксам.

Парадоксы - это оригинальные, расходящиеся с общепринятым, а нередко и со здравым смыслом, суждения. Очевидным представляется существование массива парадоксальных изречений, которые находятся в деривационных отношениях, как с серьезными афоризмами, так и с другими текстами малого жанра.

Афоризмы и парадоксы сближает объемный признак (лаконичность, краткость), принадлежность к единому художественно-литературному малому жанру, завершенность, остроумие, авторская индивидуальность, синтез общения, тенденция к углубленным размышлениям, отсутствие фабульности, манера изложения, итоги раздумья, красочность суждения, выразительность и образность, стремление к необычности и оригинальности формы и содержания.

Понятие парадокса возникло в античной философии для обозначения новых, необычных мыслей. Выдающийся оратор древности Цицерон посвятил этому жанру свой философский труд «Парадоксы». Парадоксы отличаются неожиданностью, смелостью выводов, противоречащих общепринятым понятиям. Парадоксы это блестящее по форме и неожиданные в смысловом отношении мысли; это остроумная попытка уйти от истины [5, 289]. В. Грасиан называет парадоксы «выродками истины», которые «должны быть вроде соли, применять их надо не густо и с умением, ибо эти мысли рискованные» [2, 313].

Противоречиво у авторов «Афористики» звучит положение об отношении афоризмов к инновациям. У афоризмов не мысль должна быть обязательно новой, а оболочка, в которую она заключена, чтобы привлечь к старой (а также и новой) истине внимание и закрепить ее в памяти. На наш взгляд, афоризмы содержат не только извечные принципы, им также свойственна новизна мысли, что объективируется, в частности, наличием авторских юмористических изречений в разных языковых системах. Что касается парадоксов, то эти изречения включены в игру словом, образом и мыслью, они реализуют как лингвокреативную, так и развлекательную функции [7].

Как нам представляется, авторские изречения соотносятся с двумя группами афоризмов, а именно: с группами серьезных и несерьезных, курьезных изречений. Что же касается истинности мысли, заключенной в

рамках афоризмов, т.е. критерии зависят от мировоззрения и установок общества, которые носят несколько изменчивый характер, а это, несомненно, сказывается на смене квалификативных оценок, на устаревании одних афоризмов, на актуализации других, ранее не культивированных.

Грегории также относятся также к авторским юмористическим, как и парадоксы. Грегории - интересные, остроумные изречения и слова (ср. *красное слово, штришок*). Р. Гомес ввел лингвистику этот термин, разработав некоторые теоретические положения по данной категории, он обратил особое внимание на актуальность исследования проблем грегериизма [1, 293].

Грегория близка к японскому хокку - зарисовке с натуры - только в отличие от последнего она создается в прозе [1, 293]. К грегориям относятся изречения в прозе типа: - Никто не обнимет необъятное. - Скрывая истину от друзей, кому ты откроешься? - Эгоист подобен давно сидящему в колоде.- Где начало тог конца, которым оканчивается начало? - Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя.- Вакса чернит с пользой, а злой человек - с удовольствием. - Лучшим кажется то, к чему он имеет охоту [4, 56, 58, 64, 66, 67, 68, 73].

Общим для текстов малого жанра является признак объемности, лаконичности и краткости [3, 109]. Самыми краткими представляются пословицы и изречения, к пролонгированным относятся басни и эпиграммы.

Все тексты малого жанра отмечены завершенностью синтезированной мысли, информативностью. Притчам-выводам предшествуют конкретные истории морально-религиозного характера, эпиграммы отмечены конкретикой и ироничностью. К возвышенным текстам относятся притчи, серьезные афоризмы, что нельзя сказать об авторских юмористических изречениях, баснях и эпиграммах, которым присущи, к тому же еще, ирреальность, игра мыслью и образом. Тексты малого жанра относятся к суждениям на «вечные» темы морали и нравственности, все они антропоцентричны.

References:

1. Z. Gomes dela Serna, Izbrannyye, Gomes de la Serna [Selected works by Gomez de la Serna] - Moskva., 1983. – 296 p.
2. Grasian B. Ostroumie ili iskusstvo izoshchrennogo uma, B. Grasian [The wit or the art of the sophisticated mind]. - Moskva., Progress. – 313 p.
3. Kobyakova I.K. Kreativne konstruyuvannya vtornnykh utvoren' v angломovnomu diskursi [Creative design of the secondary structures in the English discourse]. I.K. Kobyakova, Monografiya [Monograph]. – Vinnitsya., Vid-vo Nova kniga [Nova Kniga publishing house], 2007. – 128 p.
4. Krivin F.D. Melochi zhizni: Russkaya satira i yumor vtoroi poloviny XIX- XX veka [Little things in life: Russian satire and humor of the second half of the XIX and the XX century] F.D. Krivin - Moskva., Publisher Pravda, 1990 – 480p.

- [Compositions], T. Mann., V.2. - Moskva., 1958. – 289p.
6. N.T. Fedorenko, L.I. Sokol'skaya, Aforistika [Aforistics], N.T. Fedorenko. - Moskva., Nauka [Science]., 1990. – 416p.
7. I. Kobyakova, Verbalization of Humorous Texts [Verbalization of Humorous texts] I. Kobyakova, XLVI International Research and Practice Conference “In the beginning there was the Word: history and actual problems of philology and linguistics” March 28 – April 02, 2013, London. Available at: <http://gisap.eu/ru/node/22208#comment-22548>

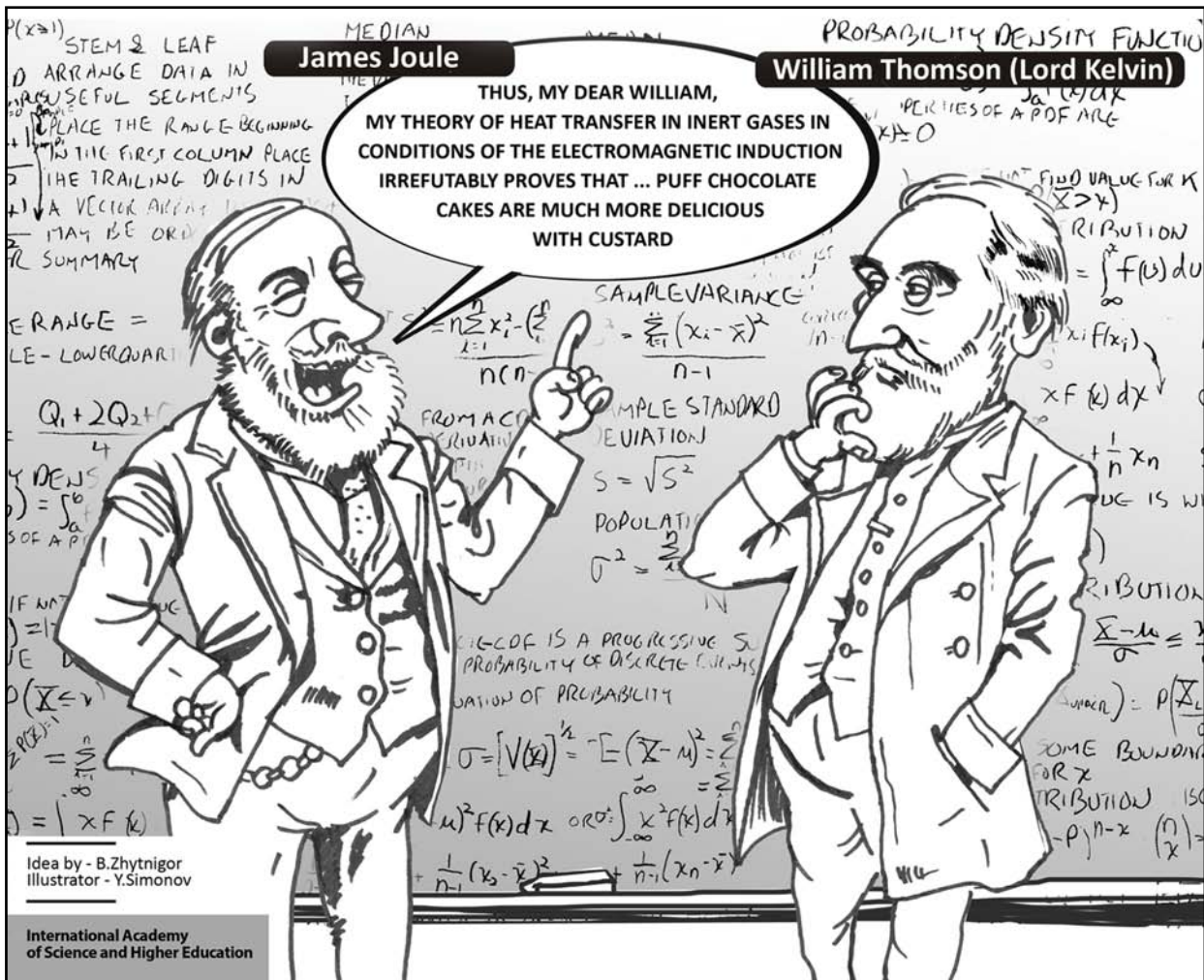
- ломовному дискурсі / И.К. Кобякова // Монография. – Вінниця: Вид-во Nova kniga, 2007. – 128 с.
4. Кривин Ф.Д. Мелочи жизни: Русская сатира и юмор второй половины XIX- XX века / Ф.Д. Кривин - М.: Изд-во Правда, 1990 - 480 с.
5. Манн Т. Сочинения / Т. Манн., Т.2. - М., 1958. - 289 с.
6. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика / Н.Т. Федоренко. - М.: Наука, 1990. - 416 с.
7. Kobyakova I. Verbalization of Humorous Texts / I.Kobyakova // XLVI International Research and Practice Conference “In the beginning there was the Word: history and actual problems of philology and linguistics” March 28 – April 02, 2013, London. <http://gisap.eu/ru/node/22208#comment-22548>

Литература:

1. Гомес дела Серна З. Избранные / Гомес де ла Серна. - М., 1983. - 296 с.
2. Грасиан Б. Остроумие или искусство изощренного ума / Б. Грасиан. - М.: Прогресс. - 313с.
3. Кобякова И.К. Креативне конструювання вторинних утворень в англ-

Information about author:

Iryna Kobyakova – Candidate of Philology, Associate Professor, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: kobyakova@ukr.net

Idea by - B.Zhytnigor
Illustrator - Y.Simonov

International Academy
of Science and Higher Education

PRECEDENT PHENOMENA AS THE MECHANISM OF STRENGTHENING OF PRAGMATICAL POTENTIAL OF GENDER-FOCUSED ADVERTISING TEXTS

O. Nazina, Candidate of Philology
Orenburg State University, Russia

The article deals with the precedent phenomena used in the gender-oriented advertising texts and their significance in affecting recipients. It also represents the author's research algorithm and the experimental verification results.

Keywords: advertising text, gender orientation, precedent phenomenon, pragmatic potential, advertising impact.

Conference participant,
National championship in scientific analytics
Open European and Asian research analytics championship

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК СРЕДСТВО УСИЛЕНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ГЕНДЕРНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Назина О.В., канд. филол. наук
Оренбургский государственный университет, Россия

В статье анализируются особенности репрезентации прецедентных феноменов в гендерно ориентированных рекламных текстах и их значимость в реализации воздействия на реципиентов, приводится разработанный автором алгоритм исследования и результаты его экспериментальной верификации.

Ключевые слова: рекламный текст, гендерная направленность, прецедентный феномен, прагматический потенциал, рекламное воздействие.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i8.953>

Изучению языковой репрезентации прецедентных феноменов посвящено значительное количество научных трудов последних лет. Повышенное внимание лингвистов к рассматриваемому явлению обусловлено его ролью в современной массовой коммуникации [7], в том числе – в рекламе, имеющей строго ориентированную прагматическую установку – привлекать внимание реципиента и побуждать его к выбору в пользу объекта рекламирования [4]. Однако на сегодняшний день не существует экспериментально-аналитического исследования, отражающего степень воздействия на реципиентов рекламных текстов, конструируемых с учётом существующих в культурно-историческом пространстве реалий, а также детального анализа особенностей рекламной репрезентации прецедентных феноменов в гендерном аспекте. В разрешении данных научных вопросов и заключается *цель* настоящего исследования.

В статье представлены результаты анализа особенностей отражения прецедентных феноменов в гендерно ориентированных рекламных текстах и их роли в актуализации *прагматического потенциала*, под которым понимается способность текста производить воздействие на типового, «усреднённого» адресата посредством выбора адресантом содержания текста и способа его языкового выражения с целью вызывать у реципиента ин-

теллектуальную или эмоциональную реакцию на передаваемое сообщение и побудить его к определённой деятельности [2, с. 254-255].

Методология исследования сложилась под влиянием основных положений лингвистической прагматики, теории прецедентности, гендерологии, теории рекламной коммуникации, идей В. Гумбольдта о неразрывности языка с культурным контекстом и теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа. В работе использованы описательно-аналитический метод, элементы дефиниционного, контекстуального, компонентного, квантитативного анализа, метод эксперимента.

Гипотезы исследования состоят в том, что 1) выбор репрезентированных в рекламных текстах прецедентных феноменов обусловлен гендерной направленностью данных текстов; 2) вербализованные в гендерно ориентированных рекламных текстах прецедентные феномены являются аттракторами для реципиентов того или иного пола и служат средством усиления рекламного воздействия.

Вслед за Ю.Н. Карауловым, В.В. Красных и Е.А. Нахимовой мы определяем понятие «*прецедентный феномен*» как лингвокультурную реалию, имеющую вербальное выражение, актуальную в эмоциональном и когнитивном плане и известную значительной части представителей того или иного лингвокультурного сообщ-

ества. Репрезентация прецедентных феноменов в рекламных текстах является одним из средств осуществления прагматического воздействия на адресата, создания социально-психологических установок, побуждающих к приобретению продукта рекламирования [6, 2007]. Инвариант восприятия прецедентного феномена делает апелляцию к нему коннотативно окрашенными. При этом актуализируются значимые для представителей языкового сообщества знания и представления, связанные с прошлым культурным опытом [5, с. 202].

В системе прецедентных феноменов выделяются прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация и прецедентный текст [8, с. 8]. Их источниками могут служить произведения художественной литературы и мифологии, тексты массовой коммуникации, фольклор, художественные и мультипликационные фильмы, произведения искусства и культуры, исторические события, известные личности и др. Прецедентные феномены характеризуются полифункциональностью [9]. Для настоящего исследования преимущественный интерес представляют следующие функции: *имиджеобразующая* (создание имиджа товара), *прагматическая* (структурирование системы ценностей адресатов; регулирование поведения представителей лингвокультурного сообщества), *моделирующая* (формирование представлений

о мире в виде модели; приписывание тому или иному лицу определённых качеств, эталонным носителем которых выступает прецедентное имя); *эстетическая* (привлечение внимания адресата необычной формой выражения; эстетическая значимость) [7, с. 90].

В соответствии с поставленной целью и выдвинутыми гипотезами, исследование особенностей отражения прецедентных феноменов в гендерно ориентированных рекламных текстах осуществлялось по следующему алгоритму:

1. Методом сплошной выборки отобран материал исследования – 600 маскулинно и 600 феминно ориентированных рекламных текстов русско- и немецкоязычных печатных изданий и Интернет-сайтов. Дифференцируя рекламные тексты на маскулинно и феминно ориентированные, мы руководствовались следующими критериями: 1) принадлежность товаров и услуг «мужской» или «женской» сфере потребления; 2) сопровождение рекламного текста изображением потенциального адресата; 3) феминная или маскулинная направленность печатного издания, в котором размещено рекламное объявление. Выбор в качестве материала исследования рекламных текстов различных лингвокультур обусловлен стремлением выявить универсальные особенности исследуемого явления, свойственные рекламному дискурсу в целом.

2. Из общего массива примеров выделены тексты, в которых репрезентированы прецедентные феномены. Их количество составило 347, среди них 185 текстов маскулинной и 162 текста феминной направленности.

3. Выявлены семантические и количественные особенности представленности прецедентных феноменов в маскулинно и феминно ориентированных рекламных текстах.

В феминно ориентированных рекламных текстах наибольшую частотность проявили прецедентные имена, источником которых стали сказки и мифы, а также исторические реалии (68 апелляций). Ярким примером могут послужить следующие тексты:

«Pantene. Блистать, словно царица...»

Данный рекламный текст сопровождается изображением египетских пирамид, что, вероятно, направлено на пробуждение в сознании реципиентов ассоциации с египетской правительницей Клеопатрой, о красоте которой сложено немало мифов. Таким образом, посредством обращения адресантом сообщения к прецедентному имени «царица» и невербальному средству его выражения адресату внушается возможность развить в себе привлекательность, придать значимость и величие собственному образу, производить впечатление на окружающих в случае использования объекта рекламирования.

«Kleider aus Seide, funkelnder Schmuck - und Sie sind plötzlich Prinzessin!» («Шёлковое платье, сверкающее украшение – и Вы вдруг превращаетесь в принцессу!»)

В вышеприведённом рекламном сообщении осуществляется имплицитное выражение прецедентной ситуации из сказки «Золушка» (ситуация «волшебного превращения»), производится акцент на «чудо» в результате использования рекламируемого продукта. Прецедентный феномен «принцесса» является популярным в сказках образом, о соответствии которому адресаты феминно ориентированной рекламы мечтают с раннего возраста, что усиливает прагматическое воздействие рекламного текста.

«Gillette Venus. Erwecke die Göttin in dir». («Gillette Venus. Пробуди в себе богиню»).

В данном рекламном тексте формирование эмоциональной реакции реципиента достигается за счёт апелляции к прецедентным именам «Göttin» («богиня») и «Venus» («Венера») – древнеримская богиня любви и красоты, символ идеального женского начала, гармонии и привлекательности.

В значительном количестве феминно ориентированных текстов (54 случая), характеризующихся прецедентностью, происходит апелляция к известным личностям, отличающимся внешней привлекательностью и успешностью (актрисы, певицы, топ-модели). Акцентирование статуса или качества товара осуществляется через прямые или косвенные свидетельства знаменитостей. При этом актуализируется прагматический приём аф-

филиации – имплицитного внушения реципиенту о возможности его причисления к определенной социальной группе с более высоким статусом через обладание предметом рекламы:

«Eva Langoria: «Я просто влюбилась в этот оттенок Розовый Кристалл с перламутровыми отблесками...» Eva использует губную помаду Колор Риш Секреты Звёзд...».

«Айшвария Рай: «... Колор Риш Сереты Звёзд Бежевый – моя любимая помада». Айшвария использует губную помаду Колор Риш».

Представление знаменитостей по имени («Eva», «Айшвария») способствует сближению героини рекламного текста с личностью потенциального потребителя в случае использования рекламируемого продукта, делает образ знаменитой дивы более доступным.

Меньшую частотность по сравнению с приведёнными выше случаями показали репрезентированные в «женской» рекламе прецедентные феномены, источником которых послужили киноискусство и музыкальная культура.

В целом можно сделать вывод, что прагматическое воздействие феминно ориентированных рекламных текстов, характеризующихся прецедентностью, осуществляется за счёт актуализации моделирующей функции - приписывания тому или иному лицу определённых качеств, эталонным носителем которых выступает прецедентное имя. Положительные эмоции реципиента вызываются с помощью реализации эстетической функции и апелляции к коннотативно окрашенным, характеризующимся высокой степенью экспрессивности рекламным образам.

В подавляющем большинстве маскулинно ориентированных рекламных текстов, отражающих феномен прецедентности, используются прецедентные имена и высказывания, репрезентирующие стереотипные представления о критериях и качествах категории мужественности. Например:

«VW Golf. Der Macho aus Amerika: außen bullig, innen billig» («VW Golf. Мачо из Америки: здоровый как бык внешне и дешевый внутри»).

Прецедентное имя «*Macho*» является универсальным символом мужественности, идеалом проявления мужской привлекательности, силы и брутальности и нацелено на привлечение интереса аудитории. Благодаря данному прецедентному феномену объект рекламирования (автомобиль) олицетворяется, приобретая свойства своего потенциального обладателя. Кроме того, в рассматриваемом рекламном тексте происходит апелляция к рациональности и экономичности реципиента – характеристикам, соотносящимся с мужскими гендерными стереотипами.

Проявлениями в рекламе стереотипного мужского образа с помощью прецедентных феноменов являются:

– апелляция к решительности, целеустремлённости, отсутствию границ в достижении успеха в результате приобретения объекта рекламирования (54 случая):

«Не ждать у моря погоды. Короткие или удлинённые куртки из дублёной кожи.»

Рекламное сообщение предстаёт как противоположное по смыслу прецедентному высказыванию «ждать у моря погоды», означающему «напрасно надеяться на что-либо, бездействовать», и заключает в себе призыв к активным решительным действиям, побуждая адресата к приобретению рекламируемого объекта.

В следующем рекламном тексте актуализируется сообщение о возможности лёгкого достижения цели с помощью рекламируемого объекта (квадратикла):

«Без грязи. В князи!»

Лексико-грамматическая трансформация прецедентного высказывания «из грязи в князи» обусловлена намерением адресанта рекламного сообщения внушить адресату мысль, что благодаря использованию рекламируемого объекта можно избежать неприятных препятствий в достижении цели;

– апелляция к разуму и эрудированности (42 случая):

«Вечное сияние чистого кузова» (источник прецедентности – художественный фильм «Вечное сияние чистого разума»);

«Audi A7 Sportback. Невероятен,

но факт» (от названия научно-популярной программы «Невероятно, но факт»);

– апелляция к индивидуальности, независимости (37 случаев):

«Welcome to my world. Добро пожаловать в мой мир» (реклама часов; источником прецедентности послужило одноимённое название музыкального альбома Элвиса Пресли);

– *«Обновлённый Suzuki SX4. На все SX4 стороны.»*

В данном рекламном тексте акцентируется возможность приобретения вместе с объектом рекламирования независимости, свободы выбора. Внедрение в прецедентный текст названия рекламируемого объекта в форме языковой игры провоцирует эффект удивления и служит аттрактором внимания реципиента.

Качества и характеристики, отражённые в прецедентных феноменах маскулинно и феминно ориентированной рекламы (стремление к внешней привлекательности, коллективизм и экспрессивность женщин, сила, целеустремлённость и независимость мужчин и другие) соотносятся с существующими в массовом сознании гендерными стереотипами. Отсюда следует вывод, что репрезентированные в рекламных текстах прецедентные феномены способствуют отражению, закреплению и формированию усреднённых представлений о свойствах и качествах представителей того или иного пола. Следует отметить, что прецедентные феномены в рекламе отражают не только гендерные, но и в целом социокультурные стереотипы, например:

«Водку - будь! Jaguar представил автомобиль, едущий на спирту, да так, что трезвенники бухают в сторонке.»

Вышеприведённый рекламный текст, содержащий прецедентный феномен из русского фильма «Особенности национальной охоты», отражает существующее в социокультурном пространстве стереотипное представление о любви русских к водке.

4. Проведено экспериментальное исследование с целью верифицировать первоначальные гипотезы и эмпирически определить прагматический потенциал прецедентных фено-

менов в гендерно ориентированных рекламных текстах.

В эксперименте приняли участие 90 реципиентов, являющихся студентами экономических и технических специальностей Оренбургского государственного университета. Среди информантов в возрасте от 16 лет до 23 лет 50% составили юноши, 50% – девушки. В ходе проведения эксперимента информантам мужского и женского пола предлагалось по 30 гендерно ориентированных рекламных текстов, в 15 из которых репрезентированы прецедентные феномены. Перед информантами была поставлена задача маркировать 10 текстов, которые показались им наиболее привлекательными и побудили бы их приобрести рекламируемый товар или воспользоваться предлагаемой услугой. В результате было получено 900 реакций на предложенный материал.

Количество реакций респондентов, отметивших в качестве наиболее привлекательных рекламные тексты, отражающие прецедентные феномены, составляет приблизительно 95,9% от общего числа текстов (получено методом пропорции: $900 : 100 \% = 863 : x\%$). Таким образом, можно судить, что вербализованные в гендерно ориентированных рекламных текстах прецедентные феномены являются аттракторами для реципиентов того или иного пола и служат средством усиления рекламного воздействия.

5. Сформулированы основные теоретические положения, вытекающие из результатов исследования.

Апелляция к прецедентным феноменам является одним из мощных средств актуализации прагматического потенциала гендерно ориентированных рекламных текстов. Этот факт обусловлен необычной формой их выражения, коннотативной окраской, связью с прошлым культурным опытом реципиента и ролью в структурировании системы ценностей.

Прецедентные феномены репрезентируются в текстах маскулинно и феминно ориентированной рекламы с учётом существующих в обществе гендерных стереотипов.

Специфика обращения к прецедентным феноменам в маскулинно и феминно ориентированных реклам-

ных текстах неравнозначна. Для текстов «женской» рекламы характерна апелляция к прецедентным феноменам, актуальным, прежде всего, в эмоциональном плане. Это любимые с детства сказочные персонажи, покоряющие своей красотой мифические богини, успешные и достойные восхищения знаменитости. При этом женщинам имплицитно или эксплицитно внушается необходимость соответствовать свойствам и качествам, эталонным носителем которых выступают прецедентные имена.

Тексты «мужской» рекламы, напротив, отражают прецедентные феномены, значимые в когнитивном отношении. К ним относятся многочисленные афоризмы, цитаты и мифологемы, прецедентные имена, высказывания и ситуации из научно-популярных телепередач и интеллектуального или развлекательного кино, из области музыкального искусства и т.д. Тенденция к трансформации прецедентных феноменов в маскулинно ориентированных рекламных текстах обусловлена стремлением к снижению их формальности и напряжённости за счёт использования приёма языковой игры и привлечением внимания к форме текста.

References:

1. Karaulov, Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Tekst] [Russian language and linguistic identity [Text]]., Yu.N. Karaulov. – Moskva., Nauka [Science]., 1987. – 263 p.
2. Komissarov, V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty): ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. [Theory of translation (linguistic aspects): Textbook for Institutes and Foreign Languages Faculties]., V.N. Komissarov. – Moskva., Vyssh. shk. [Higher school], 1990. – 253 p.
3. Krasnykh, V.V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lektzii [Tekst] [Ethnical psycholinguistics and cultural linguistics: Lectures [Text]]., V.V. Krasnykh. – Moskva., ITDGG «Gnozis», 2002. – 284 p.
4. Kulikova, E.V. Reklamnyi tekst cherez prizmu pretsedentnykh

fenomenov [Tekst] [Advertising text through the prism of the precedent phenomena [Text]]., E.V. Kulikova, Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]., 2010., No. 6., pp. 334-340.

5. Kushneruk, S.L. Ispol'zovanie pretsedentnykh fenomenov dlya situativnogo promoushena v rossiiskoi pechatnoi reklame [Tekst] [Using the precedent phenomena for situational promotion in the Russian printed advertising [Text]]., S.L. Kushneruk, Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]. – Ekaterinburg., UrGPU, 2006. – Issue number 20., pp. 198–204.

6. Kushneruk, S.L. Imena, kotorye otkryvayut koshel'ki: mir kino v rossiiskoi i amerikanskoi reklame [Tekst] [Names that open wallets: the world of cinema in the Russian and American advertising [Text]]., S.L. Kushneruk, Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]., Executive editor. A.P. Chudinov. – Ekaterinburg., UrGPU, 2007. – Issue number (2) 22., pp. 116–120.

7. Nakhimova, E.A. Pretsedentnye imena v massovoi kommunikatsii: monografiya [Tekst] [Precedent names in mass communications: monograph [Text]]., E.A. Nakhimova. – Ekaterinburg., UrGPU, 2007. – 207 p.

8. Popova, E.Yu. Pretsedentnye fenomeny v sovremennom khudozhestvennom diskurse (na materiale romanov V. Pelevina «Generation» «P» i «Chisla»): avtoref. dis... kand. filol. nauk [Tekst] [Precedent phenomena in the modern artistic discourse (on the basis of materials of the books «Generation P» and «Numbers» by V. Pelevin): abstract from the dissertation by the Candidate of Philology [Text]]. E.Yu. Popova. – Saratov., 2012. – 22 p.

9. Tverskikh, M.V. Reklama kak intertekstual'nyi fenomen: avtoref. dis... kand. filol. nauk [Tekst] [Advertising as an intertextual phenomenon: abstract from the dissertation by the Candidate of Philology [text]]., M.V. Tverskikh. – Omsk., 2003. – 26 p.

Литература:

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

2. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

3. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций [Текст] / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

4. Куликова, Е.В. Рекламный текст через призму прецедентных феноменов [Текст] / Е.В. Куликова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010. – № 6. – С. 334-340.

5. Кушнерук, С.Л. Использование прецедентных феноменов для ситуативного промоушена в российской печатной рекламе [Текст] / С.Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: УрГПУ, 2006. – Вып. 20. – С. 198–204.

6. Кушнерук, С.Л. Имена, которые открывают кошельки: мир кино в российской и американской рекламе [Текст] / С.Л. Кушнерук // Политическая лингвистика / Отв. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2007. – Вып. (2) 22. – С. 116–120.

7. Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография [Текст] / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург: УрГПУ, 2007. – 207 с.

8. Попова, Е.Ю. Прецедентные феномены в современном художественном дискурсе (на материале романов В. Пелевина «Generation» «P» и «Числа»): автореф. дис... канд. филол. наук [Текст] / Е.Ю. Попова. – Саратов, 2012. – 22 с.

9. Тверских, М.В. Реклама как интертекстуальный феномен: автореф. дис... канд. филол. наук [Текст] / М.В. Тверских. – Омск, 2003. – 26 с.

Information about author:

Olga Nazina - Candidate of Philology, Orenburg State University; address: Russia, Orenburg city; e-mail: olgakud86@mail.ru

WAYS OF DEVELOPMENT OF COGNITIVE MOTIVES OF STUDENTS AT THE ENGLISH LANGUAGE LESSONS

L. Zaika, Senior Lecturer
National Mining University, Ukraine

This article is devoted to the development of cognitive motives of students at the English language studies. The publication is focused on the methods the teacher can use to develop students' cognitive motives.

Keywords: extrapolation, situations of success, cognitive games, creative tasks, "incomplete sentences", "brain storming", problem situation, cognitive motives.

Conference participant

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i8.954>

Any activity of a student will be successful only if a student is interested in own results and takes part in the activity directly. The degree of a student's activity is determined by the motives.[1] Motives can be different but they appear only in the process of complex inner psychological activity of a student himself/herself. A teacher can only affect the formation of the student's motivations (interests, moral standards, lifestyle, principles) which will be used to form motives.

Educational activity is the main form of the student's activity aimed at changing the student himself as a subject of education. Educational action is composed of motivation and fulfillment.[2] A teacher can use different ways to develop cognitive motives during the English language lessons, for example:

a) motivation of educational activity through conversation. A teacher outlines a range of problems the students will study and involves knowledge and experience of students, gives interesting examples, points out at the connection of materials to study with the previously studied ones and stresses practical meaning of the subject;

b) motivation of educational activity through creation of the problem situation. A teacher sets a problem, demonstrates a research or gives some examples of logic contradictions which students can't explain because of the lack of knowledge. Any problem must contain cognitive complexity, that is, unknown branch of knowledge which students have to master [3]; the problem must be related to a student's emotions (novelty, dissatisfaction with available knowledge and wonder); the problem must foresee an opportunity to suggest hypotheses

and reflect specific character of the science of the educational subject [4]. Problem situation is the situation created by the teacher and emerging due to such organization of relations between the students and the object of cognition that helps to find out cognitive contradictions. Problem situation is characterized by intellectual difficulty and necessity to be solved. The main point of the cognitive contradiction is in impossibility to solve the appearing contradictions with the help of knowledge and ways of activity the students have. A teacher can create a problem situation by colliding the students with the phenomena and facts that require theoretical explanation; urging students to analyze contradictory facts, phenomena and statements; urging students to distinguish facts and statements which are considered to be true from contradictory ones and substantiate their choice; urging students to self-dependent comparison of facts, phenomena and actions; urging students to suggest hypotheses, to draw conclusions and to verify them etc. The aims and tasks of the problem training include the following: to obtain knowledge, abilities and skills; to master the ways of independent activity; to develop cognitive and creative abilities. A teacher doesn't present the finished knowledge during the problem training but sets a problem, makes it interesting for a student and provokes a student to find the way to solve that problem;

c) motivation of educational activity using the "brain storming" method. This method is used reasonably during the solution of a complex problem when it is necessary to use the creative potential of the whole student group. All students are united by the common work of searching

for the truth. Students supplement each other, catch up and develop some ideas rejecting other ideas. A teacher is a coordinator in this process and can maintain it with the help of the leading questions at any moment of the lesson. The students substantiate their ideas from the point of view of correctness and expediency;

d) motivation of educational activity using the "incomplete sentence" method. This method is used when students have quite enough knowledge and personal experience to express their own thoughts concerning the subject they study. Students are given the tasks and are offered to complete the sentence on their own. Students discuss the answers and give arguments while studying a subject;

e) motivation of educational activity using the creative tasks. A teacher has an opportunity to use several directions:

1) the use of creative searching tasks, for example, outstripping tasks (1. You are a guide. Prepare a story about...; 2. Elaborate an advertisement about...);

2) the use of questions containing paradoxical data, found out by the students independently. Students are offered to find those questions by their own, to answer those questions and to defend their own positions using knowledge related to the subject they study;

3) the use of crossword puzzles and riddles. The students are offered to work out crosswords and riddles concerning the subject they study;

4) the use of different stories. Students are offered to write different fiction, scientific, fantastic, fabulous stories etc. with the usage of knowledge on the subject they study;

f) motivation of educational activity through creation of the situation of success. Usually students mastering the complex educational materials lose interest to a lesson very quickly, especially if a lesson is full of terminology and is characterized by a significant amount of information. In that case a lesson should be divided into several parts with their further obligatory consolidation. The students are offered to do creative tasks by a teacher with a prompt or a known algorithm of fulfillment, not complicated task or simple self-dependent task. If possible, it is necessary to support educational materials with the schematic pictures and simple schemes. A good result is achieved with the usage of examples and comparisons connected or being close to personal experience of students. Such English language lesson becomes clear and gives rise to the interest to the subject;

g) motivation of educational activity in the process of cognitive games and game situations. Cognitive role games need additional training,

search of interesting information. Game situations at the English lessons facilitate enlivening of the students' actions at the lessons;

h) motivation of educational activity through extrapolation. The way of extrapolation is based on the forecasting function of the brain.[5] The ability to transfer the available knowledge, skills, abilities and ways of activity into some other situation is a bright sign of creative thinking. A teacher offers the students to transfer into the imaginable future and to forecast the development of events.

Motives, appearing independently, are displayed in the student's striving for independent studying of tasks and aims independently from the teacher's assessment and in unwillingness to use a teacher's prompt.

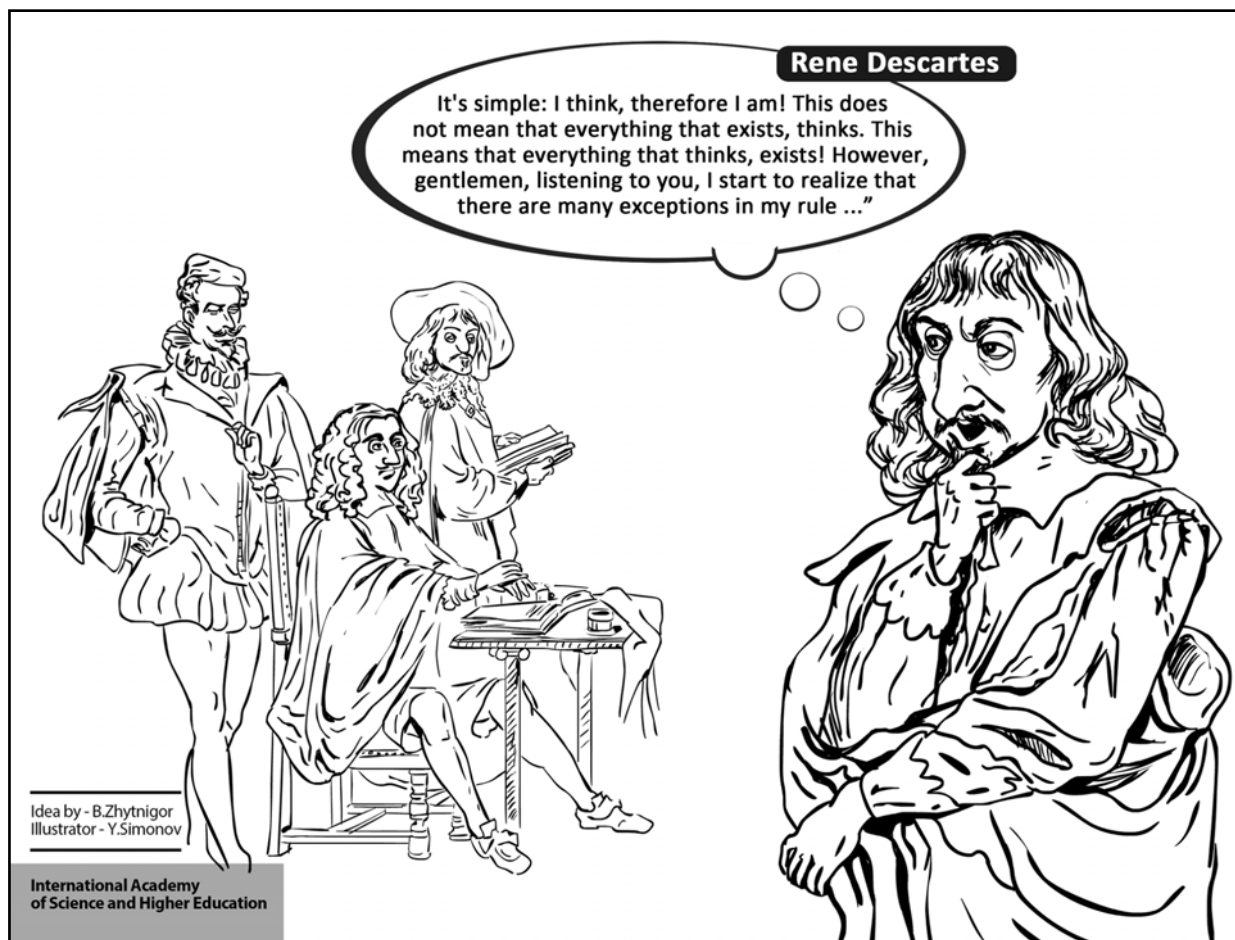
In order to create steady educational motives it is necessary to stress practical significance of knowledge for further life, to create educational problem situations highlighting significance of the obtained knowledge for the development of logic and abstract thinking ability to perform self-analysis.

References:

1. Alekseeva M.I. Motives of students training// - Kyiv: Radyanskashkola, 1981. – P. 15 (in Ukrainian).
2. Aseev V.H. Problem of motivation of a person: Theoretical problems of psychology of a person // - Moscow: Nauka, 1977. – P. 18 (in Russian).
3. Ilyin E.P. Motivation and motives // - SPb: Piter, 2002. – P. 408 (in Russian).
4. Mackeland D. Motivation of a person// - SPb: Piter, 2007. – P. 507 (in Russian).
5. Pekhota O.M. Educational technologies // - Kyiv: A.S.K., 2003. – P. 19 (in Ukrainian).

Information about author:

Liudmyla Zaika - Senior Lecturer, National Mining University; address: Ukraine, Dnipropetrovsk city; e-mail: dezyzi@i.ua

THE AFFIXOIDATION PHENOMENON AND THE LANGUAGE SYSTEMS UNIFICATION

E. Mincu, Ph.D., Associate Professor
Institute of Philology, Academy of Science of Moldova, Moldova

The word formation by affixoidation is an active and widely used process, especially in Greek, German, Russian languages etc. For the Romance languages, this model of word formation is less specific because of their analytical nature. In the report the author presents words formed by affixoids, scholarly elements of Greek-Latin origin that form the core of the international terminological lexicon. The first words formed by affixoidation entered the Romanian language along with the translations of Greek, Italian, French, around XVII – XVIII centuries. The Greek word formation is updated in the scientific style and in the specialized terminological languages. The terminological neologisms (formed by affixoids) maintain their international status; this facilitates the unification, planning and standardization of the international terminology.

Keywords: affixoidation, inter- and intradisciplinary variability, word formation, neologisation.

Conference participant,
National championship in scientific analytics
Open European and Asian research analytics championship

ФЕНОМЕН АФФИКСОИДАЦИИ И УНИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ

E. Mincu, Ph.D, доцент.
Институт филологии, Академия Наук Республики Молдова,
Молдова

Образование слов путем аффиксоидации является широко распространенным и активно используемым способом, особенно в таких языках как греческий, немецкий, русский и другие. В языках романской группы эта модель словообразования встречается реже, из-за их аналитического характера. Как правило, это слова образованные с помощью общенаучных греко-латинских аффиксоидов. Они образуют ядро общего международного терминологического лексикона. Первые слова, образованные с помощью аффиксоидации проникают в румынский язык благодаря переводам с греческого, итальянского, французского, примерно в XVII – XVIII веках. Греческая модель образования слов воспроизводилась при создании системы специализированной терминологии и была характерна для научного стиля и языка. За терминологическими неологизмами (образованными методом аффиксоидации) закрепился статус международных. Это способствовало дальнейшему объединению, планированию и стандартизации международной терминологии.

Ключевые слова: аффиксоидация, внутри- и межпредметная вариабельность, словообразование, неологизация.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i7.915>

Affixoidation – subdivision of the composition in the mechanism of the word formation

The process of creation of the lexical units through affixoids is called affixoidation, a subprocedure of the actual composition that opposes to derivation. In the transformation process of the root in affixoid, the linguists distinguish two aspects: identification of the dynamic force that generates this modification of status; the circumstances that facilitate this production.

The linguist Gr. Cincilei highlights the **regularity phenomenon** which neutralizes the opposition root ↔ affix, making possible their interpenetration. The regularity is understood as the property of a system or a phenomenon to comply with a rule. Gr. Cincilei defines several levels of regularity: regularity at a word formation level – the ability to be reproduced by 2 analogy; regularity at grammatical level – Greek–Latin themes categorizing exocentric (especially the suffixoid); regularity at the semantic inclusions level – the presence of homonymic forms; regularity at the motivation level.

Another feature of the present literary language compounds is the

repeatability of the second constituent which, in time, acquires qualitative value: “the nouns used frequently lose their original meaning becoming simple morphemes” [Dimitrescu Fl., 1995, p. 188].

V. Grigoryev states that “if the first or second element of a compound gains the ability to be reproduced in language by analogy and becomes **productive**, it adopts the necessary quality of a productive affix [Grigoryev V., 1956, p. 39-41]. The productivity has not proved to be decisive, but in the affixoidation process, existing affixoids with low productivity: *drio-* <gr. *dryos*, “oak” - *driofil* (botany), *driopitec* (biology); by means of the prefixoid *drio-* there were formed only two words.

In this paper we will complete this series, indicating that the phenomenon of the semantic **variability** under different domains of activity where the affixoids are used causes these status metamorphoses. The strict intradisciplinary use within a single domain of activity preserves partially or totally the invariant-concept, ensuring its singular significance. This is the case of the linguistic units such as *-algie*, *-ectomie* etc., used only in medicine and which at present claim

to lexicalization. The interdisciplinary variability, depending on the complexity of the domain of activity, may also impose changes in the nuance of the invariant concept. This is the case of the prefixoid *angio-* (< gr. *angeon* “vessel”), which, being used only in medicine, but acquired by different medical disciplines, supports certain changes of meaning: a) **anatomy** – „anatomic vessel”: *angiogenicie*; b) **clinical** – “receptacle”, “of red color” *angioblast*, *angiolupoid* (atypical tuberculosis).

The interdisciplinary variability however presumes the affixoid conceptualization lending to semantic – notional requests (needs) of one or other domain of activity. In special here the affixoids demonstrate their variability valence, being susceptible to take different forms (in semantic level).

According to the communication theory, the concept (word content) attached to the language and social structure, evolves, adding new features. The invariant concept subjected to the processes of expansion and semantic collapse, as well as their combination by succession or simultaneous juxtaposition is transformed into concept-variants: the prefixoid *demo-* (<gr. 3 *demos*, “people”):

a) ancient history, “common people” - *demos*; b) social sciences, “population” - *demography*; c) ethnography “creations and folk traditions” - *demology*; d) medicine “crowd of people” - *demophobia*; e) politics, “people” - *democrat*; f) general use, “creation of popularity” - *demagogue* etc.

As noted above, a key factor determined in the affixoidation process is also the **extra linguistic influence** – the denominative necessity of the language.

In the functional aspect on affixoids as lexical units in affixoidation (a new subtype of word formation) there operates a number of factors on phonological and morphological levels:

E. Kubryakova [1965, p. 18] mentions only two of them (in the scholar’s opinion, the more representative ones): a) the volume and speed of expansion of the notional categories; and b) the amount of words able to hold the status of thematic patterns in the formation of new lexemes. The intralinguistic influence is manifested in the ability to distinguish the field of influence and interaction of the affixoids in the phonetic, morphological and lexical level.

To this aspect refers also the formation of the versions of one and the same affixoid that lends itself particularly to phonetic variations: type: *acid(i)*-/*acid(o)* -> lat. *acidus*, “sour”; *cal(i)*-/*cal(o)* -> gr. *kallos*, “beautiful”; *celandi*-/*celando*-> gr. *kekis*, *-idos* “gala” (here the presence of the phonetic versions can be explained by the fact that the first version is a French form of the affixoid of Greek origin): *cecidiofite*, *cecidogen* (biology, botany, etc.); *chemi*-/*chemi(o)*-/*chimi(o)* - - < gr. *khymos* “juice”: *chemotaxis* (medicine), *chemosterilization* (chemistry), etc.

The compatibility / incompatibility of the affixoids to form a new lexeme in lexical-grammatical level and semantic level is a very important feature dictated by a series of factors:

1. In the plan of phonetic variants, one domain or another has accepted certain variants of affixoids, this fact leading to the new words formation.

In the case of the variants *chemi(o)*-/*chemo*-/*chimi(o)*-/*chimie* < gr. *khymos*, “juice”, the first variant is used in printing terminology: *chemigraph*, *chemigraphy*; and the variants two and three are

available for the use in other domains of activity, sometimes forming paronyms: *chemoluminescence* / *chimiluminescence* (botany), *chemotherapy* / *chimotherapy* (medicine); *chimotaxis* / *chemotaxis* (medicine) etc. It should be also noted that between the last two phonetic variants can be delimited the strict domains of use: *chemotrophic*, *chemotrophs*, *chemolysis* - biochemistry; *chemoprophylaxis*, *chimiatria* - psychology.

2. In the plan of meaning variants we can discuss about the semantic compatibility.

In the word *chemifer* the prefixoid *chemi(o)*-has preserved its primary meaning (< gr. *khymos* “juice”) and designates the property to lead something, being used in botany. The substitution of *chimi(o)*- with *chemo*- or *chemi(o)*- would endanger the meaning of the word. The same situation is valid also for *chymotrypsin* – “gastric juice” (biomedicine). And vice versa, in the words *chemomorphosis*, *chemisorption*, *chemoesthesia*, *chemotrophy* (biochemistry, botany) the prefixoid *chemo*- means “chemistry”, “chemical origin”; the meaning gained by the extension of the primary meaning.

3. The compatibility is sometimes made by affixoid acceptability in the plan of the community of origin. The prefixoids *hipno*- < gr. *hypnos* and *sleep(o)* - < lat. *somnus* (the last one not certified as affixoid) have the same meaning “sleep”, forming even relationships of synonymy: *somniferous* drug (sleep carrier) or *hypnotic* (reported on sleep). However the substitution of the segment *somni*- of *somniferous* by *hipno*- is inadmissible. This is about the incompatibility of origin: in the word *somniferous* the both formative elements (*somnus* “sleep” + *ferre* “to carry”) are of Latin origin. This regularity, however, is not without exceptions.

The affixoids *adipo*- < lat., *adipis* and *lip(o)* - < gr. *lipos*, with the meaning of fat, both are available for the suffixoid *-urie* < gr. *ouron*, “urine”, forming a relationship of synonymy: *adiposuria* = *lipuria*; and designates the presence of fat in the urine (medicine).

4. The functional compatibility is the ability of the word to enter into the functional sphere of terminology.

Thus, in the medical terminology the dictionary proposes two terms for the denomination of one notion: *duodenitis* and *duodecadactylitis*, “inflammation of duodenal mucosa”. The first term is accepted at various levels of communication: usual, media, terminological, thus existing *in vivo*; the second one is not accepted in the functional sphere, existing only *in vitro*.

The variability intra-and interdisciplinary – dynamic force in the affixoidation process

We consider the variability on domains a hard condition, because namely it determines the revisions of affixoidal primary concept which, penetrating various specialized human activities, is put in the situation to adapt to denominative needs.

In order to demonstrate that the inter- and intradisciplinary variability generates semantic flexibility of autonomous and non-autonomous lexical units (here: of the affixoids) which, in its turn, determines the appearance of homonymic variants, there was performed the analysis of the affixoids contained in the *Letter A* from the *Great Neologism Dictionary* [Marcu Fl., 2000]. Out of 110 (100%) affixoids, 18 affixoids (16.3%) maintain their primary meaning being used in a single domain of activity, but 92 (83.7%) supports semantic changes, sometimes up to the total loss of the primary meaning: the ambipositional affixoid *adelfo*-/*adelf*-/*adelfie* (in gr. “brother”) is used with the meaning “accretion”, “union”, “gamete” in botany, biology.

There are attested affixoids which are forming from a term (> fr. *atto*, “a billion billion less” – *attosecond*, word used in physics) to several hundred terms (*auto*-> gr. *autos*, “single, oneself” forming in all homonymic versions (*auto-1*, “single”, *auto-2*, “individual”, *auto-3*, “own energy, car” *auto-4*, “on one’s own account” etc.) 444 terms, used in mechanics, philosophy, biomedicine, sociology, linguistics, chemistry, geography, music, botany, psychology, sports, construction industry, etc.

According to the Webster’s theory, the concept constitutes the basic notion of terminology, being fixed, limited and unique. This statement was criticized. Thereby, according to the Communicative

Theory of the Terminology, the concept attached to the language evolves, is not static. It evolves by adding new features (conjunction of concept, disjunction of concept, combination of concepts). The fact that is essential is that the concept versus various specialized domains can have different meanings: *virus* – in biology: “inframicrobial germ”; in medicine: “pathogenic agent of several infectious diseases”; in informatics: “program with destructive effects on computers”; *geometry* –in mathematics: “branch that studies the space figures”; in technics: “geometric structure of a technical system”: *wheel geometry*; in medicine, “anatomical structure”: the *geometry of nasal passages*.

In the relation concept → denomination, some theories distinguish the phenomenon of: polysemy (Communication Theory); homonymy (General Theory). The communication theory accepts the idea of the existence of a single concept with several signifiers that are actually the expression of the semantic possibilities of the concept depending on the specialized domain. The general theory accepts homonymy; starting from E. Webster’s statement (1959, 1968, 1975), the concept can have only one signified. Thus to each signified correspond one particular concept.

Paraphrasing the statement of M. Leiris: “The words are the most chameleonic ...”, we mention the chameleon character of the affixoids. Demonstrating this by the illustration of genealogic tree of *tele-* (one of the most productive affixoids in the culture languages), conducted by J. Peytard [1964, p. 37-44] and Fl. Dimitrescu [1995, p.180 -184].

J. Peytard aims to study the way the radical *télé-*, initially used in the

specialized language, penetrates the common language, where it operates with a status of a prefix. This availability is dictated by a certain degree of productivity and by certain conditions that generate semantic decrease of the radical. The conclusions are the following:

- The radical of Greek origin *télé-* is a polysemantic prefix that can be noticed: in the position of a prepositive element with a semantic value “far”, “by far”; As a prefix, has a semantic value “which is appropriate to television”; With the status of a prefix has also another semantic value “which is assigned to *téléphérique* (funicular for the transport of the people)”; With the value of a noun, has the following semantic values: masculine noun – “*téléphérique*”; feminine noun –“television”.

- *Télé-*became a prefix under the following conditions: rapid technical development (1950-1961) which has generated the use of the distance communication techniques; quantitative explosion of the words formed with *télé-*; changes in the lexical distribution allowing the dominance of the “extended motivation” to predominate the “specific motivation”; associations with bases (lexical segments) belonging to different and varied lexicon.

- The extended motivation of *télé-* is explained due to its penetration in the general lexicon. Thus, the transition of *télé-* in general use (cited J. Peytard) was encouraged by the formation of homonymic versions: *télé-1* „*télévision*”; *télé-*; *télé-2* „*téléphérique*”.

The *Great Neologism Dictionary* [Marcu Fl., 2000, p. 858-861] certifies 154 terms that contain the prefixoid *tele-*.

The systematization of the compound words with this affixoid have resulted in

the following semantic samples.

The information we have on terms paternity is as follows: the formative element *tele-* is attached in scholarly compounds already in the XIV century. In 1611 J. Tarde uses the term *telescope* for Galileo’s invention. In 1873 the verb *telescopeis* used (with figurative meaning) by Hubner where it referred to a train collision.

At the end of the XIX century, Miot creates the term *telegraph* to name the device invented by Chappe brothers. In 1842 Mozin put into circulation the word *to telegraph*, and in 1866 there was attested the term *telegraphist*. The word *telephone* is used by Sudrű to name a hearing aid; the term was taken over later in 1876 by G. Bell. At the end of the XIX century there were certified the words: *to telephone*, *telephonic*, *telephonist*. The term *telepathy* is an Anglicism created by Myers in 1882. In 1887, the french Jacquez introduced the term *téléphérage* eafter English model *telpherage* (1883, Fleeming Jenkin) from which comes the term *telefer* (the end of XIX century) [Dauzat A., 1938, p. 703].

Today, we are witnessing the changes in the status of the segment *tele-4* “telephone, referring to telephone”:

a) tendency to lexicalization: on billboards and in the media there is used the word *Tellus* (network, telephone rooms [Makler, 06.01.2006, p.118]: *tell-* “telephone” (acoustic version that makes it different from the other lexicalized version *tele-2* “television”) + *us*, Latin termination, masculine gender, II declination; this termination is also present in other new words – Dom *usetc*;

b) suffixoid status: if initially the element *tele-* emerged as prefixoid, we are now witnessing its transformation in

Tab. 1.

Lexical functionality of the prefixoid *tele-*

Fl. Dimitrescu <i>Tele-< gr. tele</i> “distance” <i>Tele-1</i> – words of scientific language, that refer to devices or actions related to the notion of distance: <i>telebatoSCOPE</i>, <i>teleoperation</i>, <i>teleschi</i> (<i>platter lift</i>) etc. <i>Tele-2</i>– “referring to television”: ex. <i>telereclam</i>/<i>television advertising</i>/<i>televisioner</i>, <i>television</i> etc. <i>Tele-3</i> – ephemeral words (havingan ironical, funny character): <i>teleactept</i>, <i>telemania</i>, <i>teleparent</i>, <i>teleplicitis</i>.	J. Peytard makes an assessment on the affixoid meaning considering the functionality of <i>télé-</i> based on the motivation degree (there are being analyzed the lexemes being in circulation in the XIX – XX centuries): a) <i>tele-</i> – specific motivation; here are included terms made after the scheme: <i>télé-</i> + non-autonomous unit: <i>telescope</i>, <i>télévision</i>, <i>télésonic</i> etc. b) <i>télé-</i> – extended motivation; the scheme of the words formation being: <i>télé-</i> + autonomous elements: <i>télécommande</i> etc.

Tab. 2.

Semantic samples in the words containing the affixoid *tele-*

Primary meaning <i>Tele-1</i> (66 terms) “far” a) <i>tele-</i> + non-autonomous unit: ex. <i>telepathist, telestesis, telescope, telealgie</i> etc. b) <i>tele-</i> + autonomous unit, formed of a prefixoid + suffixoid: <i>telecardiogram, teleautograph</i> etc. c) <i>tele-</i> + lexeme of general vocabulary: <i>telecompass, teleprocessing</i> etc.	Semantic changes <i>Tele-2</i> (55 terms) “refers to television”: a) <i>tele-</i> + autonomous lexeme: <i>teleencyclopedia, tele-center, teleafişaj(tele display)</i> etc.; b) the presence of portmanteau words: <i>tele/vision + electri/fica = telefica</i>; c) recruitment of non-autonomous units of specialized language: <i>-fagie</i> (gr. <i>phagein</i>, “to eat”, medicine): <i>telefagie</i> etc. <i>Tele-3</i> (7 terms), “refers to <i>telefizică</i>”: <i>tele-</i> + autonomous lexeme: <i>telecabină (cable car), teletransport, telesanie, telescaf/underwater cable car/</i> (in the maritime terminology) etc. <i>Tele-4</i> (16 terms), “telephone; refer to telephone”: a) <i>tele-</i> + autonomous lexeme: <i>telemobile, teleselling, teletax</i>; b) derivative of the word <i>telephone</i>: <i>telephonometer, telephonogram</i> etc. <i>Tele-5</i> (10 terms), “refer to telecommunications”: a) <i>tele-</i> + autonomous unit: <i>teleconference, teledialogue, telemarketing, teletype, teleprinter</i> etc.; b) <i>tele-</i> + non-autonomous unit: <i>telegraph, telegram</i>.

suffixoid: *tele-/tel* (the version *tele-4* by word truncation: *Eurotel* GSM Service (fast and qualitative repairs of phones, European standard) [Makler, 06.01.2006, p.118], consisting of *Euro/pa/ + tel/efon*. Another word *Voxtel*, the service of mobile phones with broad network in the Republic of Moldova: *vox*, lat. “voice”+ *-tel*;

c) certified in the median position: Mold *telecom*, in the words formed by the conjunction of several phonic segments.

This demonstrates the possibility of *tele-* to accommodate to different needs of denomination to which it delimitates its right to be used in different positions in a word: prime, median, final element; up to the freedom to constitute by itself an autonomous lexical unit.

Currently *tele-* penetrates the medicine domain, combining with autonomous lexical units: *telemedicine*, “distantly medical consultation and even the patient operation”; here the terms *telencephalon*, “*telediastolic* volume and *telesystolic* volume of the left ventricle” [Medical Courier, 2006, no. 3, p. 40] etc.

Conclusions: We consider the affixoidation a subprocedure of the composition. Each affixoid has at its origin a root and a concept (invariant). The concept attached to the language and social structure evolves in the penetration process of various domains of activity, adding new features. The evolution does not always substitutes the

concept, but it generates changes in its morphology: extension of the concept; restriction of the concept; partial or total change of the basic meaning. The inter- and intradisciplinary variability generate the semantic chameleonism that present itself in the degree of the increase of semantic flexibility of the words due to frequent actualization in different domains, but also due to the capacity of the affixoidal stock to be responsive and viable into new denominations.

References:

1. Gr. Cincilei, G. Chinchilei, Sootnoshenie minimal'nykh znachimykh edinits yazykovoi struktury [Correlation of minimal meaningful units of the language structure]. – Kishinev., Publisher Shtiintsa, 1975. – 222 p.
2. V. Grigoryev, V. Grigor'ev, O granitsakh mezhdru slovoslozheniem i affiksatsiei, Voprosy yazykoznaniya [On the borders between compounding and affixation. Problems of Linguistics]. 1956., No. 4., pp. 39-41.
3. Al. Dautat, Dictionnaire étymologique de la langue française. – Paris., Librairie Larousse, 1938. – 824 p.
4. Fl. Dimitrescu, Dinamica lexicului românesc: ieri și azi. – Cluj-Napoca: Clusium. - București., Logos, 1995. – 336 p.
5. E. Kubryakova, E. Kubryakova, Osnovy slovoobrazovaniya [Basics of word formation] – Moskva., Nauka [Science]., 1965. – 88 p.
6. F. Marcu, Marele Dicționar de Neologisme. – București., Editura

Saeculum I.O., 2000. – 960 p.

7. J. Peytard, Motivation et préfixation: remarque sur les mots construits avec l'élément télé- Cahiers de lexicologie. – Paris, 1964. pp. 37-44.

Literatura:

1. Чинчилей, Г. Соотношение минимальных значимых единиц языковой структуры. – Кишинев: Издательство Штиинца, 1975. – 222 с.
2. Григорьев, В. О границах между словосложением и аффиксацией. Вопросы языкознания, 1956. – Nr. 4. – С. 39-41.
3. Dautat Al. Dictionnaire étymologique de la langue française. – Paris: Librairie Larousse, 1938. – 824 p.
4. Dimitrescu, Fl. Dinamica lexicului românesc: ieri și azi. – Cluj-Napoca: Clusium.; București. Logos, 1995. – 336 p.
5. Kubryakova E. Кубрякова, Е. Основы словообразования. – Москва: Наука, 1965. – 88 с.
6. Marcu, F. Marele Dicționar de Neologisme. – București: Editura Saeculum I.O., 2000. – 960 p.
7. Peytard, J. Motivation et préfixation: remarque sur les mots construits avec l'élément télé- // Cahiers de lexicologie. – Paris, 1964. – P. 37-44.

Information about author:

Eugenia Mincu – Ph.D., Associate Professor, Institute of Philology, Academy of Science of Moldova; address: Moldova, Chisinau city; e-mail: min-janne@rambler.ru

MENTAL LEXICON: CONSTRUCT, METAPHOR, MYTH?

A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Full Professor
Tver State University, Russia

Different approaches to the concept of “mental lexicon” are distinguished; the importance of this scientific construct is explained; metaphorical application of this term is treated as natural; some myths connected with this concept are considered as the outcome of “common sense” or temporally popular scientific paradigms.

Keywords: mental lexicon, construct, metaphor, myth.

Conference participant,
National championship in scientific analytics
Open European and Asian research analytics championship

МЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН: КОНСТРУКТ, МЕТАФОРА, МИФ?

Залевская А.А., д-р филол. наук, проф.
Тверской государственной университет, Россия

Рассматриваются различные подходы к понятию ментального лексикона, выявляется обоснованность трактовки лексикона как конструкта, демонстрируется естественность использования этого словосочетания в метафорическом смысле, указывается на некоторые мифы как дань следования наивным представлениям или популярным в своё время научным парадигмам.

Ключевые слова: ментальный лексикон, конструкт, метафора, миф.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i7.919>

Вводные замечания
Успешность межнациональной коммуникации во многом зависит от используемых языковых средств, в первую очередь – слов, поскольку слово выступает и как средство установления доброжелательных контактов, и как побудитель недоверия, недоброжелательства, вплоть до межэтнического напряжения и международных конфликтов. В этой связи особую актуальность приобретают исследования, связанные с тем, как слово «живёт» у носителей языков и культур, что в свою очередь выводит на проблему лексикона. Признано, что исследование слов ныне стало ключевой проблемой социальных и когнитивных наук, как и науки о мозге [15]. В моём предшествующем докладе (см.: [5]) была показана многозначность слова «лексикон» как в общеязыковом, так и в научном его использовании. Было также указано, что при наличии международных исследовательских мероприятий по общей проблеме «Ментальный лексикон» (проведении конференций, издании междисциплинарного журнала и т.д.) высказываются мнения, что словосочетание «ментальный лексикон» представляет собой метафору (см., например, [7]) и что у человека лексикона как такового не существует (см., например, [12]). Основная цель этого этапа моей работы – показать, что наши споры, непонимание и несогласие могут иметь место из-за использования одного и того же наименования, которое увязывается с весьма различающимися представлениями о некоторой вещи,

явлению или событию, к тому же нередко из-за метафоричности термина и устойчивых мифов.

Ментальный лексикон как конструкт

Ментальный лексикон называют также «внутренним лексиконом», «словарём в голове» и т.д. Суть от этого не меняется: речь идёт о том, что хранится в нашей памяти и является недоступным для прямого наблюдения. Как и в любой другой ситуации «чёрного ящика», мы можем только строить предположения с позиций здравого смысла и/или проводить научные исследования на уровне, который обеспечивается современной нам наукой. Во втором случае принимаемая нами система исходных научных постулатов фактически играет роль «здравого смысла», сближая тем самым исследователя с обывателем, склонным видеть и отстаивать именно то, и только то, что ему самому представляется очевидным. Итак, что такое «конструкт» и как выглядит ментальный лексикон как конструкт с позиций здравого смысла и/или научной теории.

В слове [14: 405] существительное «construct» определяется следующим образом: «1. Something formed or constructed from parts. 2.a. A concept, model, or schematic idea: *a theoretical construct of the atom.* b. A concrete image or idea». Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике [1] на с. 438 для разъяснения значения русскоязычного термина «конструкт» отсылает ко второму значению английского слова «construction»: «Концептуальная

модель явления, возникающая как результат работы теоретической модели. Например, теоретический конструкт процессов метафоризации» [цит. раб.: 81]. В психологическом словаре [6: 209] делается акцент на личностном конструкте (от лат. *constructio* – построение), имеется в виду «создаваемый субъектом классификационно-оценочный эталон, посредством которого осуществляется понимание объектов при их сходстве между собой и отличии от других». Там же поясняется роль личностных конструктов в способности человека «углублённо описывать, анализировать и оценивать воспринимаемые объекты в их противоречивом единстве» [цит. раб.: 209–210]. Итак, построение конструктов выступает как неотъемлемая составляющая жизнедеятельности человека, в том числе – учёного.

Для обывателя (называю так лингвиста в самом общем смысле, без каких бы то ни было коннотаций) всё ясно: в голове есть словарь, включающий все известные мне слова; наверное, они упорядочены по алфавиту (я же могу их так перечислять). Я знаю, что слово может иметь несколько значений, отсюда – я его так и храню (т.е. с перечнем всех возможных значений). И ещё: я умею склонять существительные и спрягать глаголы, значит, у меня в голове тоже есть существительные во всех возможных падежах и глаголы во всех возможных формах. Этот перечень можно было бы продолжить, но очевидно одно: мы строим модель чего-то (в данном случае – ментального лексикона), исходя из

того, что нам известно, привычно, понятно, а главное – является достаточным для решения текущих задач, если же нет – приходится строить новые конструкты с учётом нашего опыта познания мира и общения и/или с обращением к некоторым дополнительным источникам знания. При этом многие конструкты мы черпаем из нашей принадлежности к определённой культуре; огромную роль при этом играет увязывание по аналогии (какой бы условной она ни была).

В отличие от обывателя учёный ставит множество вопросов, отвечающих специфике исповедуемой им теории, он строит конструкты как инструменты проникновения в сущность изучаемого объекта, научного объяснения выявляемых закономерностей и т.д. Это налагает на исследователя важные обязательства, отвечающие требованиям к научному изысканию как таковому (в плане достоверности получаемых результатов, объективности выводов и т.д.). Вполне естественно, что представители разных научных направлений ставят различающиеся вопросы относительно специфики ментального лексикона (далее – МЛ), а при решении таких вопросов исходят из своих представлений о том, что такое МЛ.

Например, с позиций порождающей грамматики Н. Хомского МЛ одно время трактовался как придаток грамматики, составляющей основу владения языком. Поскольку, согласно этому подходу, высказывание строится по определённым правилам, слова только представляют материал, на котором «работают» эти правила; более того, МЛ трактовался некоторыми авторами как перечень лексических единиц, не подчиняющихся таким правилам и выучиваемых носителем языка в качестве исключений из правил. Со временем ситуация изменилась и теперь, наоборот, речь идёт о том, что грамматические особенности в МЛ могут быть увязаны с самим словом (ср. «лексические грамматики»), а изучение различных аспектов МЛ стало объектом широких междисциплинарных исследований с организацией регулярных международных конференций по проблемам МЛ и изданием специального научного журнала «The

Mental Lexicon» (см. подробно: [3; 4]).

Не имея возможности сопоставить здесь фигурирующие в научной литературе определения МЛ и рассматриваемые в этой связи проблемы, ограничусь указанием на то, что трактовка лексикона как знания слов (или знания о словах) в голове человека выводит на разработку весьма различающихся конструктов, поскольку никто не знает, что именно входит в понятие «знание слов». Например, Джин Эйтчисон, в предисловии к своей книге определяющая МЛ как словарный запас человека [9: IX], посвящает монографию рассмотрению того, чем МЛ отличается от традиционного словаря, как представлены и организованы слова в лексиконе, т.е. основная цель этой книги – показать, как работает лексикон человека. На первый взгляд, сходную формулировку предлагает Дж. Филд [13: 161], однако приведённое в том же словаре определение единицы МЛ [цит. раб.: 154–155] свидетельствует о включении в это понятие лишь формально-лингвистической информации о слове. Даже при близких дефинициях МЛ авторы могут придерживаться принципиально разных представлений о базовом (модульном или сетевом) принципе организации лексического запаса человека, о соотношении между языковыми и энциклопедическими знаниями и т.д. Особенно спорными являются вопросы о том, что именно можно/нельзя включать в понятие «МЛ»: где граница между словом и концептом, языковыми и энциклопедическими знаниями, есть ли различия между лексиконом для говорения и лексиконом для понимания, сколько лексиконов имеется у человека, владеющего двумя или несколькими языками, и т.д., более того, возникает подозрение: а нужен ли такой конструкт, может быть вообще-то лучше бы обходиться без него (см.: [12]). При этом употребляющие термин МЛ авторы далеко не всегда конкретизируют свою трактовку лексикона. В случаях, когда это делается, чаще всего под лексиконом понимают индивидуальный словарный запас, репрезентации слов в долговременной памяти человека или хранилище слов в памяти и т.п. без расшифровки того, что именно представляет собой

слово в языковом/речевом механизме индивида.

«Ментальный лексикон» как метафора

Словосочетание «ментальный лексикон», несомненно, представляет собой метафору (ср.: [7]), которая влечёт за собой ещё целый ряд производных метафор, в том числе и естественнонаучных (см. подробно: [3]). Метафора признаётся одной из важнейших «познавательных практик» человека, поскольку с опорой на некоторый совпадающий или близкий по какому-то параметру признак сопоставляемых объектов удаётся высветить определённое свойство, состояние и т.д. для его более эффективного понимания и описания. Однако при этом не замечается, что другие признаки таких объектов могут в значительной мере различаться, поэтому всегда имеет место опасность излишнего расширения границ сходства между объектами. Именно это происходит при использовании обсуждаемой метафоры. Так, в составе словосочетания МЛ слово «лексикон» идентифицируется как «словарь», отсюда ментальному словарю приписывается многое из того, что характерно для печатного словаря и/или для научного описания слова как единицы лексико-семантической системы языка (ср. производные метафоры типа слово имеет значение, выделение лексикона лемм, фонологического, орфографического и др. лексиконов) при трактовке языка как самодостаточного явления (в том числе – органа особого рода) с хранением различных аспектов слова (произношения и др.) в отдельных «модулях», «блоках» и т.п.

«Ментальный лексикон» и связанные с ним мифы

Некоторые из связанных с МЛ метафор ведут к устойчивым мифам. Например, представление об исключительности языка как специфического феномена выразилось в попытках «закрепить» за языком определённые области мозга, что в свое время наглядно демонстрировалось нарушениями речи при разного рода травмах и заболеваниях. В последние годы доказано, что здоровый мозг работает иначе: знание у человека хранится по принципу распределён-

ности между различными областями мозга (см.: [2]). Развенчанным оказался миф о том, что в мозге имеются энграммы, соответствующие словам. Основаниями для многих мифов, так или иначе связанных с МЛ, являются результаты лингвистических исследований, прямо переносимые на представления о лексиконе индивида, хотя ещё Л.В. Щерба [8] предостерегал против недопустимого отождествления теоретически несоизмеримых понятий, к числу которых относятся система языка как продукт научного описания и «речевая организация человека» как продукт своеобразной переработки речевого опыта (уточняя: опыта познавательной и коммуникативной деятельности). Сюда относятся мифы о том, что слово хранится у человека в единстве всех его форм и значений (например, в виде списка всех возможных лексико-семантических вариантов), индивид производит исчисление предикатов и выполняет многие другие действия, которые необходимы исследователю для построения описательной модели языка. На самом деле «своеобразная переработка» речевого опыта даёт своим продуктом функциональные ориентиры, т.е. знание процедурального типа (знание «как», ср. хорошо говорящего ребёнка, испытывающего трудности при школьном изучении грамматики родного языка!). Такие ориентиры «работают» в особых «кодах», позволяющих индивиду увязывать мультимодальные продукты переработки многообразного (не только речевого!) опыта, а установление связей между разными значениями одной и той же словоформы или понимание эксплицитных (вербализованных) правил сочетания слов в высказывании требуют метаязыковой активности с переходом на уровень актуального сознания, в то время как в текущей речемыслительной деятельности основная работа этого механизма обеспечивается взаимодействием процессов, протекающих на неосознаваемом уровне (ср. обязательный учёт множественных выводных знаний, необходимых для мгновенного понимания того, о чём именно идёт речь в воспринимаемом сообщении).

Заключение

Итак, мы убеждаемся в том, что МЛ может фигурировать и как конструктор, и как метафора, и как миф. Главное, конечно, в том, что мы должны отдавать себе отчёт в том, в каком именно смысле это словосочетание встретилось нам в каждом отдельном случае, и не принимать желаемое/предполагаемое за действительное/реальное. Следует исходить из специфики именуемого объекта, для исследования которого необходим интегративный подход с позиций ряда наук, ибо только при таком подходе могут быть выявлены психофизиологические, нейробиологические, социальные, лингвокультурные и прочие аспекты того, на что указывает или намекает слово, в противном случае разрабатываются конструкты, нередко именуемые метафорически и к тому же ведущие к устойчивым мифам, которые со временем могут становиться граничащими с предрассудками. Для иллюстрации правомерности такого вывода расскажу о недавно полученном мною электронном сообщении, где говорилось: «Направляю Вам ссылку <http://www.hse.ru/news/science/121456242.html> на интересный экспериментальный вывод. Много шума из ничего? Или что Вы скажете?» Пройдя по ссылке, обнаруживаю, что в сообщении под названием «Традиционные представления о восприятии языка неверны» речь идёт об исследовании, согласно которому: «... в восприятии и понимании речевой информации мозгом человека участвуют не только традиционные речевые области, известные ещё из классических работ неврологов XIX столетия <...>, но и те зоны коры головного мозга, которые управляют двигательным аппаратом и отвечают за двигательную активность». На основании проведённого исследования делается следующий вывод: «Эти результаты чётко указывают на то, что традиционные представления о восприятии мозгом языка как об изолированной, оперирующей абстрактными символами системе неверны. Способность понимать слова и их смысл коренится в биологии, а именно непосредственно в восприятии и действиях, связанных с этими словами. Когда ребёнок узнаёт

новые слова, они воспринимаются непосредственно в связи с объектами и действиями, которые они означают. <...> Таким образом, формируется целая сеть нервных клеток, находящихся в разных районах мозга, включая и те, которые традиционно связывают не с речью, а с простыми функциями <...>. Эта сеть и становится мозговым представителем того или иного слова, напрямую, физиологически связывая его звучание и произношение с теми действиями и ощущениями, которые оно означает».

Конечно, такой вывод противоречит и наивным представлениям о слове, и широко распространённым научным мифам, согласно которым слово само по себе «несёт информацию», «означает» и т.п. Но он полностью отвечает тому, что говорится в книге Э. Годберга «Управляющий мозг» [2], где даётся обоснование положений, имеющих непосредственное отношение к обсуждаемым вопросам, а именно: принцип, по которому когнитивные функции распределены по коре, является градуированным и непрерывным; репрезентация каждой категории вещей распределяется в соответствии с её различными сенсорными компонентами: зрительными, тактильными, звуковыми и т.д.; большинство репрезентаций вещей и событий включают многие сенсорные модальности; имеются основания предположить, что корковое представление объектных слов тесно связано с корковым представлением самих объектов и что корковое представление слов действия тесно связано с корковым представлением самих действий; различные аспекты значения слова распределены в тесной связи с теми аспектами физической реальности, которые они обозначают. Аналогичные идеи обсуждаются в книге «The Cambridge Handbook of Psycholinguistics» (2012), см., например, суммирование современных трактовок этих вопросов в главах [10; 11].

Сказанное представляется достаточным для общего вывода: для понимания сути связанных с МЛ конструктов, метафор и мифов принципиально важна разработка методологических принципов исследования ментального лексикона как достояния индивида,

отвечающих современному научному уровню знаний о специфике обсуждаемого феномена.

References:

1. Anglo-russkii slovar' po lingvistike i semiotike [English-Russian Dictionary of linguistics and semiotics]. - Moskva., 1996. - 656 p.

2. Goldberg E. Upravlyayushchii mozg [Managing the brain] translated from english. - Moskva., 2003. - 335 p.

3. Zalevskaya A.A. Nekotorye novye podkhody k issledovaniyu mental'nogo leksikona [Some new approaches to the study of mental lexicon]., Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya. [Bulletin of the TSU, Series: Philology]., 2006. No. 3 (20), pp. 101–118.

4. Zalevskaya A.A. Vvedenie v psikholingvistiku. 2-e izd., [Introduction to psycholinguistics. 2nd ed.] dop. - Moskva., RGGU, 2007. - 560 p.

5. Zalevskaya A.A. «Leksikon orkestr» i voprosy metodologii nauki (2014) [“Lexicon Orchestra” and questions of the methodology of science (2014)]., Access mode: <http://gisap.eu/node/41508>

6. Noveishii psikhologicheskii slovar' [The latest psychological dictionary]., 2-nd ed. - Rostov-on-Don., Feniks, 2006. 808 p.

7. Ovchinnikova I.G. Eshche raz o modelirovani mental'nogo leksikona bilingva. Voprosy psikholingvistiki [Once again on the modeling of bilingual mental lexicon. Problems of psycholinguistics]., 2009., No. 2(10), pp. 43–49.

8. Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost' [Language system and speech activity] - Leningrad., Nauka [Science]., 1974. - 428 p.

9. Aitchison, J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. 3rd ed. Blackwell Publishing, 2003. - 314 p.

10. Barsalou, L.W. The human conceptual system. The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. - Cambridge., 2012., pp. 239–258.

11. Boroditski, L. How the languages we speak shape the ways we think. The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. - Cambridge, 2012., pp. 615–632.

12. Elman J.L. Lexical knowledge without a lexicon? Methodological and Analytic Frontiers in Lexical Research (Part II). Special Issue of

“The Mental Lexicon”, 2011., Vol. 6:1., pp. 1–33.

13. Field, J. Psycholinguistics. The key concepts. - London; New York., Routledge, 2004. - 366 p.

14. The American Heritage Dictionary of the English Language. 3d ed. - Boston, New York., Houghton Mifflin Company, 1996. - 2140 p.

15. Whitaker H.A. Words in the mind, words in the brain: Preface to inaugural issue of the Mental Lexicon. The Mental Lexicon. 2006., Vol. 1., No. 1., pp.3–5.

Литература:

1. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М., 1996. 656 с.

2. Голдберг Э. Управляющий мозг / пер. с англ. М., 2003. 335 с.

3. Залевская А.А. Некоторые новые подходы к исследованию ментального лексикона // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2006. № 3 (20). С. 101–118.

4. Залевская А.А. Введение в психоллингвистику. 2-е изд., доп. М.: РГГУ, 2007. 560 с.

5. Залевская А.А. «Лексикон оркестр» и вопросы методологии науки (2014) / URL: gisap.eu/node/41508

6. Новейший психологический словарь. 2-е изд. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 808 с.

7. Овчинникова И.Г. Ещё раз о моделировании ментального лексикона билингва // Вопросы психоллингвистики. 2009. № 2(10). С. 43–49.

8. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.

9. Aitchison, J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. 3rd ed. Blackwell Publishing, 2003. 314 p.

10. Barsalou, L.W. The human conceptual system // The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. Cambridge, 2012. Pp. 239–258.

11. Boroditski, L. How the languages we speak shape the ways we think // The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. Cambridge, 2012. Pp. 615–632.

12. Elman J.L. Lexical knowledge without a lexicon? // Methodological and Analytic Frontiers in Lexical Research (Part II). Special Issue of “The Mental Lexicon”, 2011. Vol. 6:1. Pp. 1–33.

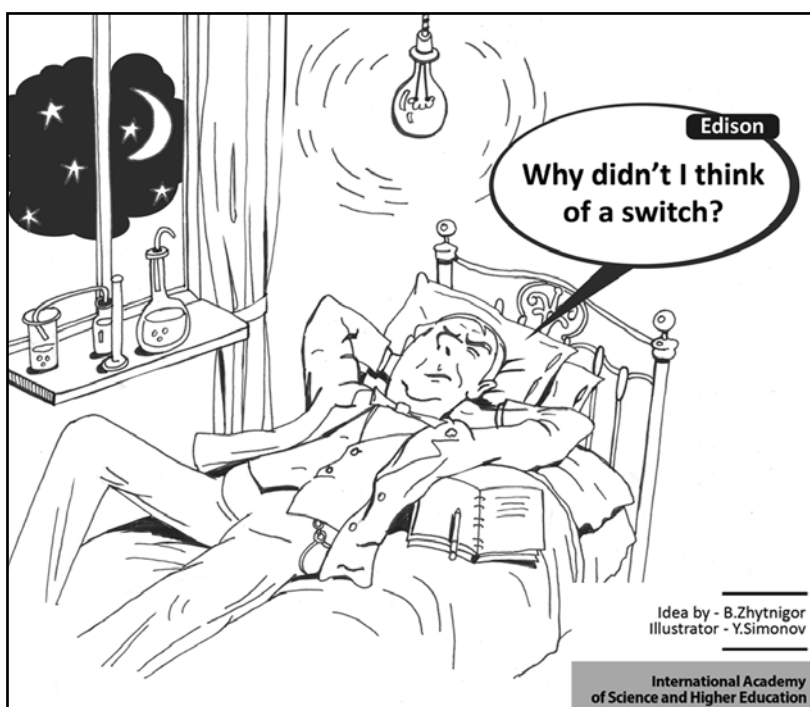
13. Field, J. Psycholinguistics. The key concepts. London; New York: Routledge, 2004. 366 p.

14. The American Heritage Dictionary of the English Language. 3d ed. Boston; New York: Houghton Mifflin Company, 1996. 2140 p.

15. Whitaker H.A. Words in the mind, words in the brain: Preface to inaugural issue of The Mental Lexicon // The Mental Lexicon. 2006. Vol. 1. № 1. Pp.3–5.

Information about author:

Alexandra Zalevskaya - Doctor of Philology, Full Professor, Tver State University; address: Russia, Tver city; e-mail: aazalev@mail.ru

LANGUAGE SPACES OF THE COMIC THINGS IN WORKS BY W. GOMBROWICZ

D. Hamze, Doctoral Candidate
Plovdiv University named after Paisii Hilendarski, Bulgaria

Playing with the spatial parameters using the language in the narrative and philosophical works by W. Gombrowicz is an aesthetic strategy for assailing and partially disarming the Form as the permanent and “lifelong” incarceration of the person, as the main reason personal dehumanization and depersonalization. The expansion and contraction of space, its rearrangement and recomposing in another way, the skillful operation with its elasticity in the grotesque area pre-nominate (and trans-nominate) the objects losing their utilitarian “fate” to acquire a new (egalitarian) existence and new functions within new dimensions. This unique ability like a grotesque determinant predetermines the grotesque’s most important function – that of transcendence.

Keywords: space, language, comics, communication, grotesque, derivation, anti-Form, oxymoron, repetition, deixis, case.

Conference participants,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА КОМИЧЕСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ В. ГОМБРОВИЧА

Хамзе Д.Г., ассистент
Пловдивски университет Паисий Хилендарски, Болгария

Игра пространственными параметрами посредством языка в художественно-философских произведениях В. Гомбровича представляет собой эстетическую стратегию штурмования и частичное обезвреживание Формы как перманентного и „пожизненного” заключения человека, как главной причины для его дегуманизации и деперсонализации. Расширение и сужение пространства, его переключивание и сборка иным, новым образом, виртуозное оперирование его эластичностью в гротесковой зоне пере-номинируют (и транс-номинируют) предметы, которые стряхивают с себя утилитарный „удел”, чтобы приобрести новое (эгалитарное) бытие и новые функции в другом измерении. Эта уникальная способность как гротесковая детерминанта предопределяет и самую важную функцию гротеска – трансцендирующую.

Ключевые слова: пространство, язык, комическое, коммуникация, гротеск, деривация, анти-Форма, оксюморон, повторение, деиксис, падежность.

Участники конференции, Национального первенства
по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского
первенства по научной аналитике

Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i7.917>

1.1. Человек – язык – пространство

Ориентация человека в окружающей его среде, локализация собственной позиции в ней, понимание этой позиции как соотношение и взаимодействие со средой, со внешним относительно него, и дальнейшее абстрагирование этой зависимости путем духовной транспозиции, перманентный и неутомимый поиск опорных точек для адаптации во Вселенной, как и для ее воспроизведения, пере-сотворения и перестановки в науках и искусствах, являются яркими пространственными коррелятами (функциями). Язык, как непрерывный творческий акт воссоздания и самообновления, „манипулирует” пространственными параметрами, создавая, с одной стороны, впечатление, что репродуцирует объективные пространственные данности, для чьей бытийности имеет собственные заслуги в сознании индивида, „подсказывая” их вещественные лингвистические эквиваленты, а, с другой, что пере-направляет и пере-форматирует пространственные сферы для оптимизирования и оправдания человеческой экзистенции. Обычно говорят о понятии в узком и в широком смысле (пространственный аспект) слова, а его семантика представляет собой гибкую пространственную конфигурацию. Бином *смысл – значение* имеет межпространствен-

ный характер, а смысл отличается варьирующей интрапространственной архитектуроникой. Очевидная двойственность нашей пространственной зависимости, проявляющейся одновременно как неудача, из-за своей брэнности, нашей экзистенциальной терминальности и вследствие этого пространственной исчерпанности, но и как прочное стремление к соизмерению и созвучию с пространством, находит выражение в нашем языковом поведении. Мы полагаемся на то, что язык восполнит нашу пространственную недостаточность, и в то же время даем себе отчет в том, что сам он недостаточен для этой цели. Несмотря на это, однако, животворная иллюзия о ловкой и эффективной игре пространством поддерживается самим языком посредством его неограниченной открытости для перемен. В зависимости от перспективы и предназначения, *слово* тоже двойственно в пространственном ракурсе: как пространственный инструмент для обозначения корреляции я – внешний мир оно обладает разной по степени дейкитичностью (дейкитический маркер различной интенсивности), следовательно имеет экстраполирующий, экстенциональный и референциальный подтекст, но в своем качестве составной части языка как пространственность – „внешняя” по отношению

к своим составляющим – представляет закрытую, „автоцентрическую” конструкцию.

1.2. Пространственные взаимоотношения между языком и человеком не односторонние и однонаправленные. Интересна траектория взаимодействия между двумя пространствами: 1. Язык имеет пространственную структуру (организацию); он есть пространство в пространстве со своими специальными функциями (дейкитичной, коммуникативной, частью которой являются импрессионная, конативная и фатическая, трансцендирующая и т.д.). Субъект имеет пространственный подход к самому языку (благодаря своему пространственно-маркированному отношению к нему), т.е. „соблюдает” дистанцию, не отдается во власть языку, а перед тем как сказать что-нибудь, обдумывает. Подбор и селекция являются дистантными операциями языковой личности. 2. Субъект притягивает языковое пространство к себе, вследствие чего две орбиты (его собственная и орбита языка) наслаиваются друг на друга, частично пересекаются друг с другом. 3. Человек имитирует по-своему безграничную открытость языка для перемен (которая, однако, сразу уравновешивается и нейтрализуется принципиальной ограниченностью выражений (не можем сказать

все; невозможно объять необъятное, необозримое; язык имеет границы – мы сопоставляем его с тем, что было пред-языковым и с тем, что является около-языковым) – оксимороническая специфика (о-граниченная неограниченность) – посредством своей „безграничной” возможности оперировать им (языком), как в игре перемещать и даже игнорировать (переходить) его границы. С помощью языка субъект пытается компенсировать свою пространственную ограниченность, создавая художественно-фиктивные миры как виртуальные, имагинерные, утопические, профетические, фантастические, альтернативные и потенциально возможные пространственные перспективы.

1.3. Х.Г. Гадамер напоминает нам, что когда говорим о *понятии в узком и в широком смысле слова*, мы должны понимать язык не только как набор слов, но и как форму коммуникации: „W szerszym znaczeniu język jako komunikacja obejmuje nie tylko mowę, lecz również wszelką gestykulację towarzyszącą wszystkim językowym kontaktom człowieka.” (Гадамер 2003: 25); (рус.: „В широком смысле слова язык как коммуникация охватывает не только речь, но и любого вида жестикуляцию, сопутствующую всем языковым контактам человека” (Здесь и далее пер. мой – Д.Х.). Все, что связано с нашими мыслями, активирует бесконечный процесс. Нет законченного разговора, ни один разговор не может быть полностью завершен, потому что действительное согласие и понимание несовместимы с индивидуальностью. Коммуникация есть столкновение интровертированных (интимизированных) пространств. Каждый из коммуникантов выражает часть внешнего пространства, чтобы его приватизировать. Переломленное сквозь его личную призму, оно становится снова внешним для собеседника. Тяжело справиться с двумя внешними пространствами, которые словно обесценивают собственные усилия и навязывают чуждость. В коммуникативной зоне встречаются и переплетаются недосказанности и недостижимости говорящих. Х.Г. Гадамер констатирует следующее: „To co mamy na myśli, co jest naszą intencją,

zawsze wykracza poza to i przechodzi obok tego, co ujęte w słowa za pomocą języka faktycznie dociera do drugiej osoby – oto rzeczywiste życie i istota języka.” (Гадамер 2003: 40); (рус.: „То, что мы мысленно представляем себе, что является нашей интенцией, всегда перешагивает за границы того и обходит стороной то, что, одетое в слова с помащью языка, фактически доходит до другого – вот она - реальная жизнь и суть языка.”). Литературный текст, и в частности кумика, как убежище (и рай) для индивидуальности, предлагает различный тип коммуникации, которая конфигурирует пространственные отношения в виде развернутого поливалентного и всеохватного диалога, распространяющегося на все произведение, но продолжающегося и после (вне) него. Стимулируя индивидуальность, художественное текстовое пространство делает коммуникацию многоспектральной и полноценной. В его рамках даже несогласие со стороны читателя представляет собой „согласие” для плодотворной, конструктивной дискуссии в контексте полемического диалога и раскаленного дискурса, в процессе которого эволюируют и интерферируют две индивидуальности, подпитывающие пространственные энергии и расширяющие свои пространственные объемы. Полемика увеличивает общий пространственный охват и открывает новые пространственные перспективы. Она доказывает, что язык реализуется не в предложениях, а в единстве смысла.

1.4. Как инструмент пространства, язык внедряет его в сознание индивида. Эрнст Кассирер отмечает: „В этом смысле все мысленные и идеальные связи могли бы быть восприняты языковым сознанием благодаря обстоятельству, что язык проектирует их в пространстве и „отражает их” в нем путем аналогии. В отношениях соприсутствия, следования и разъединения налицо средство для представления различных по виду качественных взаимосвязей, зависимостей и противоположностей.” (Кассирер 1998: 169). На этом принципе конструируется *гротеск*, который в глобальном плане сочетает сенсорное и интеллектуальное, генерируя и стилизуя весь ког-

нитивный и исторический опыт человечества. Его трансцендентальная функция раскрывает духовный аспект пространственного членения (кроме чисто чувственного). В нем запечатлется самостоятельная энергия сознания, выходящая далеко за пределы области простого ощущения, на которое способно и животное.

Творец находится одновременно внутри и вне в пространственном смысле. Он владеет гибкостью языка и воспользуется ею – перешагивает за правила, за пределы конвенций, но в то же время ситуируется в рамках возможностей, которые ему предлагает язык. Он один может назвать неназываемое, высказать то, что невозможно выразить словами. Автор кумики имеет те же „правомерности” – он умеет воспользоваться двойственным характером комического, который напоминает амбивалентное естество языка: представляет собой одновременно языковую функцию и языковую параллель, подобие чего-то около-языкового. Комическое спациогенно, оно порождает новые пространства, а гротеск, восстанавливая потери, компенсаторно иронизирует коммуникативную недостаточность, вербальные неудачи посредством наглядной, картинной пространственности своих изображений. Они похожи на импровизации, но на самом деле имеют крепкую философскую подоплеку и солидный ментальный фундамент.

2.2. Пространственный облик комических категорий

Три указанные нами категории комического: ирония, пародия и гротеск, имеют общую территорию и общую пространственную ориентацию, переливаются друг в друга, взаимно заменяют и содержат друг друга по принципу «матрешки». Их вместимость огромна и изумительно растяжима. Их пространственная общность (совместимость и совместность) генерирует пространственный континуум с единой и целенаправленной семантической перспективой, как обширная платформа для содержательного „разговора” с адресатом. *Пространственная мимикрия* каждой из комем, как следствие консолидирующего, ко-референциального и обратимого (реверсивного) со-пространства, не

обезличает отдельную субкатегорию и не лишает ее собственного пространства. Перманентная подвижность, динамика общего пространства благоприятствуют обнаружению индивидуальных комических акцентов и самому профилированию комем, а также выявлению их имплицитурных схем (По этому вопросу см. Хамзе 2012а, 2012б, 2012в, 2013а, 2013б, 2013в, 2014). Пространственная эластичность (растяжимость) и внушительная амплитуда комем делают их сильно вариативными, с „врожденной” транспозитивностью. Объем каждой из них может варьировать от минимального до максимального, причем сам минимум имеет различный охват – самый маленький он у иронии, а самый большой – у гротеска, ввиду его изобразительно-пластической („рисовательной”) специфики. Отдельная субкатегория может быть частью остальных (минимальной единицей) или охватной величиной, которая их содержит (максимальной единицей). Внетекстовая ирония как мироотношение, однако, является ключевой относительно остальных двух комем, в том числе и относительно себя на языковом уровне. Три субкатегории комического в какой-то мере изосемичны, т.е. согласуемы (ковалентны) между собой. Другая пространственная характеристика, на наш взгляд, это их *мереоморфизм* (термин Фр. Растие 2003: 386) – закладывание общего идейно-эстетического тона произведения посредством определенных вводящих маркеров в другом месте в тексте представляется расширенно и диффузно (в смысле накопления и разноликости (разноформия) посредством других более обширных форм, присущих прежде всего пародии и гротеску). Таким образом, скицированные параметры приобретают развернутое и рельефно-панорамное выражение. Обеспечивая *деривативное пространство*, комемы задают и поддерживают пространственный континуитет, одну инфинитность как аналог жизни вообще.

2.2.1. С идейно-эстетической и философско-интеллектуальной точки зрения, *ирония* – это предыстория, „стартовая площадка” и основание для комической обработки. Как *инва-*

риант двух остальных субкатегорий, она одновременно содержит их и задает их пространственные траектории. И в других наших публикациях мы указывали на некоторые важные, на наш взгляд, особенности иронии, которые нам хотелось бы опять припомнить. Ее пространственная метаморфичность проявляется и в ее способности быть одновременно суперординативной (надрядовой и управляющей), иллативной (вместимой), субллативной (сводящей под общий знаменатель остальные субкатегории) и таксономической единицей по отношению к остальным комемам, а они, со своей стороны, могут быть воспринимаемы как ее дериваты.

2.2.2. Пространство *пародии* тесно связано с пространством оригинала, что делает ее менее свободной по сравнению с другими двумя субкатегориями. Эта зависимость, однако, относительна в *конструктивной пародии*, использующей ограниченное в какой-то мере пространство традиционной пародии, а именно насмешливо-критическое подражание как инструмент автоматизации во имя новых пространств в литературе, которые она антиципирует. В предварительно заданной пространственной рамке классической пародии наблюдается значительная референциальная динамика. В принципе ирония и пародия отличаются более прямой, более ясной и конкретной референцией по сравнению с гротеском, как синкретическое и экстремальное для стандартно думающего воспринимающего языковое изображение целой констелляции отношений, представляемых объектом-символом.

Что касается дистанции между продуктором комедии, объектом, сообщением и реципиентом, она варьирует в широких границах. Минимальная дистанция показывает, что полную ответственность за сообщение берет на себя говорящий. Продуктор иронического коммуниката в своем качестве ироника редуцирует максимально дистанцию между собой и миром, беря на себя полную ответственность за содержание сообщения, несмотря на то, воспринято оно как прямое или косвенное (т.е. распознано как ироническое) послание: „*Tu si велик!*”

(бол.) (презумпция: „*Непоносим си! Нищожество!*” бол.) (рус.: *Молодец!* (презумпция: „*Ты невыносим! Ничтожество!*”).) Что касается дистанции между продуктором и адресатом, близкий на первый взгляд контакт между коммуникантами, „подпечатанный” деиктическими маркерами (прежде всего личными местоимениями, как в примере выше) в поверхностном пласте, имплицитно максимальной дистанцию от сказанного, которая может укоротиться при расшифровке иронии, но может и сохраниться, если адресату не удастся ее декодировать. Очевидно, дистанция – многоаспектное понятие, и пародия лучше всего это показывает, производя несколько видов дистанции:

1. дистанцию между пародистом и пародийным объектом – она минимальна как степень приближения к оригиналу и максимальна как отношение (= несогласию, неприятию) к нему. Надо уточнить, что мы имеем в виду классическую пародию, так как перспективная тенденция, очерчиваемая данным типом литературы как пародийный объект, встречает скорее одобрение пародиста и порождает именно конструктивную пародию.

2. дистанцию между пародистом и его собственным сообщением. В сущности и при трех категориях комического дистанция минимальна, потому что продуктор берет на себя полную ответственность за свое сообщение.

3. дистанцию между пародистом и адресатом, который раздваивается на: пародированного автора и нейтрального реципиента пародии (читателя). Дистанция между пародистом и пародированным автором минимальна – зная отлично свое произведение, адресат не может не заметить его сознательное искривление и компрометацию – тогда выразительные средства пародии превращают ее в ключ для ее дешифрирования, в ее семантический индекс, причем гораздо более прозрачный и недвусмысленный, чем иронический. В этом случае пародия, которую можно классифицировать как парафрастическую иронию, гарантирует свое собственное дешифрирование. Продуктор словно снял дистанцию, надевая шкуру пародированного автора и говоря от его имени.

Если адресат пародии - неискушенный читатель, являющийся третьим коммуникантом в литературном диалоге, и он не знает пародированный объект (исходный текст), дистанция максимальна и трудно преодолима. Он мог бы воспринять пародию как оригинальное юмористическое, остроумное, чертовски-задорное или сатирическое произведение самого пародиста, без опорной конструкции. Если, однако, у читателя солидные познания, он не лишен шанса распознать произведение, ставшее прицелом пародийной интервенции, при этом благодаря ассоциативному сравнению, которое в случае играет роль пародийного индекса.

В структуре самой пародии дистанция между двумя планами (поверхностным и глубинным) укорочена, благодаря повторению (посредством сравнения), как основному пародийному принципу, в результате чего категория становится более легко распознаваемой. Ее идентификация облегчена карикатурным подражанием объекту, но сам он, как уже было упомянуто, трудно распознаваем, т.е. интуитивно мы улавливаем пародийную цель, но без богатой эрудиции в соответствующей материи мы не могли бы обнаружить пародированное произведение.

Из-за холистического характера своего объекта, который пародия „осаждаст” со многих сторон, как текстуальное пространство она расстилается по всему произведению.

Так как *темпоральная сегментация* имеет пространственное происхождение, было бы уместно очертить и некоторые временевые параметры (особенности) при категориях комического. По сравнению с иронией, пародия более динамична и зависима в темпоральном отношении – обвязана с конкретным произведением, с его временным реестром, как и с темпоральной маркированностью позиции своего продуктора, которая служит эталоном критикуемого объекта. Ирония словно вневременная константа. Она есть аналог вечности. Гротеск словно остановил время, в одном отрезке мира сконцентрировал всю вечность.

2.2.3. Многомерная, многослойная

и поливалентная специфика *гротеска* организует свое пространство вокруг двух осей:

1. оси поляризации атиномических элементов: красивое – уродливое, трагическое – комическое, демоничное – тривиальное, восхищение – ужас, разоблачительность – бескритичный эстетизм, утонченная – вульгарная манера говорения;

2. оси совмещения полярностей: коллизийные сочетания превращаются в симбиозы, готовые к трансценденции, которая преобразовывает их статус, чтобы восстановить с их помощью естественный, первичный (космический) порядок.

В совместной комической равнине гротеск расширяет пространство иронии (словно повторяет ее в расширенно-наглядном варианте). Он является фантазмагорической, игровой реальностью; создает мир, у которого свой собственный порядок и свои собственные законы. Как „зрительно-высказывательный” и ярко пластический, экстенциональный девирует иронии, обладающий наиболее сильно выраженной дейктивностью, гротесковый образ гравирован в памяти созвучно-конфронтативные симбиозы амбивалентно-сосуществующих компонентов. Объединенные и аккомодированные составляющие приобретают новое бытие – результат интегративных процессов в рамках его тричности: исконной предгротесковой бытийности, новоприобретенной бытийности, вследствие гротесковой интеракции с остальными элементами, и сублимативной и трансцендентной сверхбытийности как функции взаимодействия. Так гротеск стилизует и синтезирует в одном три пространственные целостности. Доминанта трансцендентального пространства выделяет и основную разницу между телеологической функцией гротеска и функцией остальных двух комем. У них преобладает насмешливо-критическая линия, в то время как при гротесковом изображении дается преимущество побудительно-трансформационной и эстетическо-экспрессивной альтернативе.

Создавая завораживающую калейдоскопичность изображения в рамках коллажной композиции, гротесковый

продуктор засвидетельствует и свою собственную пространственную свободу, непринужденно оперируя своим собственным пространством – удлиняя или укорачивая его. Этот факт лег в основу и дефиниции Петра Лагуны о гротеске: „[...] pod pojęciem goteski rozumie się grę przeciwieństw, świat rządzącym się prawami kontrastyw, wobec ktyrego podmiot literacki bezustannie zmienia swą pozycję wydłużając lub skracając dystans.” (Лагуна 1984: 76) (рус.: „[...] под понятием гротеск понимается игра противоположностей, мир, управляемый законами контраста, мир, по отношению к которому литературный субъект непрерывно меняет свою позицию, удлиняя или укорачивая расстояние.”).

Предметность в гротесковой зоне имеет важные пространственно-моделирующие функции. „Ритуальное умерщвление” предметов в утилитарном плане трансцендирует их как равноценные и равнопоставленные в Космическом порядке. Эволютивно-конверсивная их функциональность в гротесковой панораме ассоциируется с *неосемантизмом гротеска*, устремленным к „макетному” восстановлению универсального баланса посредством интеллектуально-эстетической и экспрессивной метаморфозы и синтеза.

Деиерархизация и равнопоставление гротесковых компонентов обусловлены аппелятивными (осуществляющими семантический перенос) интенсиями (энергиями), внушающими вечную „нарицательность” всего одушевленного и неодушевленного, как нить в совершенной ткани Абсолюта, как инструмент в его омнифонической (и гомофонической) оркестрации. Два симптоматических процесса, генерирующих гротесковость, которые Лех Сокул выделяет, а именно синтез гетерогенных форм и дезинтеграция естественных физических целостей, подтверждают это наблюдение. (Сокул: 1971). Иерархизм в восприятии и концептуализации гротеска на самом деле деиерархизирует позиции вещей. В рецептивном плане очерчивается трехступенная, темпорально-маркированная структура гротеска: *удивление* (первая фаза) – *страх* (вторая фаза) – *смех* (третья фаза). Сама концептуализация гротес-

ка, как негация стандартного и общепринятого („Ти **не си** нешо познато, рутинно, популярно и перманентно спрягано” бол.) (рус.: „Ты **не являешься** чем-то знакомым, рутинным, популярным и перманентно обсуждаемым”), пространственно связана с понятием ИЗВНЕ (исключение) – т.е. гротеск вовлекает в иной мир, чуждый эмпирике, практическому опыту, – уже есть указание для правильного интерпретативного маршрута.

3.1. Пространство комического как **анти-Форма**

Представляя в карикатурном виде деформации в обществе и в отношениях человек – космос, комическое рушит формальные стереотипы мышления и поведения и предлагает гибкую, подвижную и вечно открытую эстетическую Форму, которая есть шаг вперед в поиске нашей собственной индивидуальности (о философии Формы в творчестве Витольда Гомбровича см.: Хамзе 2010). Сплошное господство Формы как культуры парализует наши усилия найти себя и постичь собственную индивидуальность, которая все время теряется в межчеловеческом социальном пространстве, пораженном формальной диктатурой. В этом смысле коммуникация превращается в постоянный маскообмен. Единственное средство противодействия формальным императивам – это творчество, представляемое иронией в ее качестве одной из его основных философско-эстетических номиналий. Артистичная игра, которую именно категории комического делают особенно возбуждающей, преодолевает угнетение деперсонализирующей Формы, разбирает штампы и клише, предлагает живительный отдых в Междуформии (пространстве перехода между двумя Формами – старой и новой, потому что наше внеформальное существование невозможно – наш рок – быть о-формляемыми) и креативное Новоформие – *Forma contra Forma*. Коммуникативный заряд иронии ярко иллюстрирует это контрастное явление против уни-Формы, заполнившее все творчество В. Гомбровича.

4.1. **Оксюморон** и его пространственность

Оксюморон можно рассматривать

как микромодель гротескной образности. Атрибутивный характер остро поляризованных компонентов анти-тетичной пары „мирит” их и увлекает в плодотворный симбиоз. Он подсказывает взаимную (реципрочную) гравитацию якобы несовместимых предметов, свойств и явлений. Их абсурдность в рационально-утилитарном плане является естественностью согласно уставу трансценденции, согласно кодексу метафизики в космической перспективе. Творчество В. Гомбровича, несмотря на его кажущееся укоренение в грубой до натурализма реальности, гротесково доминировано и благодаря оксиморону, как опорной конструкции гротеска, совершает трансцендентальную метаморфозу.

В противовес формальной логике оксюморон выглядит на первый взгляд необычным, парадоксальным, экстравагантным и эксцентричным; напоминает языковую аномалию. Заблуждение, однако, рассеивается тем фактом, что человеческое мышление имеет триадичную структуру: синкретика – логика – диалектика. Междинное звено (логика), обросшее конвенциями, стереотипами, формальными императивами и консервативными спекуляциями, на самом деле не разрушает триаду, а исполняет роль моста между собой и остальными двумя компонентами, гравитируя то в сторону одного, то в сторону другого. В диахронной перспективе синкретизм примитивного мышления, представляемого архетипом, развивается до абстрактной модели формальной логики и продолжает эволюировать до сознательного возвращения к „первичному” синкретизму как наиболее адекватной перцепции мира, воплощающей „единство противоположностей”.

Структурные принципы категории оксиморон обнаруживают расслоение ее внутреннего пространства, его дис-трибутивность и одновременно с тем синтетичность. Пространственная аббревиатура оксиморона, представляемая указанной выше ментальной триадой, иллюстрирует производимый человеческим сознанием диахронный пространственный трансфер (больше по вопросу см.: Хамзе 2013г, 2013д).

5.1. **Повторение** как пространство комедии

Повторение – нескончаемая цепочность. Сама непрерывность, перманентность в указывании неповторимости чего-то, есть уже повторение принципа. Многоазовая констатация непознаваемости рождает знание. Уникальность, неповторимость каждого момента в бесконечной цепи моментов есть общая черта всех их, следовательно, повторяющейся является сама их неповторимость. И здесь прорастает ирония неповторимости. Конструирование и подчеркивание индивидуальности тоже есть функция повторения. Различие тоже генерирует повторение, потому что, чтобы выделить различное между нами и остальными, мы возвращаемся к себе, повторяем самого себя. Следовательно, повторение – условие автоидентификации.

Связь между повторением и сравнением реципрокна – обе категории взаимно обуславливают друг друга. Сравнение – функция повторяемости: сравнивая два объекта, мы их повторяем или частично, или полностью. Подобие – это вид повторения. Повторение – ключевая философско-экзистенциальная категория, – со своей стороны, является функцией компаративного усилия. Человек с „реактивной скоростью” пробегает путь к сравнению, чтобы выбрать то же самое (исходное): „сравниваю тебя с чем-то другим или ни с чем, чтобы понять, что я должен тебя повторить (выделить тебя снова)”.

Сам язык – это повторение. Реализация языка – постоянная повторяемость, поэтому ироничность порождает сама себя и превращается в его имманентную квалификацию.

Повторение функционирует как ироногенное средство и как иронический маркер – содействует распознаванию литературной иронии. Можем даже представить себе сильно иронический текст, в котором нет ни одного иронического примечания: „*Brutus jest człowiekiem prawym.*” (рус.: *Брут честный человек.*)” говорит Антоний. Здесь нет ничего иронического. Многоазовое повторение этой фразы, однако, делает ее иронической. Этот маркер слишком характерен и для

В. Гомбровича. В его текстах – уникальные апологии повторения – оно не тавтология, а *инновация*. Пространственная экспансивность повторений у польского писателя выражается в создании длинных (литанических) итеративных цепей, создающих ощущение непрерывности, бесконечности повествования, которое как будто продолжается и за пределами конкретного произведения, а и диалога с читателем. Повторяющиеся ситуации поддерживают континуитет глобального пространства и вместе с тем побуждают к расшифровке инварианта. Расшифровка иронии как инварианта двухсторонняя: 1. центробежная – в сторону от нее к остальным двум категориям комического, которые ее содержат, следовательно и повторяют; 2. центростремительная – в обратную сторону – от пародии и гротеска к их источнику. Гротеск является также повторением универсального пространства, его организации и валентности.

6.1. Комемы как языковые пространства.

По отношению к языку В. Гомбрович пропагандирует позицию „грешника”, но грешника-открывателя и демиурга. Его трансгрессивно-эвристичный язык ловко и находчиво жонглирует избытком солецизмов, т.е. всякими грамматическими и семантико-синтаксическими аномалиями. Новаторские инвенции писателя, отраженные в солецизмах, приводят и к появлению серии *неологизмов*, эмблематических для всего его творчества (больше об языке В. Гомбровича см. в: Хамзе 2012г, 2012д и Хамзе Д. *Экспрессивный потенциал на неологизмизме като катализатор на гротескогенезата (върху материал от романа „Космос” на В. Гомбрович)*. (рус.: *Экспрессивный потенциал неологизмов как катализаторов гротескогенеза (на материале из романа «Космос» В. Гомбровича)* (в печати). О любом из солецистичных явлений как пространственно моделирующих факторов в творчестве писателя можно сделать самостоятельное исследование, но здесь мы маркируем только некоторые из них.

Слова у В. Гомбровича - словно испытательное средство для реальности

явлений и для осязаемости пространства. Их склонность к гипостазам повсеместна в творчестве писателя. Оно „набухает” от *девербативов*, которые придают ему сверхматериальность (*siedzenie Pimki, chodzenie narratora w Trans-Atlantyku*) (рус. сидение Пимко, поход рассказчика в *Транс-Атлантик*). В. Гомбрович пишет: „*Jedno słowo wywołuje drugie...jedna sytuacja inną...nieraz jakiś szczegół pęcznieje, albo przez powtarzanie, zdania nabierają niezmiernego znaczenia*” (Гомбрович 1957: 127) (рус.: „*Одно слово вызывает другое... одна ситуация – другую... нередко какая-то подробность набухает чрезмерно, или же путем повторения фразы приобретают неимоверное значение*”). Лексемы обладают испытательной силой, словно материализуются (реифицируются), добываясь вместе с тем пространственной амплификации и конденсации.

Очень важно, на наш взгляд, уточнить, что пространственно-языковая кумика у Гомбровича имеет иерархический характер. „Во главе” ее – оксюморон во всех его разновидностях (философских, ситуативных, психических, стилистических...), а языковые аппликации, т.е. конкретные языковые инструменты, которыми создается комический образ, – и они, со своей стороны, внутренне иерархизированные на основании их роли в его конструировании (иерархия в иерархии), являются лишь его конкретными применениями.

6.1.1. **Повторение** может быть протяжностью и развитием, но также и сегментируемостью, сдержанностью, строго лимитированной обособленностью и непроницаемостью, может быть кажущейся монотонностью и скукой, но и борьбой против скуки и старения; закатом, инволюцией, но и омолаживанием и регенерацией. Может быть и смыслопорождающим, шкальным, императивным, идентифицирующим, профетическим, антидеструктивным, игровым началом, а также синонимом диалектики, инициацией и естественной (чистой) бытийностью.

Беспредикативное, литаническое перечисление предметов в бесконечной прогрессии в рамках гротеска не столь их обособляет (отгораживает),

закрывает в себе и изолирует от остальных, т.е. делает их непроницаемыми и „некоммуникативными”, что демотивирует и отчаивает субъект в его усилиях подвести их под общий знаменатель, а скорее показывает *возможность* коэкзистенции и ковалентности в рамках одного альтернативного, хоть и временного, воображаемого, импровизированного под влиянием неразгадываемых космических императивов, симбиоза, но в другом, экстрапрагматичном, трансцендентном порядке.

Культурный антрополог окачествил бы повторение слов как магическую практику, а само слово – как проявление заклинательной мощи языка. Повторение в этой функции является типом литании. Литанично (но как функция космических деонтивов) звучат оформленные как стилизованные графики диаграммы из аскетичных безглагольных, моновербальных фраз, зеркально символизирующих друг друга на гротесковом принципе и словно возрастающих в арифметической прогрессии. Эти открытые для дополнения рефрены предсказывают событийность, которая предстоит, и вместе с тем удостоверяют аутентичность („сбываемость”) предсказания:

Książd
Patyk
Kot (K, 135)
 (рус. *Священник*
Палка
Кошка
Wrybel
Patyk
Kot
Ludwig
A teraz trzeba powieścić Lenę.
Usta Leny
Usta Katasi.
(Usta księdza i Jadczyki, wymiotujące).
Usta Ludwika (K,143)
 (рус. *Воробей*).
Палка
Кошка
Лудвиг
А сейчас должна повиснуть Лена.
 Рот Лены.
 Рот Каташи.
 (Рот священника и Ядечки, которых рвет).
Рот Лудвига)

Wrybel.
 Patyk.
 Kot.
 Ludwig.
 Książdz (K, 146)
 (рус. Воробей.
 Палка.
 Кошка.
 Лудвиг.
 Священник)
 Wrybel.
 Patyk.
 Kot.
 Ludwik (K, 147).
 (рус. Воробей.
 Палка.
 Кошка.
 Лудвиг)

Реверсивные повторения с отрицанием укрепляют представление о непрерываемом пространственном континуитете, „окрашенном” амбивалентно: Даже самое замечательное открытие причинило бы свою собственную деструкцию, если будет оторвано от своего единства (обвешанного автоиронической бдительностью) с противоположным полюсом духовно-эстетической амплитуды: „*więc tyż postanowienie twoje pochwalam albo nie pochwalam [...]*” (Гомбрович 1986б: 13) (рус. „*Так что твое решение я приветствую или же не приветствую [...]*” „*Nie jestem ja na tyle szalonym, że bym w Dzisiejszych czasach co mniemał albo i nie mniemał*” (Гомбрович 1986б: 14) (рус. „*Я не до того чокнутый, чтобы в век Нынешний что-то думать или же не думать.*”).

6.1.2. Отъявленный **дейксис** как репетитивное указание раскрывает богатую палитру деиктических (и нетипичных) маркеров в текстах В. Гомбровича: изобилие *отглагольных существительных* и *инфинитивов*, указательных местоимений, особенно деиктора для близкой дистанции *to* (*то*), необычайных деминутивных афиксов, играющих существенную роль при создании окказионализмов и т.д.

„*Umieranie jej, ktyre właściwie wcale nie posuwało się naprzyd, pod naciskiem naszego skupienia i oczekiwania z każdą chwilą stawalo się bardziej napięte*” (подчеркнуто мной – Д. Х., *Porno*, 73). (рус.: „*Ее умирание,*

которое в сущности вообще не продвигалось вперед, под давлением нашего сосредоточивания и ожидания с каждым прошедшим моментом становилось все более напряженным”).

„*Jednocześnie konanie Amelii uległo skażeniu, stalo się jakoś podejrzone*” (подчеркнуто мной – Д. Х., *Porno*, 74). (рус.: „*В то же время угасание Амелии поддавалось запятнанию, стало каким-то подозрительным*”).

„*Siedzenie wybiło się na plan pierwszy*” (подчеркнуто мной – Д. Х., *Ferdy*, 18). (рус.: *Сидение выделилось на первом плане*).

Конденсированная предикативность в номинальных конструкциях данного типа (иницирующая новую предикацию) и их дистантное ситуирование в пространстве делают эти конструкции как будто независимыми от субъекта. Сами они персонифицируются, порождая гротескную образность и внушая посредством нее равноправие и равноценность бытийностей в универсуме. Так нас покидает иллюзия о нашей агентивной (и ординативной) роли по отношению к окружающей среде и „осеняет” открытие о продукте какого-то нашего действия как событийности, руководящей нами. Какое-то несознательное действие само определяет свои параметры и локализуется в пространстве, и с новоприобретенной позиции маркирует нас и управляет дальнейшими нашими действиями. Местоименные деикторы (показательные и относительные местоимения, местоименные наречия и частицы, пространственные наречия) в комбинации с синтаксическими эллипсами (прежде всего частые безглагольные предложения), стущающими семантику молчания (недовысказанности) не только очерчивают координаты предстоящего преступления в гротесковой картине, но подсказывают его неизбежность и определяют способ и направление его совершения:

Kryl

Tak, teraz Cimcirymci. Jeżeli się uda, to ją także. Także ją znowu i tak ciągle... Zawsze ktoś kogoś gdzieś kiedyś... Zawsze tak... Nie tego, to innego, a jak nie tamtą, to znowu jakąś, i tak ciągle – ostro, z góry – z tupetem, z pewnością siebie. Onieśmielić, a potem tego... (I, 73)

(рус: *Король*

Да, сейчас Чимчиримчи. Если удастся, и ее тоже. Также и ее опять, и все так... Всегда кто-то кого-то где-то когда-то... Все так... Не этот, тогда тот, если же не эта, тогда та, и все так – остро, сверху – с размаху, самоуверенно. Расслабить, а потом... ясно...)

6.1.3. **Деривация** (тоже итеративный результат) выделяется рельефнее всего в экстравагантной гипокористике, испестрившей гротескные панно в романе *Космос* Гомбровича. Деминутивная вулканизация языка - особый языковой катарсис и: *odrobinusia, strawusia, papusium, palusium lizusium slodusium, papu papu, naprzyd co na zębusia kqsim, kqsim, manżusium, winiusium, „wyfurczę istny smakołyk lykusieńkowaty... łapcie... stareńkowate, poczytkowate” (K, 79); domiś, pejzażuś, drzewusia, stantusium; „ – Spokojniusium, cierpliwusium tulaj tulaj cotam tam tego, niedaleczko, hejże ha!” (K, 144). (рус.: „*крошечка, пищца, кушаркум, пальчиктуркум, лизуркум, сладуркум, упиши, упиши, в перувю очередь зубком кушакум-уплетакум, стряпняркум, виноркум, „состряпаю классную вкуснятину-глотнятину...лапушки...старенькие, старриннофотографические” (K, 79); „домик, пейзажик, деревьщца, оттудажик”; „ – Спокойнушум, терпеливошум люли люли ни то ни се, недалеконько, айда гоп!” (K, 144).**

6.1.4. Интересной словообразовательной моделью среди **прилагательных** у Гомбровича, как замечает Е. Славкова (Славкова: 1981), являются конструкции с суффиксом *-awu* (*czernawu, ryżawu, tłustawu, ciemnowu, grubawu*) (рус. *краснеющий, рыжевеющий, толстеющий, темнеющий, полнеющий*). Ингерентная дуративность суффикса, перманентность состояния расстилает его одновременно в претеритном и в проспективном планах, создавая ощущение преодоления темпоральных ограничений и инфинитного (всеобъемлющего) безвремения, резорбирующего и ритмично „обессмерчивающего” наше присутствие во Вселенной.

6.1.5. Прямой производной вездесущего повторения являются многочисленные **синтаксические парал-**

лелизмы – функция синтаксической структуры высшего ранга, а именно *хиазм*. Параллелизмы суть отражение руководящего принципа в творчестве писателя – принципа симметрии: „*Ciało moje bało się nieznośnie, uciskając strachem mego ducha, duch uciskał ciało*” (Ferdy, 5) (рус.: „*Тело мое боялось невыносимо, придавливая этим страхом мой дух, а дух придавливал тело*”); „*Początek zakłada koniec, a koniec – początek*” (Ferdy, 5) (рус.: „*Начало предвещает конец, а конец – начало*”); „*Gębę mi robila! I z dniem każdym straszliwszą robila mi gębę*” (Ferdy, 130) (рус.: „*Гримасы мне строил! И с каждым прошедшим днем строил все более страшные гримасы*”); „*Odchodzić idąc, iść odchodząc*” (Ferdy, 176) (рус.: „*Уходить приходя, приходить уходя*”); „*nie dlatego nie mył się ruszyć, że bał się, lecz bał się, dlatego, że nie mył się ruszyć*” (рус.: „*не потому не мог шевельнуться, что боялся, а боялся, потому что не мог шевельнуться*”) (Подчеркивания мои – Д. Х., Ferdy, 238). Посредством данного типа повторяемости достигается энергетическая градация, возрастание напряжения, динамизирование событийности, а кажущиеся тавтологии имеют важную смыслопоражающую и гротескогенную роль. Очевидно, *хиазм* в романе *Ferdydurke* не проявляется в чистом и изолированном виде – часто включен в разнообразные семантические игры с оксимороничной тональностью. Простейшая из этих словесных игр, как отмечают Й. Пашек и Ф. Мазуркевич (Пашек, Мазуркевич 1998: 47), в рамках *хиазма* – скрещенные отличительных черт героев с самими характерологическими и светскими квалификациями, свидетельствующими о наслаивании личного на конвенционально-оценочное пространство, как иллюстрация нашей зависимости от *Формы*: „*karmiony byłem przez Uznanych i Świętych świętością, uznaniem*” (Ferdy, 10); (рус.: „*меня кормили Всепризнанные и Степенные всепризнанием и степенностью*”). Иногда характерное для *хиазма* скопление одних и тех же субстантивов является мотивацией для новых, нетолерированных грамматикой синтаксических связей предиката с его аргу-

ментами.

6.1.6. **Неологизмы** в текстах Гомбровича создают новый мир – не надежности, неопределенности, неокончателности, альтернативности, гибридности, парадоксальности и антитетики. Они суть одновременно *Неоформа* и *Контраформа*, т. е. эффективное средство для борьбы с *Уни-форменностью*. Причудливая неолексема *Berg* (из романа *Космос*) – асемантическая и вместе с тем являющаяся *омнисемантическим* (пансемическим) концентратом – это своеобразная пространственная матрица для порождения (и надстраивания) новых пространств, которые вновь созидают и поддерживают бесконечность. Нестандартно она играет роль эссенциальной семантемы, заклинательной формулы. Фразы типа: *Bembergowanie bembergiem w berg* (рус.: *Бембергование бембергом в берге*) звучат как паремии. Семантический алгоритм *Berg* – сверхпродуктивная основа всевозможных словообразовательных трансформаций: *wybembergował, bergbergowiec, bergum, policusiumberg, Hajdasiumberg* (рус.: *избемберговал, берг-берговец, бергум, полицишумберг, Хайдешумберг*).

Окказиональные инновации, очень часто по латинскому образцу, охватывают целые синтаксические периоды (рисующие синтаксический гротеск): „– *Grażyno moja! Czemużby papusiu swoimsusiu nie podrapciła papuraru rzodkiewskagowego? Rzuć!*” (K, 21), „ *cudum cudowatum, w cudenkowatości swojej jedynum marzennie marzonum urokowatum*” (K, 79). (рус.: „– *Гражи-на моя! Почему ж ты не улепушу, своеушу кушакуша редисковскообразно! Долой!*”; „*чудум, чудоватум, в чуденковатости своей бесподобной своя единственум мечтательно мечтатум очаравательнум*”). Латиноподобные экзотизмы обеспечивают продуктору более крепкое пространственно-коммуникативное сцепление с Абсолютом.

6.1.7. Прямое пространственное воздействие осуществляют **падежи** в комикогенезе. Строятся новые падежные отношения между синтаксическими единицами, которые порождают неожиданные семантические сугестии: „*Pensjonarka nie*

wiedziala o Norwidzie do Pimki. Pimko Norwidem gorszył się do Pensjonarki” (Подчеркивание мое – Д. Х., Ferdy, 111) (рус.: „*Пансионерка не знала о Норвиде к Пимку, Пимко через Норвида супился к пансионерке*”). В нормативной грамматике нет синтаксической конструкции „*wiedzieć do kogoś*”; „*знаю в сторону кого-нибудь (к кому-нибудь)*”, как и „*gorszyć się do kogoś*”; „*супиться в сторону кого-нибудь (к кому-нибудь)*”. Существенную роль в солецистичных (неправильных, трансгрессивных) конструкциях играет инструментал, создающий условия для смысловой игры – значения „*содержаться в чем-то*” и „*торчание в чем-то*” переплетаются: „*bezwzględny belfer tak mnie nagle zbelfrzył absolutnym belfrem swoim*” (Ferdy, 39); (рус.: „*беспардонный учитель так внезапно придавил меня своим абсолютным давлением*”); „*wypelnione czytającym belfrem*”; (Ferdy, 18) (рус.: „*исполненное читающим учителем*”). Исключительно интересную пространственную конфигурацию с помощью предложной рекции соответственно для генитива и локала предлагает следующая гротесковая картина из рассказа *Bankiet*: „– *Panowie, trzeba zmusić kryla do kryla, kryla trzeba uwięzić w krylu, treba nam zamknąć kryla w krylu...*” (Ban, s. 185); (рус.: „– *Господа, мы должны заставить короля в короле, короля мы должны закрыть в короле, нужно нам запереть на ключ короля в короле*”). Деонтические конструкции с глагольными инфинитивами с семантикой „*принудительное запираение, обезвреживание, обессиление*”, сопровождающие падежные детерминанты, скрывают повышенную динамику в узком, хотя и раздвоенном пространстве субъекта, что снова отвергает формальный стандарт для монархического института, как символа могущества, абсолютного верховенства и неприкосновенности. Гротескное изображение с этой пространственной доминантой раскрывает разрыв и разруху личности, которую принудительно приносят в жертву вездесущему дворцовому ритуалу, неумолимому к своей эмблеме.

Сделанный обзор проблематики ориентирует нас на следующие выводы:

1. Пространственная симптоматика комических категорий в произведениях В. Гомбровича как художественном тексте выделяет имманентные данности и квалификации самого языка, которые увеличивают оперативные возможности субъекта не только для „общения” с самим языком, но посредством него и для более успешной адаптации и внедрения в глобальное пространство.

2. Как защита (превенция) для индивидуальности, языковое коменное пространство стимулирует и непрерывно подпитывает коммуникативный процесс – диалог между Автором и Читателем, который не только охватывает все произведение, но выходит за его границы – разворачивается за его рамки и таким образом инициирует новые размышления, „разговоры” и новые произведения.

3. Гротеск – самая пластичная из категорий комического – как поливалентное изображение, представляющее ансамбль из кооперированных образов в различных конфигурациях, является образцом *пространственной экономики*. Панорамный текстовый гротеск есть компрессия космического порядка с необъятностью его взаимосвязей, взаимозависимостей и взаимодействий. Он напоминает коллажную композицию с богатым предикативным спектром, соизмеримую с одним вечным и застывшим настоящим (аналогом омниспациальности). В ее зоне действуют противоположные векторы – притяжения и отталкивания (центростремительные и центробежные), регулирующие пространственный обмен. Вот почему гротеск представляется нам одновременно как моноцентрическая и полицентрическая структура – моноцентрическая в стилизованном виде, в смысле общего ядра, объединяющего вокруг себя все остальное; а полицентрическая – в смысле многочисленных микроструктур, каждая из которых имеет свое миниядро. Таким образом достигается внутренняя координация на микроуровне и общая согласованность на макроуровне. Создается впечатление о бикоординации, которая визуалью напоминает радиальные, концентрические круги вокруг основного ядра. Она отражает космический принцип

омнисинхронности бытия.

4. Выделенные языковые средства и приемы моделирования пространства посредством комикки представляют собой философско-эстетическую попытку его удлинения (продлонгации), притупления экзистенциальной боли от априорной человеческой несоизмеримости и иллюзорной „подгонки” субъективного пространства по пути уподоблений.

5. Демонстративные спотыкания, нечленораздельные артикуляции, каскады неологизмов, синтаксическая эквилибристика, эпанапептические переповторения, сплошной дейксис – все это и череда других инноваций делают язык В. Гомбровича по-бунтарски эвристическим. Эта „варварская” эстетика вытягивает его архетипную непереходность, свежесть и упругость. Писатель словно обнажает перформативность языковой материи и „первичный инстинкт”, который поддерживает наше существование, а кажущуюся нашу „слабость” превращает в силу.

6. Благодаря гротеску, слова в языковом панно *Космоса* становятся осязаемыми, субстанциальными – словесными ипостасами самих предметов и конъюнктивными функторами всеобъемлющей предметности. Блекнет граница, разделяющая слово от действительности. Лексемы создают новое состояние вещей, они походят на омнифункциональные, бездонные резервуары смысла, которые благоприятствуют его генерализации в рамках гротеска. Он обладает смыслопорождающей функцией и показывает, что язык ближе всего к вещам, и что, как говорит М. Фуко, невозможное в реальности возможно лишь в языке. Гротеск делает из негативного ассертива аффирматив, двойная негация есть аффирмация: „Не является невозможным то, что выглядит невозможным”.

References:

1. Gadamer 2003: Gadamer, H.-G. *Język i rozumienie*. - Warszawa, Fundacja Aletheia, 2003.
2. Gombrovich 1956: Gombrowicz, W. *Ferdydurke*. - Warszawa, 1956, sokr. Ferdy.

3. Gombrovich 1957: Gombrowicz, W. *Trans-Atlantyk*. Ślub. - Warszawa, 1957, sokr. TA.

4. Gombrovich 1986a: Gombrowicz, W. *Dramaty*. - Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1986, sokr. I.

5. Gombrovich 1986b: Gombrowicz, W. *Dziennik 1953-1956*. *Dzieła*, t. VII, - Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1986.

6. Gombrovich 1997: Gombrowicz, W. *Bakakaj*. - Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1997, sokr. Ban.

7. Gombrovich 2000: Gombrowicz, W. *Kosmos*. - Kraków, Wydawnictwo Literackie, 2000, sokr. K.

8. Gombrovich 2001: Gombrowicz, W. *Pornografia*. - Kraków, Wydawnictwo Literackie, 2001, sokr. Porno.

9. Kassirer 1998: Kasirer, E. *Ezik*”t. *Filosofiya na simvolichnite formi*. Tom I. [The philosophy of symbolic forms. Volume I]. - Sofiya., Evraziya., 1998.

10. Laguna 1984: Laguna, P. *Ironia jako postawa i jako wyraz*. Kraków – Wrocław, Wydawnictwo Literackie, 1984.

11. Pashek, Mazurkevich 1998: Paszek, J., F. Mazurkiewicz. *Przeżyłacie „Ferdydurke”*. - Katowice., „Książnica”, 1998.

12. Rastie 2003: Rastie, F. *Izkustva i nauki za teksta* [Arts and Sciences for the text]. - Sofiya., Lik, 2003.

13. Sokul 1971: Sokół, L., *O pojęciu groteski (I)*, *Przegląd Humanistyczny*, nr. 2, 1971, 71–98.

14. Khamze 2010: Khamze, D. *Filosofiya na Formata v tvorcestvoto na Vitold Gombrovich* [Philosophy of form in the works by Witold Gombrowicz]., *Dumi sreshchu dogmi*. *Sbornik s dokladi ot Dvanadesetata natsionalna konferentsiya za studenti, doktorati i srednoshkoltsi*. Plovdiv: Kontekst [Words against dogmas. Proceedings of the twelfth National Conference for students, PhDs and high school students. Plovdiv: Background] 2011, pp. 196–206.

15. Khamze 2012a: Khamze, D. *Kategoriite na komichnoto v perspektivata na ironiyata v kognitivno-pragmaticen aspect*. *S”postavitelno ezikoznanie* [Categories of comic in irony perspective in cognitive pragmatic aspect. Comparative linguistics], Vol. 3. - Sofiya., 2012, pp. 39–52.

16. Khamze 2012b: Khamze, D. Kognitivno-pragmatichni aspekti na kómkata [Cognitive-pragmatic aspects of kómkata]. *Ezik* 't na vremeto. Sbornik s dokladi po sluchai 70-godishniya yubilei na prof. d. f. n. Ivan Kutsarov. Plovdiv: Universitetsko izdatelstvo „Paisii Khilendarski” [The language of time. Proceedings of the 70th anniversary of professor Ivan Kutsarov. Plovdiv: „Paisii Khilendarski” University press], 2012, pp. 355–364.
17. Khamze 2012v: Khamze, D. Pragmatyczne aspekty komizmu. *Ezikovite yavleniya – raznoobrazie ot modeli i interpretatsii* [Language phenomena – the variety of models and interpretations], *Littera et Lingua. Esen 2012.*, Access mode: <http://www.slav.uni-sofia.bg/lilijournal/index.php/bg>
18. Khamze 2012g: Khamze, D. *Evristika na slovoto. Transgresivnite inovatsii na pisatelya (v"rkhu tekstove na Vitold Gombrovich). Godishnik Nauka – Obrazovanie – izkustvo. Tom 6, chast 2. Blagoevgrad: S"yuz na uchenite* [Heuristics of speech. Transgressive innovations of the writer (on the basis of texts by Witold Gombrowicz). Annual book of science - Education - art], Volume 6, Part 2. – Blagoevgrad., 2012, pp. 173–180.
19. Khamze 2012d: Khamze, D. *Ezikovata ekvilibristika na Gombrovich – efektivna strategiya v borbata sreshchu nashestviето na Formata.* [Linguistic obfuscation of Gombrowicz - effective strategy of fighting the invasion of shape]. *Slavistikata v globalniya svyat – predizvikatelstva i perspektivi.* Blagoevgrad: Universitetsko izdatelstvo „Neofit Rilski” [Slavic studies in the globalized world - challenges and perspectives. Blagoevgrad: Publishing “Neophyte Rilski”], 2012, pp. 205–214.
20. Khamze 2013a: Khamze, D. *Akty mowy w ironicznym „wydaniu”. Slavyanskite ezitsi otblizo. Sbornik v chest na 70-godishninata na dots. Yanko B"chvarov* [Slavic languages closely. Collection in honor of the 70th anniversary of Prof. Yanko Bachvarov]. – Sofia., “St.. Kliment Ohridski”, 2013, pp. 357–373.
21. Khamze 2013b: Hamze, D. *Sub-categories of the comic. Nauchnoe tvorchestvo XXI veka* [Scientific creativity of the XXI century]. – Krasnoyarsk., Nauchno-innovatsionnyi tsentr [Research and Innovation Center] 2013, pp. 76–80.
22. Khamze 2013v: Khamze, D. *Filosofsko-esteticheskie i lingvo-pragmaticheskie resursy groteska (na materiale tvorchestva V. Gombrovicha)* [Philosophical, aesthetic, linguistic and pragmatic resources of the grotesque (based on creativity of W. Gombrowicz)] *Verbal culture of the humanity through the prism of ages.* (London, July 18 - July 23, 2013). - London., Published by IASHE, 2013, pp. 51–56. Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/28670>
23. Hamze 2013: D. Hamze, *The Grotesque Fixture Named Oxymoron (on works by W. Gombrowicz).* Applied and Fundamental Studies. Hosted by the Publishing House “Science and Innovation Center”. - St. Louis, Missouri, USA, 2013, pp. 383–390.
24. Khamze 2013d: Khamze, D. *Oksimoron* 't – groteskovata armatura v tvorchestvoto na V. Gombrovich. *Aktualni problemi na b"lgaristikata i slavistikata. Vtora mezhdunarodna konferentsiya, 9 – 10 noemvri 2012 g., Veliko T"rnovo: VTU „Sv. sv. Kiril i Metodii”* [Oxymoron - grotesque fixture in the works by C. Gombrowicz. Current problems of Bulgarian and Slavic studies. Second International Conference, November 9-10, 2012, Veliko Tarnovo: the “St.. St. Cyril and Methodius”], 2013, pp. 414–423.
25. Khamze 2014: Khamze, D. *Pragmatichni implikatsii na parodiyata (v"rkhu polski ezikov material). S"postavitelno ezikoznanie* [Pragmatic implications of parody (on Polish language materials). Comparative Linguistics]. Vol. 1. - Sofiya., 2014, pp. 69–83.
1. Гадамер 2003: Gadamer, H.-G. *Język i rozumienie.* Warszawa, Fundacja Aletheia, 2003.
2. Гомбрович 1956: Gombrowicz, W. *Ferdydurke.* Warszawa, 1956, сокр. Ferdy.
3. Гомбрович 1957: Gombrowicz, W. *Trans-Atlantyk.* Ślub. Warszawa, 1957, сокр. ТА.
4. Гомбрович 1986a: Gombrowicz, W. *Dramaty.* Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1986, сокр. I.
5. Гомбрович 1986b: Gombrowicz, W. *Dziennik 1953-1956. Dzieła, t. VII,* Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1986.
6. Гомбрович 1997: Gombrowicz, W. *Bakakaj.* Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1997, сокр. Ban.
7. Гомбрович 2000: Gombrowicz, W. *Kosmos.* Kraków, Wydawnictwo Literackie, 2000, сокр. K.
8. Гомбрович 2001: Gombrowicz, W. *Pornografia.* Kraków, Wydawnictwo Literackie, 2001, сокр. Porno.
9. Кассирер 1998: Кассирер, Е. *Езикът. Философия на символичните форми. Том I. София: Евразия, 1998.*
10. Лагуна 1984: Łaguna, P. *Ironia jako postawa i jako wyraz.* Kraków – Wrocław: Wydawnictwo Literackie, 1984.
11. Пашек, Мазуркевич 1998: Paszek, J., F. Mazurkiewicz. *PrzeczyTacie “Ferdydurke”.* Katowice: “Książnica”, 1998.
12. Растие 2003: Растие, Ф. *Изкуства и науки за текста.* София: Лик, 2003.
13. Сокул 1971: Sokół, L., *Оpojęciu groteski (I).* // *Przegląd Humanistyczny,* nr. 2, 1971, 71–98.
14. Хамзе 2010: Хамзе, Д. *Философия на Формата в творчеството на Витолд Гомбрович.* // *Думи срещу догми. Сборник с доклади от Дванадесетата национална конференция за студенти, докторати и средношколци.* Пловдив: Контекст, 2011, 196–206.
15. Хамзе 2012a: Хамзе, Д. *Категориите на комичното в перспективата на иронията в когнитивно-прагматичен аспект* // *Съпоставително езикознание* кн. 3. София: 2012, 39–52.
16. Хамзе 2012б: Хамзе, Д. *Когнитивно-прагматични аспекти на кóмиката.* // *Езикът на времето. Сборник с доклади по случай 70-годишния юбилей на проф. д. ф. н. Иван Куцаров.* Пловдив: Университетско издателство „Паисий Хилендарски”, 2012, 355–364.
17. Хамзе 2012в: Хамзе, Д. *Pragmatyczne aspekty komizmu.* // *Езиковите явления – разнообразие от модели и интерпретации.* *Littera et Lingua. Esen 2012,* <http://www.slav.uni-sofia.bg/lilijournal/index.php/bg>

18. Хамзе 2012г: Хамзе, Д. Евристика на словото. Трансгресивните иновации на писателя (върху текстове на Витолд Гомбрович). // Годишник Наука – Образование – изкуство. Том 6, част 2. Благоевград: Съюз на учениците – Благоевград, 2012, 173–180.

19. Хамзе 2012д: Хамзе, Д. Езиквата еквилибристика на Гомбрович – ефективна стратегия в борбата срещу нашествието на Формата. // Славистиката в глобалния свят – предизвикателства и перспективи. Благоевград: Университетско издателство „Неофит Рилски”, 2012, 205–214.

20. Хамзе 2013а: Хамзе, Д. Актуалност в иронично „wydaniu”. // Славянските езици отблизо. Сборник в чест на 70-годишнината на доц. Янко Бъчваров. София: УИ „Св. Климент Охридски”, 2013, 357–373.

21. Хамзе 2013б: Hamze, D. Sub-categories of the comic. // Научное творчество XXI века. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013, 76–80.

22. Хамзе 2013в: Хамзе, Д. Философско-естетически и лингво-прагматически ресурси гротеска (на материале творчества В. Гомбровича) // Verbal culture of the humanity through the prism of ages. (London, July 18 - July 23, 2013), London: Published by IASHE, 2013, 51–56. Електр. ресурс: <http://gisap.eu/ru/node/28670>

23. Хамзе 2013г: Hamze, D. The Grotesque Fixture Named Oxymoron (on works by W. Gombrowicz) // Applied and Fundamental Studies. Hosted by the Publishing House “Science and Innovation Center”. St. Louis, Missouri, USA, 2013, s. 383–390.

24. Хамзе 2013д: Хамзе, Д. Оксиморонът – гротесковата арматура в творчеството на В. Гомбрович. // Актуални проблеми на българистиката и славистиката. Втора международна конференция, 9 – 10 ноември 2012 г., Велико Търново: ВТУ „Св. св. Кирил и Методий”, 2013, 414–423.

25. Хамзе 2014: Хамзе, Д. Прагматични импликации на пародията (върху полски езиков материал). // Съпоставително езиковедие кн. 1. София, 2014, 69–83.

Information about author:

Dimitrina Hamze - Doctoral Candidate, Plovdiv University named after Paisii Hilendarski; address: Bulgaria, Plovdiv city; e-mail: didiham@abv.bg

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONGRESS

Multisectoral scientific-analytical forum for professional scientists and practitioners

Main goals of the IASHE scientific Congresses:

- Promotion of development of international scientific communications and cooperation of scientists of different countries;
- Promotion of scientific progress through the discussion comprehension and collateral overcoming of urgent problems of modern science by scientists of different countries;
- Active distribution of the advanced ideas in various fields of science.

FOR ADDITIONAL INFORMATION PLEASE CONTACT US:

**www: <http://gisap.eu>
e-mail: congress@gisap.eu**

LANGUAGE AND THE PERSON
IN THE CONTEXT OF ENVIRONMENTAL
PROBLEMSL. Yekshembeyeva, Doctor of Philology, Full Professor
Al-Farabi Kazakh National University

Linguistic Ecology is considered as the science studying relationship between the language as an object and the person as environments of its habitat. The methodology of research is constructed on cognitive mapping and questioning. Mapping allowed defining the nature of relationship of object of the research and the environment of its habitat. Questioning helped to reveal the person's understanding of environmental problems in the language. It gives hope for improvement of a modern language situation.

Keywords: Ecology language, Linguistic Ecology, object, habitat, relationship, speech culture.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

ЯЗЫК И ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ
ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМЕкшембеева Л.В., д-р филол. наук, проф.
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан

В статье лингвоэкология рассматривается как наука, которая изучает взаимоотношение языка как объекта и человека как среды его обитания. Методология исследования построена на когнитивном картировании и анкетировании. Картирование позволило определить природу взаимоотношения объекта исследования и среды его обитания. Анкетирование помогло выявить осознание человеком экологических проблем в языке. Это дает надежду на оздоровление современной языковой ситуации.

Ключевые слова: экология языка, лингвоэкология, объект, среда обитания, взаимоотношение, речевая культура.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i7.914>

Эволюционные процессы в языке предопределены развитием общества. Разные периоды развития общества характеризуются разной интенсивностью развития языка. На пике революционных изменений в обществе, революции происходят и в языке. А если одна революция (социальная) накладывается на другую (экономическую), и даже на третью (информационную), тогда в языке ломаются нормы, разрушаются смыслы, изменяются стратегии общения и программы речевого поведения, их реализующие. Тревога по поводу современного состояния русского языка, а точнее, того «урагана», который сокрушает нормы и оставляет после себя осколки слов, словоформ, фраз, выражающих осколки мысли, объединяет ученых в новое лингвистическое направление, которое обозначено понятиями - *экология языка, лингвоэкология, лингвистическая экология, эколингвистика*.

Содержание данного направления определяется по-разному. В философском словаре под экологией понимается «... наука, изучающая взаимоотношение объекта со средой своего обитания.» [5, с 533] Исходя из этого определения, попытаемся обосновать свою точку зрения на лингвоэкологию как науку, изучающую взаимоотношение языка как объекта и человека как среды его обитания. Но прежде проанализируем мнения известных ученых.

Свою озабоченность состоянием языковой среды А.В. Кравченко объясняет прямой связью языковой среды и развития человеческого разума, сознания, интеллекта. «Состояние общественного сознания на каждом отдельном этапе развития социума напрямую зависит от состояния сознания отдельных индивидов, это общество образующих, при этом онтогенез индивидуального сознания человека разумного невозможен без и вне языковой (общественной) среды. В этой связи можно и нужно говорить о языковой среде, используя экологические понятия и термины: она может быть благоприятной или неблагоприятной, она может подвергаться загрязнению, над ней можно проводить (часто бездумные и опасные) эксперименты, не отдавая себе отчета о возможных последствиях для вида homo sapiens и его филогенеза в целом ...» [2, с. 61]

В такой постановке вопроса отсутствует четкое разграничение объекта исследования экологии языка и среды его обитания. Поскольку господин А.В. Кравченко говорит о прямой связи языковой среды как благоприятной или неблагоприятной для развития индивидуального сознания человека, значит, языковую среду он рассматривает как среду обитания человека. Значит ли это, что человек, его сознание являются объектом исследования лингвоэкологии? Мы ставим это под сомнение.

А.П. Сковородников к лингво-

экологическим относит проблемы бюрократизации языка и речи, наплыв заимствований, жаргонизацию и вульгаризацию речевого общения, легализацию сквернословия. В спектре болевых точек речевой культуры он называет проблемы: семантического искажения в сфере ментальной лексики и фразеологии; разрыва культурной традиции русского литературного языка в отношении его церковнославянской составляющей; «языкового расширения» (по А.И. Солженицыну); информационной безопасности и языкового насилия во всех его многообразных проявлениях; культуры топонимов в контексте исторической памяти; культуры русского языка как языка межнационального общения и др. [4]

Как видим, объектами лингвоэкологии как научного направления лингвистики ученый называет язык и языковые процессы и явления, наблюдаемые в период эволюционного скачка конца 20 века в различных сферах общественной жизни. Однако он не конкретизирует понятие «среда обитания объекта», во взаимоотношении с которой должен изучаться сам объект.

Согласившись с тем, что объектом исследования лингвоэкологии являются язык и языковые явления, с помощью когнитивного картирования мы попытались определить, что же является средой обитания языка, и какие формы принимает их взаимо-

отношение. Экстраполяция методик когнитивного картирования в область лингвистического знания описана нами в ряде работ. [1]

Когнитивное картирование как собственно рефлексия над проектированием знания, обоснованием и подтверждением той или иной научной гипотезы позволяет эксплицировать мыслительные процессы по обработке исследуемого материала в системе базовых понятий, установить между ними причинно-следственные отношения. Вербализация этих отношений, с одной стороны, ретранслирует рефлексии, а с другой, позволяет интерпретировать результаты исследования в виде аналитической модели, на основе которой выстраиваются каузальные утверждения, умозаключения и формулируется вывод, т.е. новое знание. Таким образом, рефлексия как способ осознания и преобразования системных отношений языка, действительности и сознания участвует в порождении нового знания, которое может быть сконструировано на основе когнитивной карты. А сама карта выполняет функцию инструмента проектирования процесса лингвистического познания.

Разработка когнитивной карты взаимоотношения языка как объекта лингвоэкологии со средой своего обитания осуществлялась в системе следующих процедур.

Прежде всего, были определены ключевые понятия проблемы. Поскольку язык присущ только человеку, то естественно, первым базовым понятием после языка был человек. Именно этот факт был использован

А.Д. Потаповым для исключения возможности какого-либо отношения языкознания к экологии: «... есть области человеческих отношений и человеческой деятельности, которые не имеют никакого отношения к предмету экологической науки, в частности, языкознанию, что присуще только человеку, или культура – столь широкое общественное понятие, которое само по себе стоит выше и экологии, и многих других наук.» [3, с. 12]

Человек как биологическая сущность, как порождение природы реализует свое назначение в социуме. Это определило включение понятий природа и социум в когнитивную карту. Природа наградила человека уникальной способностью – мышлением, а социум породил не менее уникальный продукт – культуру.

Таким образом, для выявления параметров среды обитания языка и форм взаимоотношения языка со средой своего обитания базовыми понятиями были определены следующие: язык, человек, природа, социум, культура, мышление, речевая деятельность.

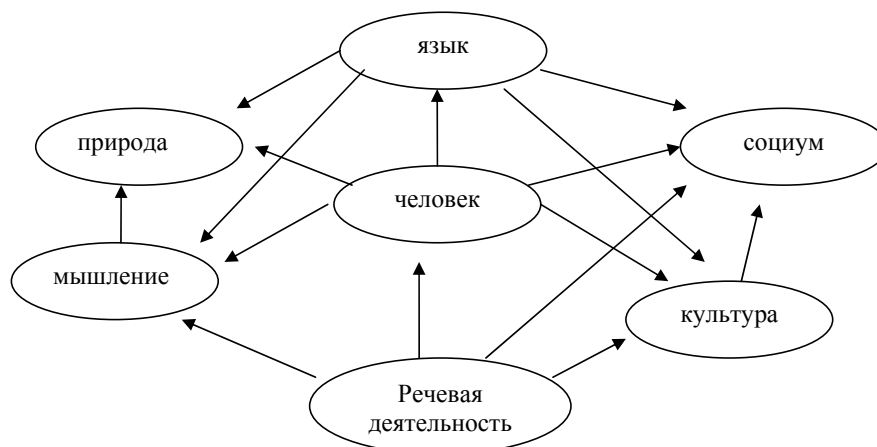
В соответствии с технологией картирования эмпирически были определены причинно-следственные отношения между этими понятиями. Элементарный подсчет входящих (причинных) и выходящих (следственных) стрелок показал, что центральными понятиями являются человек (5 вых., 1 вх.) и язык (4 вых., 1вх.). На их основе выстраивается центральное каузальное утверждение: *естественной средой обитания языка является человек*. Ближайшую пери-

ферию составляет каузальная цепочка из понятий: культура (4 вх.), речевая деятельность (4 вых.), социум (4 вх.), мышление (3 вх, 1 вых.).

А это значит, *формирование человека как естественной среды обитания языка осуществляется под влиянием социума и культуры. Следствием такого воздействия является речевая деятельность человека. Если механизмы мыслительных процессов обеспечивают порождение речи, то культура определяет её содержание. Изменения в социуме и культуре неизбежно сказываются на человеке. Наиболее уязвимой и зависимой становится его речевая деятельность.*

Дальнюю периферию составляет понятие природа (3вх.). Биологическая природа мыслительной деятельности обеспечивает речепорождающий процесс.

Таким образом, из карты видно, что взаимоотношения языка и человека как среды его обитания составляют суть экологических проблем. Поскольку человек есть субъект социума, он реализует свою языковую способность через мыслительную деятельность в речи в рамках определенной культуры, которая является, в свою очередь, следствием развития социума. Следовательно, язык как предмет экологии языка должен быть спроецирован на человека, и через него опосредован социальными и культурными нормами или их нарушениями в его речевой деятельности. И только в последнюю очередь можно говорить о пагубном влиянии на мозг человека как биологической сущности.

Когнитивная карта «Взаимоотношение языка со средой своего обитания»

Определив человека средой обитания языка, мы поставили целью выяснить степень осознания им экологических проблем в языке, его внутренние ощущения, его отношение к речевой культуре.

Магистрантами Казахского национального университета им. аль-Фараби под моим руководством было проведено анкетирование с целью определения отношения носителей и пользователей русского языка к проблемам речевой культуры в многонациональном городе Алматы. В эксперименте была использована анкета, разработанная и любезно предложенная нам профессором А.Л. Шарандиным из Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, за что мы ему очень благодарны.

Респондентами анкетирования в г. Алматы стали по 20 представителей разных национальностей четырех социальных групп: *служащие, студенты, школьники, рабочие*. Полный анализ и интерпретация мнений респондентов о речевой культуре современного казахстанского общества будут представлены в другой работе. В данной же статье мы используем только отдельные результаты, полученные в ходе данного эксперимента.

Отношение к речевой культуре определялось независимо от национальности носителей и пользователей русского языка, поскольку русский язык в Казахстане де-факто и де-юре выполняет функцию языка межнационального общения, т.е. данное явление является наднациональным. Ответы на вопросы – Обращаете ли Вы внимание на состояние речевой культуры в обществе? Как Вы оцениваете современное состояние речевой культуры в обществе? – показали, что 78,5 процента респондентов обращают внимание на состояние речевой культуры в обществе. Однако в их числе только 5,0 процентов школьников. При этом 50 процентов студентов оценивают её положительно, 35,7 – отрицательно; 50 процентов служащих – отрицательно, 35,7 процентов – положительно; 100 процентов рабочих – отрицательно.

Поскольку только пять процентов школьников видят проблемы речевой культуры в обществе, то и оценка её состояния (положительно / отрица-

тельно) оказалась равной – по 35,0 процента. То, что остальные респонденты из этой социальной группы затруднились с ответом, свидетельствует о том, что школьники в силу возраста (14-16 лет) и прочих причин обращают мало внимания на речевую культуру общения.

На вопрос – Возникают ли у Вас языковые трудности в общении с людьми? – 28,5 процента всех опрошенных признали, что это случается часто, 66,6 – иногда. Что составляет 95,1 процента. При этом чаще всего испытывают трудности школьники (52,9)

45,2 процента опрошенных испытывают чувство неловкости, стыда, смущения или раздражения в ситуациях, когда не могут правильно выразить мысль или объяснить значение слова. При этом самыми критичными к себе оказались рабочие (66,6), студенты (50,0) и школьники (47,0). И только 12,5 процентов служащих признались в этом.

Уровень речевой культуры собеседника оказывает влияние на отношение к собеседнику у 42,8 процента опрошенных. И такой же процент респондентов не подтвердили этого влияния. Остальные затруднились ответить. По социальным группам респондентов признали влияние речевой культуры собеседника на отношение к нему 57,1 процента студентов, 47,0 процента школьников, 33,3 процента рабочих, 12,5 процента служащих.

57,1 процента респондентов часто встречают людей, чья речь им нравится и доставляет удовольствие, 42,8 – редко. Чаще всего таких людей встречают студенты (64,2) и школьники (64,7), реже – рабочие (66,6) и служащие (62,5).

К использованию в речи ненормативных слов и выражений отрицательно относятся только 35,7 процента опрошенных; положительно, терпимо, безразлично или затруднились ответить – 59,5. В том числе, рабочим (100 процентов) безразлично употребление ненормативной лексики. 50 процентов студентов и 41 процент школьников относятся к этому отрицательно.

Ненормативную лексику, использованную в свой адрес, 47,6 процента респондентов оставляют без вни-

мания, 23,8 – отвечают тем же, 23,8 – считают оскорблением.

И, тем не менее, 69 процентов респондентов считают, что необходим запрет на употребление такой лексики в общественных местах (100 процентов рабочих, 75,0 – служащих, 71,4 – студентов, 58,8 – школьников).

Прогноз на ближайшие 5 лет: уровень речевой культуры будет повышаться – 33,3 процента, больше всего в это верят студенты (57,1), и совсем не верят рабочие. Оптимизм служащих и школьников отражается соответственно в 25,0 и 23,5 процента. Понижение уровня прогнозируют 26,1 процента респондентов. Самый пессимистический взгляд у школьников – 35,2. 66 процентов рабочих считают, что культура речи останется на сегодняшнем уровне.

Анализ отношения носителей и пользователей русского языка к речевой культуре на уровне одной проблемы – использования в речи ненормативной лексики – показал, что экологическая проблема использования человеком языка в социальном и межличностном общении в г. Алматы существует.

Рядовой носитель языка осознает снижение культуры речи в обществе и связывает с этим возникновение языковых трудностей в общении с людьми. Негативно оценивая использование ненормативной лексики в речи в общественных местах, некоторые носители и пользователи языка терпимо относятся к использованию в межличностном общении. Однако как тенденция фиксируется влияние низкой речевой культуры собеседника на формирование негативного отношения к нему.

Школьники и рабочие, имеющие низкий образовательный ценз, одни в силу возраста, другие образования, более терпимы к вульгаризации речи и растабуированию мата в их социальных группах, однако и они против экстраполяции данного языкового явления в общественные места.

Социальный статус обучающегося и образовательная среда определили тот факт, что студенты и школьники часто встречают людей, чья речь им нравится и доставляет удовольствие, служащие и рабочие – редко. Это тоже

свидетельствует о снижении общей речевой культуры в обществе, но дает надежду на её оздоровление.

Аналитические данные, полученные в процессе когнитивного картирования, и анализ результатов анкетирования носителей и пользователей русского языка в городе Алматы подтверждают, что лингвоэкология как наука изучает взаимоотношение языка как объекта исследования и человека как среды его обитания. Осознание человеком сути экологических проблем в языке внушает надежду на оздоровление социума, в том числе и через повышение речевой культуры.

References:

1. Ekshembeyeva L.V. Kognitivnoe kartirovanie lingvisticheskogo znaniya. Uchebnoe posobie [Cognitive mapping of linguistic knowledge. Textbook], L.V. Ekshembeyeva. – Almaty., Bastau, 2009. – 133 p.

2. Kravchenko A.V. Bytie cheloveka

i ekologiya yazyka. Lingvisticheskie paradigmy i lingvodidaktika. Materialy 10-oi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 14-18 iyunya, 2005 [Existence of human and ecology of language. Linguistic paradigms and Linguodidactics. Proceedings of the 10th international scientific and practical conference. June 14-18, 2005]. - Irkutsk., pp. 59–63.

3. Potapov A.D. Ekologiya [Ecology]. Access 2002. – 441 p. Access mode: <http://www.oglibrary.ru/data/demo/7926/79260012.html>

4. Skovorodnikov A.P. Lingvisticheskaya ekologiya: problemy stanovleniya. Filologicheskie nauki [Linguistic ecology: problems of formation. Philology] – 1996., No. 2.

5. Filosofskii slovar' [Philosophical Dictionary] Pod red. I.T.Frolova. – Moskva., Politizdat, 1991. – 560 p.

Литература:

1. Екшембеева Л.В. Когнитивное картирование лингвистического зна-

ния. Учебное пособие / Л.В. Екшембеева. – Алматы: Бастау, 2009. – 133 с.

2. Кравченко А.В. Бытие человека и экология языка // Лингвистические парадигмы и лингводидактика. Материалы 10-ой международной научно-практической конференции. 14-18 июня 2005, Иркутск. С. 59 – 63.

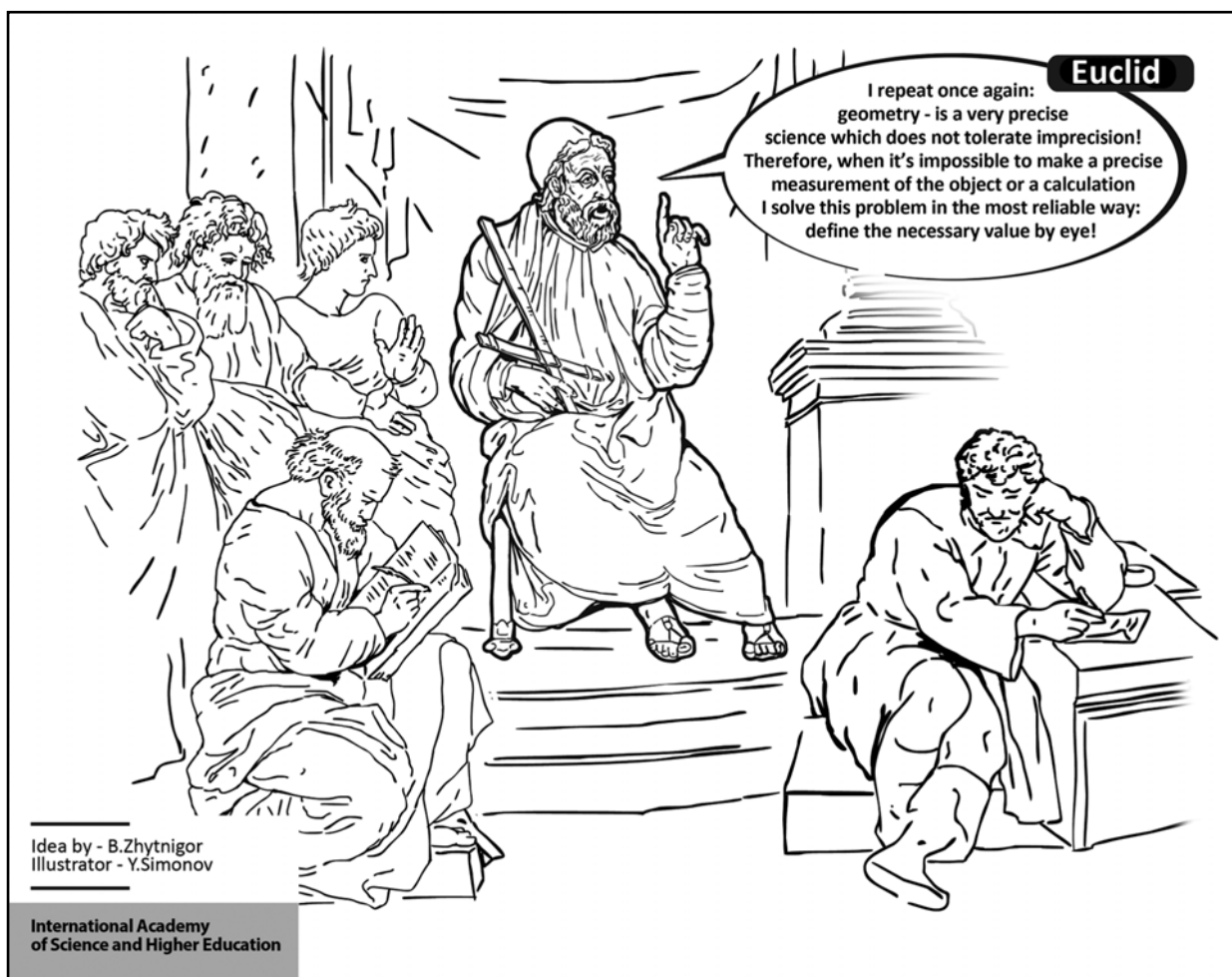
3. Потапов А.Д. Экология. 2002. – 441с. Доступ: <http://www.oglibrary.ru/data/demo/7926/79260012.html>

4. Сковородников А.П. Лингвистическая экология: проблемы становления //Филологические науки. – 1996. – № 2.

5. Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.

Information about author:

Lyudmila Yekshembeyeva - Doctor of Philology, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University; address: Kazakhstan, Almaty city; e-mail: lvek@inbox.ru

Idea by - B.Zhytnigor
Illustrator - Y.Simonov

International Academy
of Science and Higher Education

U.D.C. 82.09:821.161.1

THE STEPPE AS THE NATIONAL SPATIAL IMAGE IN THE RUSSIAN LITERATURE (ON THE MATERIALS OF THE ORENBURG POETRY)

I. Pykhtina, Candidate of Education, Associate Professor
Orenburg State University, Russia

Through spatial image of the steppe is considered as a key element of the Russian national world-image. Analysis of steppe lyrics of Orenburg poets confirms the connections of the geographical factor with the mental one. Focus on the polysemantics of steppe scenery image allows us to emphasize the uniqueness and contradictoriness of the Russian national character.

Keywords: art space, spatial images, national space, national character, scenery, steppe image.

Conference participant,
National championship in scientific analytics
Open European and Asian research analytics championship

УДК 82.09:821.161.1

СТЕПЬ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ПОЭЗИИ)

Пыхтина Ю.Г., канд. пед. наук, доцент
Оренбургский государственный университет, Россия

Сквозной пространственный образ степи рассматривается как ключевой элемент русской национальной картины мира. Анализ степной лирики оренбургских поэтов подтверждает связь географического фактора с фактором ментальным. Акцент на полисемантичности образа степного пейзажа позволяет подчеркнуть уникальность и противоречивость русского национального характера.

Ключевые слова: художественное пространство, пространственные образы, национальное пространство, национальный характер, пейзаж, образ степи.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i8.955>

Еще со времен античности (Аристотель, Геродот) исследователи объясняют особенности национально-го характера влиянием целого комплекса факторов, среди которых географический и природно-климатический называются в первую очередь, наряду с этническим, историческим, социально-экономическим, общественно-политическим, религиозным. О связи географических и климатических особенностей России и русской ментальности писали Л. Гумилев, И. Ильин, Л. Карсавин, Н. Лосский, А. Лосев, Вл. Соловьев, П. Флоренский, Г. Федотов и др.

«Пейзаж русской души, – рассуждал Н. Бердяев, – соответствует пейзажу русской земли, подчеркивая безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широту национального русского сознания» [1, с. 8]. Эти же мысли философ развивал в эссе «О власти пространств над русской душой»: «Широк русский человек, широк как русская земля, как русские поля. <...> Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков» [2, с. 60].

«Первый факт русской истории – это русская равнина и ее безудержный разлив. <...> отсюда неперевоодимость самого слова простор, окрашенного чувством мало понятным иностранцу и объясняющим, почему русскому человеку может показаться тесным

расчлененный и перегороженный западноевропейский мир; отсюда и русское, столь отличное от западного, понимание свободы не как права строить свое и утверждать себя, а как права уйти, ничего не утверждая и ничего не строя», – писал В. Вейдле, русский мыслитель-эмигрант [3, с. 42-43]. Целый ряд высказываний такого рода собран в работе Д. и А.Замятинских «Хрестоматия по географии России. Образ страны: пространства России» [10].

Отдельное и весьма оригинальное исследование, посвященное объяснению национальной специфики литературы через то пространство (место, ландшафт), на котором живет народ, через «природу, среди которой вырастает народ и совершает свою историю» принадлежит Г. Гачеву [5]. Ученый отмечал: «Природа (шире пространство) это то, что «определяет лицо народа. Она – фактор постоянно действующий» [5, с. 27]. Рассуждая о наиболее важных, врожденных элементах, повлиявших на культуру и менталитет народов, Г. Гачев писал: «Для немцев время более важно, чем пространство. Бытие и время, философские Sein und Zeit Хайдеггера. А для русских наоборот – пространство» [там же, с. 17]. «Русь! Куда же несешься ты?» «Что пророчит сей необъятный простор?» Писатели-художники, поэты чуяли излучение воли и смысла от Русского Космоса и пыта-

лись угадывать их значения. Пушкин, Гоголь, Тютчев, Блок, Есенин, Пастернак...» [там же, с. 217].

Природные факторы сплелись воедино и определили причудливую «географию русской души» (выражение Н. Бердяева), гениально раскрытую русскими писателями, которые, возможно, интуитивно почувствовали связь пространства с ментальностью и отразили в пространственных образах противоречия русской жизни и характер народа, причудливо соединивший величие, гордость и отсутствие достоинства; любовь к людям, открытость, бескорыстие и жестокость; стремления к свободе и смирение, рабскою покорность; одаренность, великое трудолюбие и леность.

Необычайно богатую палитру значений имеет в русской литературе образ степи. Ф.П. Федоров в статье «Степное пространство в русской литературе» [9] убедительно показал сквозной характер этого образа и его национальную специфику, обратившись к анализу произведений А.С. Пушкина, А.С. Хомякова, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, П.А. Вяземского и А.А. Блока.

По наблюдениям исследователя, у романтиков степное пространство – «безбрежное, свободное пространство, не знающее не только внешних, но и внутренних границ (оно не расчленено "межами"), пространство "первого дня творения", неискаженного

“Божьего мира” противопоставляется пространству цивилизации (пушкинский Алеко бежит в Бессарабские степи, героиня Лермонтова из “цветущих степей” в Петербург (<М.А. Щербатовой>)) [там же, с. 8]. Существенной и константной в романтической поэзии становится оппозиция пространства конечного мира и мира бесконечного.

Ф.П. Федоров отмечает, что первые существенные изменения в концепции степного пространства в русской литературе наблюдаются в поэзии П.А. Вяземского с его «фундаментальной декларацией» степь – воплощение «матушки России». В стихотворении «Степью» (1849) «космополитическое бесконечное романтиков трансформируется в государственно-национальное бесконечное» (славянофильство) [там же, с. 12].

Со степной философией Вяземского органично связано, по мнению исследователя, мировоззрение А.А. Блока. Его «Куликово поле – это историко-мифологический знак степи – Руси» [там же, с. 14]. В то же время, «Блок формулу Вяземского наполняет историографическим и историческим материалом конца XIX – начала XX века, благодаря которому она обретает конкретный историко-мифологический характер», – пишет Ф.П. Федоров. Таким образом, заключает ученый, «степной текст – одно из важнейших созданий русской мысли» – на протяжении столетия претерпевает значительные изменения: «степное пространство романтиков с реестром атрибутов трансформируется у Блока в неомифологическое пространство модернизма» [там же, с. 19].

В последнее время появилось несколько диссертаций, предметом изучения в которых стало пространство степи: «Донская степь как художественное пространство в языке М.А. Шолохова» (2007) С.А. Кононовой [7], «Языковая картина степи в художественном мире А.П. Чехова» (2009) Е.С. Игумновой [6] и др. Однако в основном исследователи обращаются к классическим произведениям русской литературы, оставляя без внимания региональный степной текст, анализ которого, на наш взгляд, представляя научный интерес, позволит ученым более полно осмыслить

национально-региональную специфику одного из ключевых в русской картине мира пространственных образов.

Обратимся к образу оренбургских степей, получившему художественное осмысление в целом ряде произведений XIX–XX веков.

Как справедливо заметил Г. Гачев, «Природа каждой страны есть текст, исполненный смыслов, сокрытых в Матери-и» [5, с. 9]. Природа Оренбуржья – это безграничные, вечные степи, заселявшиеся веками, но не утратившие своей первозданности по сей день. Степная природа – дикая, лишённая пышности, однообразная – способна дать душе покой, подарить ощущение гармонии, исцелить. Об этом писал еще С.Т. Аксаков, выросший в Оренбургском крае и назвавший «простор степных лугов» «миром спокойствия и свободы»: «Прощай, мое уединенье! / Благодарю за наслажденье / природой бедною твоей...» («Прощай, мой тихий, сельский дом!») [4, с. 24].

«Скупое разнообразие картин» дикой оренбургской степи пленяет своей красотой и наших современников: «Простор и блеск. И степь, как океан, / Пуста и молчалива: без ответа / Все тонет в ней, в душистом зное лета...» (И.А. Бехтерев «Степные сонеты») [8, с. 51]. На первый взгляд, в этих строчках – душевное смятение: без ответа остаются вопросы лирического героя, ищущего истины. Степь молчит, но душа невольно полнится ее блеском, разлитым в пространстве ощущением покоя. Поэт дает волю восторгу перед безграничностью степного «простора, света, дали». В поэтической атмосфере степного пейзажа чувства и мысли человека сливаются с ликующим состоянием природы. Восторг перед полнотой мироздания вытесняет горечь и тоску: «Душа болей неслышно забывает – / Не жаль себя, не жаль, что ты один! / А новых бед совсем не принимает. // И право же, какая там печаль, / Когда весь мир – простор, и свет, и даль» [там же].

Степь – это пространство, где взгляд не встречает препятствий, это простор, который манит, но, в то же время, наполняет душу неутолимой тоской: «Азиатская ересь в славянской крови / и тоска по просторам

бескрайним, / это тот вечный зов, / что сильнее любви, / та тревога, что мучает втайне» (В.В.Трифиллов «Будто заперли душу мою на засов») [там же, с. 536].

Образ-переживание унылой и печальной степи часто соотносится с мотивом прощания: «Предо мной лежит / Степь печальная. / Все мне слышится / Речь прощальная // Все мне видятся / Взоры милые, / Все твержу «прости» / Через силу я» (М.Л. Михайлов «На пути») [там же, с. 72]; с размышлениями о вечных вопросах бытия: «Так скоро, может быть, покинуть должен я, / О степь унылая, простор твой необъятный; / Но вместо радости зачем душа моя / Полна какою-то тоскою непонятной?...» (А.Н. Плещеев «В степи») [там же, с. 41], с необъяснимой тягой к ее созерцанию, но и с желанием избавиться от этой всепоглощающей грусть-печали, порожденной бесконечным величием степи: «Может быть, в тысячный вечер / Немо глазею на степь, / Может быть, тысячный ветер / Взглянул над солнцем свистеть» (В. Одноралов «Оренбуржье») [там же, с. 199].

Вечное противостояние пустому, бескрайнему, томительному пространству – такова судьба русского человека, «ушибленного ширью»; невозможность вместить в свою душу весь этот бесконечный простор, гул веков, который слышится в вое ветра, порождает вековечную русскую тоску, сопряженную с непреодолимым страданием.

Грандиозность, масштабность степи подавляет человека физически, но возвышает духовно: «Не найдешь ты просторов таких никогда – / в них нетрудно пропасть, утонуть, затеряться!.. / Я люблю в этот край в эту степь возвращаться, / я люблю этот путь бесконечный сюда!.. // Леню свою просвещенную сбрось, пристыди, / посмотри, сколько летом за городом – неба, / сколько здесь караваев грядущего хлеба – / и тогда ты поймешь, что живем мы в степи» (Г.Н. Красников «На уральскую землю однажды ступи...») [там же, с. 319]. Путь «в этот край, в эту степь» – это путь к себе, возвращение к началу, к своим истокам. Прямое обращение автора

к читателю (глаголы «не найдешь», «посмотри», «поймешь», употребленные в определенно-личном предложении) удерживает нас в настоящем времени, переживаемом нами здесь и сейчас, однако в этом миге – отзвук прошлых веков, воспоминания о которых хранит в своем лоне степь: «На ладони полынь разотри и вдохни – / в горечь давних времен погружаясь все глубже, / видишь – ветер гоняет колючку верблюжьую, / сколько долгих веков, в этой гонке они!..» [там же]. Приметы времени здесь раскрываются в пространстве, пространство же втягивается в движение времени.

Образ степи в стихотворении Г.Н. Красникова, и вообще в оренбургской поэзии, тесно связан с образами бурана, метели, со стихией ветра, который «шумит и свистит», вторя гулу эпохальных перемен; разрывая пространство, будит в душе тягу к освоению нового и неизведанного: «На уральскую землю однажды ступи: / Посмотри, как врываются в город бураны, / Как стучатся метели в оконные рамы – / И тогда ты поймешь, / что живем мы в степи» [там же]. Ветер самая изменчивая, подвижная, летучая стихия, но в то же время и самая вечная, неизменная. Синтез этих противоположных начал ощущается поэтом интуитивно, так же, как интуитивно чувствуется древняя неразрывная связь европейского и азиатского в русском человеке: «На Европу и Азию нас не дели... / Здесь все дышит ковыльной спокойную Русью, / сделал шаг – и уже с азиатскою грустью / видишь ты же кругом – ковыли, ковыли...» [там же]. Так уж сложилось, что «человек степной» одновременно живет и тоской по воле, и стремлением к покою.

Свистящими, ревушими, бушующими ветрами наполнена степь в стихотворении В.Н. Кузнецова «В моем краю»: «В моем краю с утра и до утра / Бушуют казахстанские ветра / <...> Они несутся с яростью сарматской / По всем просторам пашен и полей! / Гонимые по этой дикой воле...» [там же, с. 186]. Начиная стихотворение с характеристики настоящего, с личностного «мой край», автор постепенно втягивает в круг непроизвольных ассоциаций далекое

прошлое: в стихии ветра чувствуется дух тех времен, когда жажда открытия новых пространств, завоеваний влекла из края в край племена кочевников: «Трещать в мороз, / в жару сгорать от зноя, / Копить пласты наречий и имен, / Служить в веках трубою вытяжною / Степных пространств / И кочевых племен! / – Вот родина моя...» [там же]. В образе манящей и неразгаданной степи, хранящей тайны веков, духовной истории народов, некогда ее населявших, вновь сливаются постоянно меняющееся и вечное: «Сама стихия ветра здесь живет, / Здесь тучи рыщут конницей Мамай, / Столбами смерчи пыльные вздымая, – И так из века в век, из года в год!..» [там же].

Образ степи, олицетворяющий приобщенность к многовековой истории, становится сквозным в лирике оренбургских поэтов XX века: «Грязно-бурый полынный ландшафт, / Птиц осенних кочевье... / Лишь татарник сухой виноват / В этой тяге дочерней // В том, что даже в больших городах / Слышу топот коней одичалых / Да по ветру развеянный прах / И – начало, начало...» (Н.В. Кондакова «В степи») [там же, с. 237]. «Дочерняя тяга к степи» – тоска по пространству, где мгновение вбирает в себя вечность, где время стремится к началу, к истоку, как одичалая душа рвется к свободе, к воле. Татарник символизирует в стихотворении неистребимую жажду жизни, энергию, толкающую на поиск ответов на вечные вопросы бытия: «Ведь, привязана сзади седла, / Разметавшая косы, / Я, наверное, выжить смогла, / Чтоб ответить на эти вопросы. // Пограничный славянский рубеж, / Половецкое поле. / И татарник до ярости свеж / У меня на подоле» [там же].

Древней силой «дышит» степь и в стихотворении В.В. Трефилова «Будто заперли душу мою на засов...», в котором звучит традиционный в поэзии мотив бегства из городской «несвободы» в просторы степи: «Тесно мне среди спичечных этих дворов, – / и несут меня ноги куда-то / <...> «Кругосветных ветров тихий слышится хор, / облака стьнут стаей гусиной, / и тщедушную грудь наполняет простор / и какая-то древ-

няя сила» [4, с. 282]. Пространство расширяется, и кажется, что степные просторы – вся Русь с ее «бесшабашным размахом, гордым норовом и удалью разбоя». Никакие преграды не стесняют душу, она свободна ивольна вбирать в себя опыт прошлых веков, или устремляться в неизведанное. Погрузившись в мир степной природы, лирический герой В.В. Трефилова начинает по-настоящему понимать смысл и гармонию жизни: «Только там, на холме, одиноко, как куст / застываю и горя мне мало. / Замирает душа от нахлынувших чувств, / обретая все то, что искала» [там же]. Но и здесь, посреди первозданного покоя, его сердце тревожит какая-то смутная тоска, древняя как сама степь, объяснить которую никто не в силах.

Вечное течение времени в бесконечном пространстве олицетворяет образ дороги в степи. «Гудящий простор» степных дорог, кажется, не в силах преодолеть даже скорый поезд: «Поезд мчал / Оренбургской степью, / день и ночь / Оренбургской степью, / и в бескрайних ее просторах / скорость поезда / не ощущалась» (А.А. Тепляшин «Возвращение») [там же, с. 265]. Сравнивая степь с вращающейся пластинкой, по которой поезд «на месте летит что есть мочи», автор показывает, что законы физического времени здесь не действуют: день и ночь бесконечны, как бесконечна сама степь: «...как Вселенной, / ей нет предела, / и, как жизни, / ей нет конца» [там же]. Возвращение в степь – это возвращение к той точке отсчета, с которой начинается осознание человеком своей слитности с миром, с Вселенной, ощущение своей причастности тайнам бытия.

Отмеченные особенности поэтического изображения степного пейзажа в творчестве оренбургских поэтов помогают осознать и общие моменты восприятия этого образа в русской литературной традиции: степь олицетворяет вечное время в безграничном пространстве, органично соединяет «европейское» и «азиатское» начала в русском человеке; пугает своей дикостью и манит бесконечными просторами, тревожит душу вековой тоской и дарит ощущение полной свободы.

References:

1. Berdyaev, N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya [The origins and meaning of Russian communism. Reprint edition reproduction] – Parizh., YMCA-PRESS, 1955. – Moskva., Nauka [Science], 1990. – 224 p.

2. Berdyaev, N.A. O vlasti prostranstv nad russkoi dushei [About the power of spaces over the Russian soul], Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti [Destiny of Russia. The experiments on the psychology of war and nationality] – Moskva., Mysl' [Thought], 1990., pp. 59-65.

3. Veidle, V.V. Zadacha Rossii [The task of the Russia]. – Minsk., Belorusskaya Pravoslavnaya Tserkov' [Belarus Orthodox Church], 2011. – 512 P.

4. Vechnyi bereg: Dva veka poezii Orenburzh'ya: Izbrannaya lirika [Perpetual Beach: Two Centuries of Orenburg poetry: Selected poetry]. – Kaluga., «Zolotaya alleya» [Золотая аллея], 1994. – 384 p.

5. Gachev, G.D. Kosmo-Psicho-Logos: Natsional'nye obrazy mira [Cosmo-psycho-Logos: National images of the world] – Moskva., Akademicheskii proekt [Academic project], 2007. – 511 p.

6. Igumnova, E.S. Yazykovaya kartina stepi v khudozhestvennom mire A.P. Chekhova [Language picture of the steppe in the art world by A.P. Chekhov], dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. – Tambov., 2009. – 151 p.

7. Kononova, S.A. Donskaya step' kak khudozhestvennoe prostranstvo v

yazyke M.A. Sholokhova [Don steppe as an artistic space in the language of M.A. Sholokhov], dis. ... candidate philology 10.02.01. – Moskva., 2007. – 165 p.

8. Oni priletyat! Antologiya sovremennoi poezii i prozy Orenburzh'ya [They will arrive! Anthology of contemporary poetry and prose of Orenburg]. – Kaluga., "Golden Alley", 2002. – 640 p.

9. Fedorov, F.P. Stepnoe prostranstvo v russkoi literature. GOROD, USAD'YA, DOM V LITERATURE [Steppes in Russian literature. CITY, MANOR, HOUSE IN LITERATURE: Collection of scientific reports], Sb. nauch. st. [Collection of scientific reports], Sost. i nauch. red. A.G. Prokof'eva, O.M. Skibina, V.Yu. Prokof'eva. – Orenburg., Publisher OGPU, 2004., pp. 6-19.

10. Khrestomatiya po geografii Rossii. Obraz strany: Prostranstva Rossii [Readings on the geography of Russia. The image of the country: Russia lands], Avt.-sost. D.N. Zamyatin, A.N. Zamyatin; Pod red. D.N. Zamyatina. – Moskva., MIROS, 1994. – 156 P.

Литература:

1. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания. Париж: YMCA-PRESS, 1955. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

2. Бердяев, Н.А. О власти пространств над русской душой // Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Мысль, 1990. – С. 59-65.

3. Вейдле, В.В. Задача России. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2011. – 512.

4. Вечный берег: Два века поэзии Оренбуржья: Избранная лирика. – Калуга: «Золотая аллея», 1994. – 384 с.

5. Гачев, Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. – М.: Академический проект, 2007. – 511 с.

6. Игумнова, Е.С. Языковая картина степи в художественном мире А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тамбов, 2009. – 151 с.

7. Кононова, С.А. Донская степь как художественное пространство в языке М.А. Шолохова: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01. – М., 2007. – 165 с.

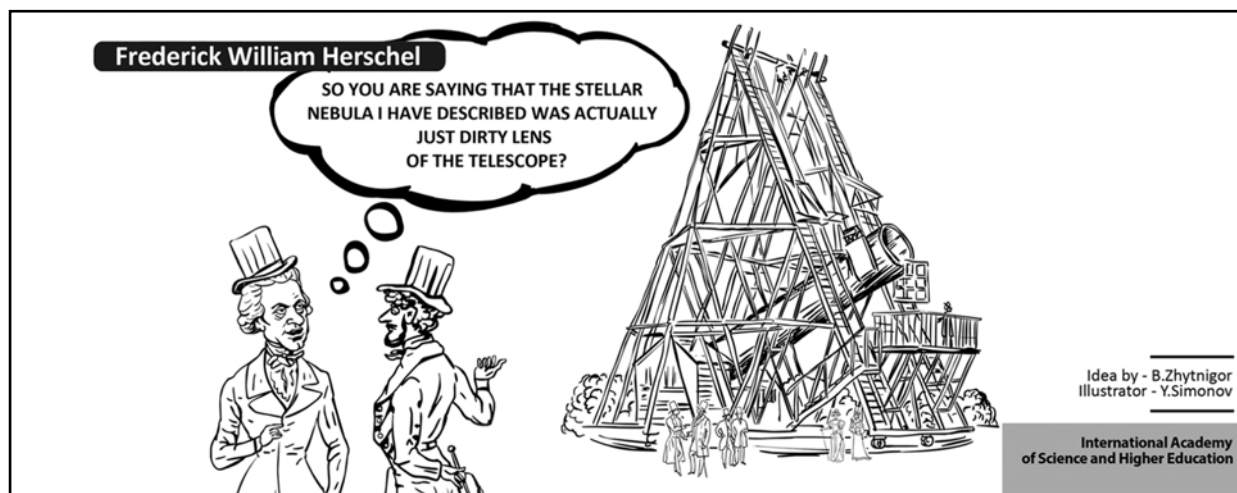
8. Они прилетят! Антология современной поэзии и прозы Оренбуржья. – Калуга: «Золотая аллея», 2002. – 640 с.

9. Федоров, Ф.П. Степное пространство в русской литературе // ГОРОД, УСАДЬБА, ДОМ В ЛИТЕРАТУРЕ: Сб. науч. ст. / Сост. и науч. ред. А.Г. Прокофьева, О.М. Скибина, В.Ю. Прокофьева. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004. – С. 6-19.

10. Хрестоматия по географии России. Образ страны: Пространства России / Авт.-сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин; Под ред. Д.Н. Замятин. – М.: МИРОС, 1994. – 156 с.

Information about author:

Iuliana Pykhtina - Candidate Education, Associate Professor, Orenburg State University; address: Russia, Orenburg shen; e-mail: pyhtina-2008@mail.ru

U.D.C. 82.09:821.161.1

TYPOLOGY OF BASIC SPATIAL MODELS IN THE FICTION LITERATURE

I. Pykhtina, Candidate of Education, Associate Professor
Orenburg State University, Russia

The author describes the basic models of art space – social, psychological and virtual – being a basis of the art world of any work irrespective of its kind, genre-and pattern-forming features.

Keywords: art space, spatial models, social space, psychological space, virtual space.

Conference participant,
National championship in scientific analytics
Open European and Asian research analytics championship

УДК 82.09:821.161.1

ТИПОЛОГИЯ БАЗОВЫХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Пыхтина Ю.Г., канд. пед. наук, доцент
Оренбургский государственный университет, Россия

Описываются базовые модели художественного пространства – социальная, психологическая и виртуальная, – являющиеся основой художественного мира любого произведения независимо от его родо-, жанро- и стилиобразующих особенностей.

Ключевые слова: художественное пространство, пространственные модели, социальное пространство, психологическое пространство, виртуальное пространство.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i8.956>

Термин «художественное пространство», войдя в литературоведческую моду в 70-е годы XX века, не только не потерял своей актуальности до настоящего времени, но и приобрел множество дополнительных смыслов и метафорических ассоциаций, обозначая «все и вся». Сейчас уже никого не удивит выражениями «пространство памяти», «пространство смерти», «пространство смыслов» и т.д. и т.п., за которыми затерялось, померкло прямое указание на место свершения событий. Однако активизация внимания к проблеме художественного пространства в самых разных аспектах, безусловно, имеет свои позитивные стороны, поскольку значительно расширяет сферу современных филологических исследований за счет активного привлечения данных ряда гуманитарных наук – философии, семиотики, культурологии, психологии, истории, географии.

Обзор многочисленных работ, посвященных изучению художественного пространства, позволил нам обозначить несколько исследовательских уровней, выделяемых в зависимости от содержания и объема рассматриваемого материала:

1 уровень – касается анализа наиболее значимых пространственных образов – дома, дороги, города, усадьбы, леса, сада и др. – в конкретном произведении или творчестве того или иного автора в целом;

2 уровень – связан с описанием индивидуально-авторской специфики пространственной организации худо-

жественных произведений;

3 уровень – предполагает выявление общих закономерностей в изображении художественного пространства в литературном процессе определенной эпохи;

4 уровень – предусматривает построение различных классификаций и типологий художественного пространства в литературе.

Выделяя данные уровни, мы ни в коей мере не умаем значение каждого из них, однако считаем, что наиболее актуальным и перспективным является последний, четвертый уровень исследования художественного пространства, поскольку именно он позволяет обобщить накопленный опыт, теоретически осмыслив отдельные проблемы и связав воедино многочисленные концепции.

Наиболее распространенным направлением типологического исследования художественного пространства является выявление и описание родо-, жанро- и стилиобразующих пространственных моделей: исторической, географической, мифологической, фантастической и др.

В то же время практически все поля зрения ученых оказались так называемые универсальные пространственные модели, встречающиеся в произведениях вне зависимости от их родо-жанровой и стилиевой принадлежности. Проанализировав разные способы моделирования действительности, встречающиеся в художественной литературе с глубокой древности и по сей день, мы заметили, что ав-

торы делают акцент либо на изображении «объективно существующей» обжитой среды, на фоне которой осуществляются социальные отношения (*социальное пространство*), либо на описании внутреннего мира персонажей, представляя этот мир как некий микрокосм (*психологическое пространство*), либо на конструировании вымышленной реальности, сознательно раздвигая границы художественной условности (*виртуальное пространство*).

Выявленные миромоделирующие функции пространства послужили основанием для разработки базовой типологии пространственных моделей (см. рис. 1).

Социальное пространство является самой распространенной моделью в художественной литературе. Еще М.М. Бахтин обратил внимание исследователей на то, что «...всякое литературное произведение внутренне, имманентно социологично. В нем скрещиваются живые социальные силы, каждый элемент его формы пронизан живыми социальными оценками» [2, с. 192]. Описывая хронотопы дороги, площади, замка, гостиной-салона ученый в своей работе «Формы времени и хронотопа в романе» проследил эволюцию изображения социального пространства от авантюрного греческого романа до романа раблезианского [3].

Проблема «личность человека в социальном пространстве» волновала многих русских писателей, которые, насыщая художественные тексты об-

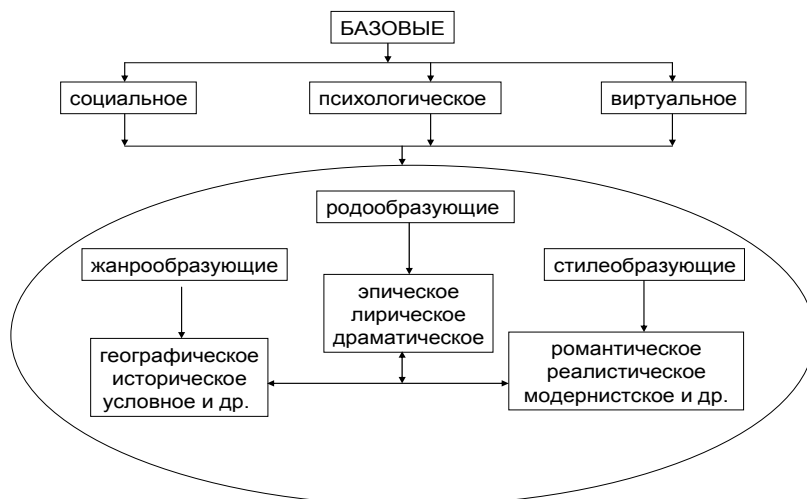

Рис. 1. Типология базовых пространственных моделей в литературе

пешенной проблематикой, создавали по преимуществу произведения социально-психологические. Человек у А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М. Горького и мн. др. авторов описывается не только «изнутри», но и «извне» – через взаимоотношения с другими персонажами, через среду. Вообще в русской литературе индивидуалистические идеи находили гораздо меньший отклик нежели идеи социальные, поскольку, как считали русские классики, становление личности происходит прежде всего в обществе – в противопоставлении или в солидарности с людьми.

Достаточно четко модель социального пространства «прописывается» и в драматургии. В образах Москвы в «Горе от ума» А.С. Грибоедова, уездного города в «Ревизоре» Н.В. Гоголя, Калинова в «Грозе» А.Н. Островского, ночлежки в пьесе «На дне» М. Горького органически сочетаются изображение общественного бытия с психологической многомерностью характеров.

Социальное пространство, на наш взгляд, категория историческая, т.к. отражает конкретную форму социального бытия, поэтому и основные характеристики модели социального пространства непосредственно зависят от эпохи, описываемой в произведении. Увидеть, как меняется художественное моделирование социального пространства во времени, можно, например, сравнив рассказы

А.П. Чехова «Человек в футляре» (1898) и В.А. Пьецуха «Наш человек в футляре» (1989).

Уже в самих названиях рассказов мы видим пространственную метафору, которая давно стала крылатым выражением в значении «человек, испытывающий страх перед непредсказуемостью жизни, стремящийся отгородиться от внешних воздействий, ожидающий негативных последствий от тех или иных действий окружающих». Заимствовав название чеховского рассказа, В.А. Пьецух добавил в него слово наш, вызывая у читателя желание сопоставить человека чеховской эпохи и «нашей» (судя по времени создания рассказа, эпохи перестройки).

Анализ рассказа А.П. Чехова показывает, что футлярный образ жизни связан не только с характером главного героя, но и с общественной обстановкой в городе, где повсеместно царит страх перед тем, «как бы чего не вышло». Кстати, это хорошо почувствовали уже современники писателя, в частности критик А.И. Богданович, писавший, что Чехов не дает «ни малейшего утешения, не открывает ни щелочки просвета в этом футляре, который покрывает нашу жизнь, “не запрещенную циркулярно, но и не вполне разрешенную”». Созданная им картина получает характер трагической неизбежности» [9, с. 377].

Это «общерусское» чувство страха не исчезает со временем, оно лишь модифицируется, приобретая новые оттенки, о чем убедительно говорит

В.А. Пьецух. Его герой, учитель русской литературы Серпеев, в отличие от Беликова, который «боялся, так сказать, выборочно», боялся «почти всего: собак, разного рода привратников, милиционеров, прохожих, включая древних старух, которые тоже могут походя оболгать, неизлечимых болезней, метро, наземного транспорта, грозы, высоты, воды, пищевого отравления, лифтов, – одним словом, почти всего, даже глупо перечислять» [8, с. 78].

Дополняя в каждом новом абзаце список страхов своего героя, автор убеждает читателя в том, что все они вполне обоснованы: с раннего детства Серпеев начал бояться смерти, так как «горе-отец его уведомил, что-де все люди имеют обыкновение умирать, что-де такая участь и Серпеева-младшего не минует» и насилия, поскольку «его частенько лупили товарищи детских игр»; в юности испугался голода, простояв «три часа в очереди за хлебом»; в студенческие годы – женщин, из-за слишком активного внимания «чудом влюбившейся в него сокурсницы по фамилии Годунова» [там же, с. 78-79] и т.д.

Причем во всей богатой палитре страхов Серпеева есть как общечеловеческие (боязнь воды, высоты, неизлечимых болезней, собак и др.), так и социально-политические страхи (боязнь милиционеров, повесток в почтовом ящике, анонимных доносов, народного суда). Особенность героя Пьецуха в том, что он страдает от всех возможных человеческих страхов разом.

Однако в отличие от чеховского героя, который несмотря на всю неоднозначность его трактовки не вызывает симпатий и сочувствия у читателя, Серпеева жалко. Автор рисует его человеком порядочным, хорошим учителем, который преподает литературу не просто как учебный предмет, а как гуманитарную дисциплину – «учит душе», руководствуясь идеалами «светлой литературы». Страхи Серпеева не имеют ничего общего с трусостью и малодушием Беликова. Мало того, он постоянно совершает смелые (и даже рискованные) поступки: не боится заменять «глупые планы» самовольными (это он

«продельвал более или менее регулярно»); не желает перестраиваться перед инспектором, т.к. отступить от своих нравственных принципов, потерять веру и уважение учеников для него оказывается страшнее, чем реальное наказание со стороны начальства; наконец, после увольнения из школы организывает занятия на дому для заинтересованных ребят, прекрасно осознавая, что его могут «арестовать и засадить в кутузку за подрывную агитацию среди учащейся молодежи» [там же] (ср. у Чехова: «раз это не разрешено циркулярно, то и нельзя», «надо вести себя очень, очень осторожно, вы же так манкируете, ох, как манкируете!», «ведь теперь узнает весь город, дойдет до директора, попечителя, – ах, как бы чего не вышло!» и т.п.).

Итак, в Серпееве мы видим зеркальное отображение Беликова: чеховский герой вполне соответствует тому обществу, в котором живет, и отличается от остальных жителей города лишь более утрированным желанием упрятаться в оболочку, а «наш человек в футляре» Пьецуха – один из немногих, сумевших сохранить душу, сердце, свой внутренний мир, живя в очень непростое время. Открытый спор с Чеховым, использование его названия и сюжета, актуализированного в ином хронотопе, дает возможность Пьецуху разрушить социальный миф, связанный со стереотипным толкованием понятия футлярного образа жизни.

Открытие художниками слова «внутренней вселенной» потребовало особых средств изображения человека, одно из которых – специализация всех психических процессов: сознательных и бессознательных.

Так, например, ядром модели психологического пространства в «Красном смехе» Л.Н. Андреева являются сенсорные ощущения – зрительные («...и я невольно поднимаюсь с камня и, шатаясь, смотрю в его глаза – и вижу в них бездну ужаса и безумия. У всех зрачки сужены – а у него расплылись они во весь глаз; какое море огня должен видеть он сквозь эти огромные черные окна!») [1, т. 2, с. 24], слуховые («грохнуло орудие, за ним второе, снова кровавый

неразрывный туман заволок измученные мозги») [там же, с. 55], и осязательные («А иссушающий, палящий жар проникал в самую глубину тела, в кости, в мозг, и чудилось порою, что на плечах покачивается не голова, а какой-то странный и необыкновенный шар») [там же, с. 23], а также физиологические ощущения – болевые («Но стон не утихал. <...> Как острая, бесконечная ледяная игла входил он в мозг и медленно двигался взад и вперед, взад и вперед...») [там же, с. 39], статические, например, головокружение («Нет сил выносить, кровь заливают глаза. Небо валится на головы, земля расступается под ногами») [там же, с. 68] и органические, например, чувства тяжести, жажды, холода и т.п. («Попробуй мою голову, какая она горячая. В ней огонь. А иногда становится она холодной, и все в ней замерзает, коченеет, превращается в страшный омертвелый лед») [там же, с. 49], которые как бы растворяются в пространстве, замкнутом в субъекте.

Психологическое пространство в лирически произведениях (в качестве иллюстрации мы обратились к поэзии Б.Л. Пастернака) имеет другую структуру, основными ее элементами становятся душа («О мой лист, ты пугливый щегла! / Что ты бьешься, о шелк мой застенчивый?») [6, с. 127], сознание («...И, как уголь по рисунку, / Грянул ливень всем плетнем, // Стал мигать обвал сознания: / Вот, казалось, озарятся / Даже те углы рассудка, / Где теперь светло, как днем!») [6, с. 148-149], память («Когда в своих воспоминаньях / Я к Чистополю подойду, / Я вспомню городок в геранях / И домик с лодками в саду») [6, с. 353], сновидения («Мне снилась осень в полусвете стекол, / Терялась ты в снедающей гурьбе, / Но, как с небес добывший крови сокол, / Спускалось сердце на руку тебе») [6, с. 67] и т.п. Причем, в изображении индивидуального внутреннего мира лирического героя мы обнаружили не только те же законы, по которым создаются другие пространственные образы, но и специфические способы «преломления» пространства, отражающие субъективные особенности личности поэта.

С глубокой древности в художественных текстах описывались явления «другой реальности» – сновидения, грезы, видения, гипнотические состояния и т.п., в литературных произведениях новейшего времени персонажи погружаются в виртуальные компьютерные реальности и всевозможные эзотерические миры. Многочисленные примеры использования параллельных реальностей в произведениях разных эпох, художественных направлений и жанров для воссоздания иррациональной или таинственной атмосферы, фантастического фона, для передачи эмоционального состояния персонажей и мотивации их поступков и т.д. являются основанием для выделения модели виртуального пространства как одной из базовых в художественной литературе.

Модель виртуального пространства может структурироваться на основе вполне узнаваемых фрагментов эмпирической реальности, представленных, однако, в трансформированном, переходном, многомерном и условном состоянии. Подвергая реальное пространство парадоксальным метаморфозам, художники слова, как правило, заполняют виртуальный мир произведения визуальными, зрительными образами, которые выступают как микрообразы единого художественного пространства, но дают представление о каких-то иных, недоступных опыту, его видах.

Важной особенностью виртуальной пространственной модели, на наш взгляд, является не только ее воплощенность на уровне воображения, сознания, чувствования персонажей, но и максимальное воздействие на воображение читателя в процессе его погружения в художественный мир произведения.

Так, например, поэтами Серебряного века как виртуальное описывается городское пространство – уродливое, опасное, энтропийное: «Но за Вами неслись в истерической клятве / И люди, и зданья, и даже магазин. / Срывались с места фонарь и палатка, / Все бежало за Вами, хохоча и крича...» (В. Шершеневич) [10, с. 56]; «туман, с кровавым лицом каннибала жевал невкусных людей» (В. Маяковский) [5, с. 63]; «И, как кош-

марный сон, виденьем беспощадным, / Чудовищем размеренно-громадным, / С стеклянным черепом, покрывшим шар земной, / Грядущий Город-дом являлся предо мной» (В. Брюсов) [4, с. 265] и т.п. Однако эта искаженная реальность может существовать только при наличии интерпретирующего субъекта, способного почувствовать передаваемую языковыми средствами (в основном метафорой и метонимией) атмосферу.

Особым виртуальным способом существования персонажей в произведении является игра. Например, Л.Н. Андреев в рассказе «Большой шлем» использует игровое пространство как сознательный прием, который позволяет ему исследовать определяющий тип мироотношения героев, вступающих в борьбу с судьбой. Хаотический непредсказуемый внешний мир сознательно выключается из представлений игроков, его как бы не существует. Даже на упоминание событий реального мира в их кругу наложено табу: *«Так играли они лето и зиму, весну и осень. Дряхлый мир покорно нес тяжелое ярмо бесконечного существования и то краснел от крови, то обливался слезами, оглашая свой путь в пространстве стонами больных, голодных и обиженных»* [1, т. 1, с. 149]. Обществу людей герои рассказа предпочли общество игровых карт, которые оживают в виртуальном пространстве: *«хмуро улыбался тиковый король», «шестерки опять скалили свои широкие белые зубы», двойки и тройки имели «дерзкий и насмешливый вид»* [там же, с. 151-152]. Но самое удивительное в поведении карт то, что они обладают, в отличие от игроков, «прихотливым нравом», «насмешливостью и непостоянством». Описание «поведения» карт еще более подчеркивает безразличие игроков друг к другу, их окостенелость и безжизненность. Того не замечая, герои сами становятся колодой игровых карт, в момент выпадения одной из них (смерть Масленникова), у них возникает вопрос: *«А где же мы возьмем теперь четвертого?»* [там же, с. 156]. Созданная Андреевым пространственная оппозиция «реальное – виртуальное» становится моделью для построения внепространственных

категорий – жизни и смерти. Героям вдруг открывается невластность человека над судьбой. Внезапная смерть партнера по картам заставляет их ужаснуться тому «бессмысленному, ужасному, непоправимому», что неизбежно должно случиться с каждым.

В.О. Пелевин в романе «S.N.U.F.F.» помимо «традиционных» видов виртуального пространства изображает глобальное киберпространство, моделируемое компьютерными средствами (подробнее в статье «Структура виртуального пространства в романе Виктора Пелевина «S.N.U.F.F.» [7]). Однако главным его открытием, как мы отметили, стало совмещение в одном тексте всех видов виртуальности, что подтверждает мысль ряда современных исследователей, трактующих «виртуальность» как универсальную характеристику любого текста, независимо от его идейно-тематической направленности, жанровой и стилиевой принадлежности.

Предложенная типология, на наш взгляд, может послужить основанием для анализа произведений разных родов, жанров, направлений, эпох, национальных литератур. Обширная эмпирическая база даст возможность говорить о национальном своеобразии пространствопредставления в литературе, о тех особенностях, которые диктуются культурой, временем, творческим методом, родом и жанром, и о тех существенных свойствах художественного пространства, которые остаются неизменными. Перспективным представляется исследование смешанных моделей пространства, поскольку чаще всего мы наблюдаем взаимное наложение названных пространственных моделей в рамках одного произведения, за счет чего усиливается роль пространственных характеристик в раскрытии авторского замысла, характеров героев и их внутреннего состояния, существенно углубляется проблемно-тематическое и идейное содержание текста.

References:

1. Andreev, L.N. *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Collection of works in 6 volumes], Leonid Nikolaevich Andreev. – Moskva., Khudozh. lit. [Fiction], 1990. – 1 V.:

Rasskazy 1898-1903 [Short stories 1898-1903]; 2 V.: Rasskazy; P'esy. 1904-1907 [Short stories; Plays. 1904-1907].

2. Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity], M.M. Bakhtin. – Moskva., Iskusstvo [Art], 1986. – 445 P.

3. Bakhtin, M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane* [The forms of time and chronotope in the novel]. M.M. Bakhtin, *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Matters of literature and aesthetics. Studies of different years] – Moskva., Publisher «Khudozhestvennaya literatura» [Fiction], 1975., pp. 234-408.

4. Bryusov, V.Ya. *Sobranie sochinenii v 7 t.* [Collection of works in 7 volumes]. Valerii Yakovlevich Bryusov; [introductory article P.G. Antokolsky; Getting. Text N.S. Ashukina etc.; Note. N.S. Ashukina]. – Moskva., Khudozh. lit. [Fiction], 1973. – 1.: *Stikhotvoreniya. Poemy. 1982-1909* [Poems, runes. 1982-1909].

5. Mayakovskii, V.V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collection of works]: in 13 v., Vladimir Vladimirovich Mayakovskii; [preparation of texts and remarks] V.A. Arutchev i Z.S. Papernogo; ed. A. Fevral'skii; AN SSSR. Institute of World Literature named after A.M. Gor'kogo]. – Moskva., Khudozh. lit. [Fiction], 1955–1961. – 1 t.: *Stikhotvoreniya, tragediya, poemy i stat'i 1912–1917 godov* [The poems, tragedy, runes and articles of 1912-1917].

6. Pasternak, B.L. *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems] Boris Leonidovich Pasternak; [Introduction article. A.D. Sinyavskogo; compiled and edited by L.A. Ozerova]. – Moskva-Leningrad., Publisher «Sovetskii pisatel'», 1965. – 732 p. (Series «Biblioteka poeta» [Poet's library])

7. Pykhtina, Yu.G. *Struktura virtual'nogo prostranstva v romane Viktora Pelevina «S.N.U.F.F.»* [The structure of virtual space in the novel «SNUFF» by Victor Pelevin.], Yu.G. Pykhtina, *Verbal culture of the humanity through the prism of ages: Materials digest of the LVIII International Research and Practice Conference and II stage of the Championship in philological sciences.* – London., July 18- July 23, 2013., pp. 46-48.

8. P'etsukh, V.A. Plagiat. Povesti i rasskazy [Plagiarism. Novels and Stories], Vyacheslav Alekseevich P'etsukh. – Moskva., Globulus, Publisher NTs ENAS, 2006. – 304 P.

9. Chekhov, A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete set of works and letters]: in 30 v. Anton Pavlovich Chekhov. – 2-nd ed. stereotipnoe. – Moskva., Nauka [Science], 2008. – 9 v.: Rasskazy. Povesti, 1894-1897 [Short stories. Novels, 1894-1897].

10. Shershenevich, V.G. Stikhotvoreniya i poemu [Verses and poems], Vadim Gabrielevich Shershenevich; Ed., [Compilation, edition, introductory word, report, notes by A. Kobrinsky]. – St. Petersburg., «Akademicheskii projekt» [Academic project], 2000. – 368 P. (Novaya biblioteka poeta [New poet's library])

Литература:

1. Андреев, Л.Н. Собрание сочинений. в 6 т. / Леонид Николаевич Андреев. – М.: Худож. лит., 1990. – 1 т.: Рассказы 1898-1903; 2 т.: Рассказы; Пьесы. 1904-1907.

2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

3. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Изд-во «Худож. лит.», 1975. – С. 234-408.

4. Брюсов, В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. / Валерий Яковлевич Брюсов; [вступ. статья П.Г. Антокольского; подг. текста Н.С. Ашукина и др.; примеч. Н.С. Ашукина]. – М.: Худож. лит., 1973. – 1.: Стихотворения. Поэмы. 1982-1909.

5. Маяковский, В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. / Владимир Владимирович Маяковский; [подгот. текста и примеч. В.А. Арутюновой и З.С. Паперного; ред. А. Февральский; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького]. – М.: Худож. лит., 1955-1961. – 1 т.: Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912-1917 годов.

6. Пастернак, Б.Л. Стихотворения. Поэмы / Борис Леонидович Пастернак; [вступ. ст. А.Д. Свияжского; сост., подгот. текста и примеч. Л.А. Озерова]. – М.-Л.: Изд-во «Советский писатель», 1965. – 732 с. (Серия «Библиотека поэта»)

7. Пыхтина, Ю.Г. Структура виртуального пространства в романе Виктора Пелевина «S.N.U.F.F.» /

Ю.Г. Пыхтина // Verbal culture of the humanity through the prism of ages: Materials digest of the LVIII International Research and Practice Conference and II stage of the Championship in philological sciences. – London, July 18- July 23, 2013. – P. 46-48.

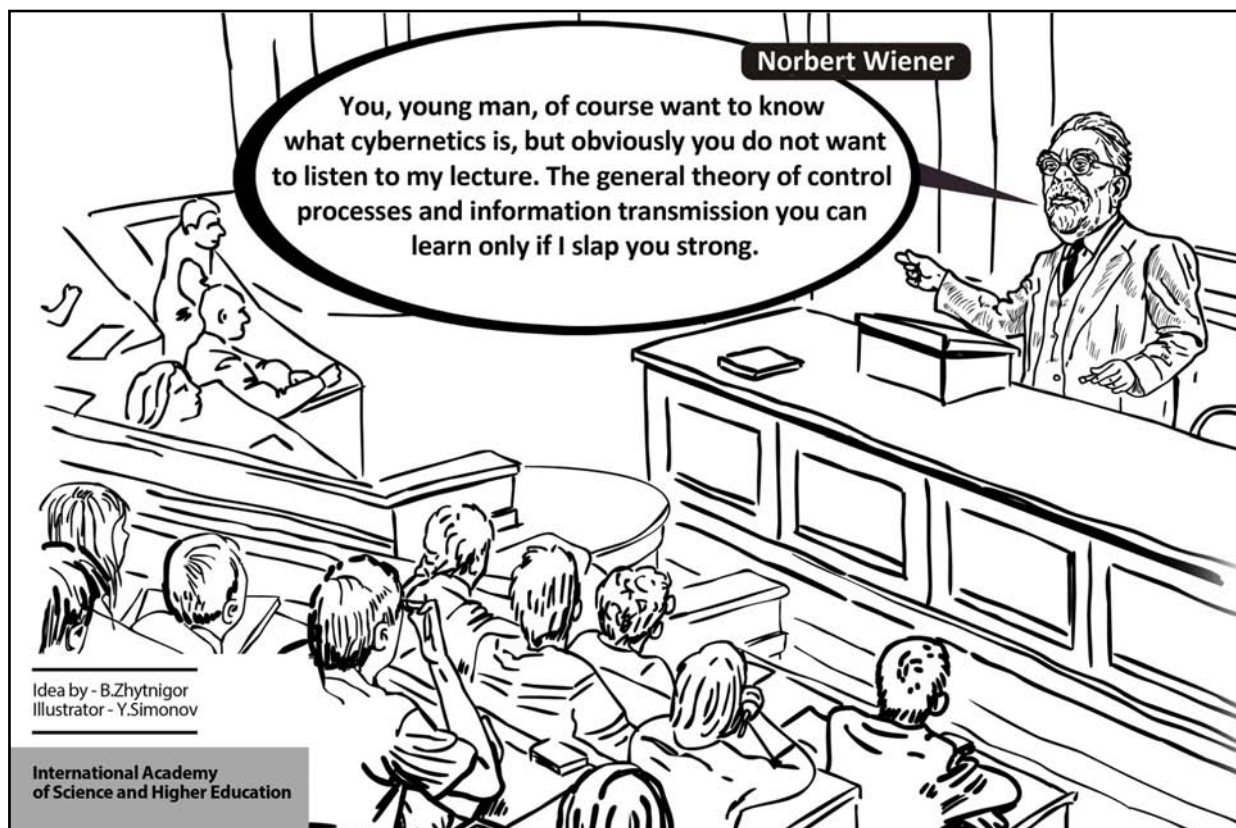
8. Пьецух, В.А. Плагиат. Повести и рассказы / Вячеслав Алексеевич Пьецух. – М.: Глобулус, Изд-во НЦ ЭНАС, 2006. – 304 с.

9. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / Антон Павлович Чехов. – 2-е изд. стереотипное. – М.: Наука, 2008. – 9 т.: Рассказы. Повести, 1894-1897.

10. Шершеневич, В.Г. Стихотворения и поэмы / Вадим Gabrielevich Шершеневич; [сост., подг. текста, вступ. статья, примеч. А. Кобринского]. – СПб.: «Академический проект», 2000. – 368 с. (Новая библиотека поэта)

Information about author:

Iuliana Pykhtina - Candidate Education, Associate Professor, Orenburg State University; address: Russia, Orenburg sшен; e-mail: pyhtina-2008@mail.ru

TO THE PROBLEM OF RECONSTRUCTION
OF ASSESSMENT CHARACTERISTICS
IN RUSSIAN-ENGLISH TRANSLATION
(ON THE BASIS OF MATERIALS OF THE
STORY “THE EMPTY CASE”
BY A.P. CHEKHOV)

L. Mirzoyeva, Doctor of Philology, Associate Professor
Suleyman Demirel University, Kazakhstan

The article deals with some cases of translation inaccuracy. Our research is based on comparative analysis of Chekhov's story “A trivial incident” and its English version.

Keywords: evaluative characteristics of the text, literary translation, trans-coding, emotiveness.

Conference participant,
National championship in scientific analytics
Open European and Asian research analytics championship

К ПРОБЛЕМЕ ВОССОЗДАНИЯ
ОЦЕНОЧНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
В РУССКО-АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА
А.П. ЧЕХОВА «ПУСТОЙ СЛУЧАЙ»)

Мирзоева Л.Ю., д-р филол. наук, доцент
Университет им. Сулеймана Демиреля, Казахстан

В статье на материале сопоставительного анализа рассказа А.П. Чехова «Пустой случай» и его перевода на английский язык выявляются проблемы, связанные с воссозданием оценочного плана текста в переводе.

Ключевые слова: оценочный колорит текста, художественный перевод, транскодирование, эмотивность.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i8.957>

Воссоздание оценочного колорита художественного текста является одной из наиболее острых переводческих проблем. Как отмечают М.П. Брандес и В.И.Провоторов, «переводчик имеет дело с языком текста не как конгломератом отдельных языковых элементов, а с целостным образом языка текста, и отдельные языковые трудности он должен решать в рамках конкретного текста» [1, с. 3]. Художественный перевод представляет собой сложный процесс, в ходе которого «в качестве языкового посредника переводчик может осуществлять не только перевод, но и различные виды адаптивного транскодирования. Адаптивное транскодирование - это вид языкового посредничества, при котором происходит не только транскодирование (перенос) информации с одного языка на другой (что имеет место и при переводе), но и ее преобразование (адаптация) с целью изложить ее в иной форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межязыковой коммуникации»[2].

Рассмотрим данную проблему на материале воссоздания в переводе на английский язык одной из чеховских миниатюр Рассказ был переведен Констанс Гарнет, которая считается одним из лучших переводчиков произведений А.П. Чехова. Однако, как и всегда, когда речь заходит о качестве перевода, «бывает, что доводы против или в защиту того или иного перевод-

ческого решения или подхода отвергаются по той причине, что перевод даёт лишь одну из возможных интерпретаций, а значит, любой подход в равной мере и хорош и плох»[3].

По В.С. Виноградову, «следует решительно подчеркнуть, что главное в любом переводе – это передача смысловой информации текста. Все остальные её виды и характеристики, функциональные, стилистические (эмоциональные), стилевые, социологические и т. п. не могут быть переданы без воспроизведения смысловой информации, так как всё остальное содержание компонентов сообщения наслаивается на смысловую информацию, извлекается из неё, подсказывается ею, трансформируется в образные ассоциации и т. п.» [4, с. 20]. Именно передачей смысловой информации, на наш взгляд, характеризуется перевод Констанс Гарнет, отличающийся стремлением к точному воссозданию деталей текста. В то же время, однако, трудно согласиться с В.С. Виноградовым, считающим второстепенным фактором передачу эмоциональных и стилистических характеристик текста: ведь они неотделимы от смысловых. И зачастую переводчик терпит неудачу именно здесь, т.к. передача сложнейших эмоциональных состояний героев, а также оттенков авторского мировидения и деталей авторской оценки - дело гораздо более сложное, чем передача содержательно-фактуальной информации [5]. Там, где мы имеем

дело с содержательно-концептуальной информацией, и в особенности – с содержательно-подтекстуальной информацией, воссоздания «смысловой информации» явно недостаточно. Так, например, в переводе рассказ носит название *A trivial incident*. Но точно ли воссоздан эмотивный потенциал заглавия *Пустой случай?* Тем более, что движение сюжета самого рассказа полностью противоречит значению «тщетный, бесполезный, дармовой, неудачный, напрасный. Пустая попытка, пустые издержки, пустая трата, пустая надежда. | Вздорный, ничтожный, ничего не значащий. Это пустое дело. Пустые отговорки, пустые околичности, лишние, не нужные», которое отражено в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля (далее – словарь В.И. Даля). Скрытое эмоциональное напряжение, завуалированное данным названием (для главного героя рассказа, человека порядочного и честного, любовь, на которую он не смог ответить, и тем более - для героини, которая испытывала это чувство, отнюдь не является *пустой* и тем более – *банальной*, а именно таково значение слова *trivial*): *trivial* 1) банальный, обычный, тривиальный *the trivial round* – обыденщина, рутинная *trivial loss* – незначительная потеря Syn: *everyday*, *ordinary* 2) незначительный, мелкий, ничтожный.

Аналогичны выявленные нами случаи, связанные с характеристиками главных героев рассказа. Так,

Сергей Иванович Шабельский охарактеризован следующим образом:

He was a man of Oriental type, not very intelligent, but straightforward and honest, not a bully, not a fop, and not a rake-virtues which, in the eyes of the general public, are equivalent to a certificate of being a nonentity and a poor creature.

Человек он недалекий, восточно-го пошиба, но честный и прямой, не бретер, не фат и не кутила — достоинства, дающие в глазах публики диплом на бесцветность и мизерность.

Переводчик использовал соответствия *бретер* - *bully* I 1. 1) задира, забияка Syn: tease, troublemaker 2) хулиган, драчун. A gang of bullies was secretly sent to slit the nose of the offender. — Тайком была отправлена шайка хулиганов, чтобы они расквасили нос обидчику. 3) сутенёр. Таких значений это заимствование из французского языка в русском языке не имеет: в соответствии с дефиницией, представленной в Словаре В.И. Даля, **бретер** - *муж.*, *франц.* кто ищет случая придраться, **для вызова на поединок, кто наискивается на вызов, дуэлист, задира, задора, забияка, драчун.** Невозможно говорить о точном воссоздании оценочных смыслов и в характеристике восприятия героя его окружением:

People generally did not like him (he was never spoken of in the district, except as "the illustrious duffer").

Публике он не нравился (в уезде иначе не называли его, как «сиятельным балбесом»)

Так, неравнозначны *People* и *публика* (в русском слове заложен оттенок пренебрежения; ведь мнением публики можно и пренебречь); *балбес* и *duffer*; *illustrious* и *сиятельный*. Ср.: *illustrious* - знаменитый; известный, прославленный, в то время как «сиятельный» - всего лишь положение в обществе, родовитость, никак не влияющая на известность и не придающая славы; *duffer* 1) неловкий, нескладный человек (обычно об игроке в гольф); глупец, дурак *duffer's fortnight*

— двухнедельный период, когда можно легко поймать форель; I was always a duffer at dancing. — Я всегда был неуклюж в танцах. *Балбес* же, в соответствии с дефинициями Словаря В.И. Даля, - болван, рослый, неуклюжий невежа. Балбесничать – шататься без дела, дурить. Сема «неуклюжий», как это видно из приведенной дефиниции, отнюдь не является ядерной.

Значение физической тяжести вместо русской ФЕ *тяжел на подъем* появляется в авторской характеристике:

For love affairs he was too heavy, spiritless, and cold, and so rarely got on with women. . . .

Для романов он был тяжел, вял и холоден, а потому редко сходилась с женщинами...

На наш взгляд, гораздо более точным было бы использование английской ФЕ *heavy in hand* (*heavy in* (или *on*) *hand*) - скучный, нудный; тяжёлый на подъём, вялый, медлительный [о норовистой лошади]; не совсем точно и *spiritless* - безжизненный, бездыханный; вялый, тогда как в английском языке представлен целый ряд эмоционально более близких синонимов к русскому *вялый*: *sluggish, languid, listless, slack, inert*.

В то же время как несомненные переводческие находки в воссоздании эмотивно-оценочного потенциала текста можно расценивать употребление в переводе слов *nonentity* 1) ничтожество, "пустое место" (о человеке); *fop* фат, хлыщ, щёголь. Syn: *dandy, dude; fop* - a man who is excessively concerned with fashion and elegance.

Как утверждает С.Г. Тер-Минасова, «**путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов**, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания. Поскольку наше сознание обусловлено как коллективно (образом жизни, обычаями, традициями и т. п., то есть всем тем, что определяется словом *культура* в его широком, этнографическом смысле), так и индивидуально (специфическим воспри-

ятием мира, свойственным данному конкретному индивидууму), то язык отражает действительность не прямо, а через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку. ... Таким образом, **язык, мышление и культура** взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов, ни один из которых не может функционировать (а следовательно, и существовать) без двух других. Все вместе они соотносятся с **реальным миром**, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его» [6, с.44]. Оба барьера, на наш взгляд, нашли отражение в анализируемом материале и обусловили тот комплекс переводческих проблем, о котором уже говорилось выше.

С проблемой иного рода, когда грамматическая специфика языка-рецептора не дает возможности воссоздать весь спектр коннотативных оценочных значений, мы сталкиваемся при воссоздании диминутивных (уменьшительно-ласкательных) образований. Так, слово *князек* со скрытым в данной форме оттенком пренебрежительности не может быть точно воссоздано в английском переводе; *prince* – только обозначение титула, но никак не отношения. Семантика слова *захудалый*, однако, с достаточной степенью точности передана при помощи выделенной идиомы **had come down in the world**; однако и это – лишь констатация факта разорения, не передающая оценочной семы «пренебрежительность»:

It was a sunny August midday as, in company with a Russian prince who had come down in the world, I drove into the immense so-called Shabelsky pine-forest where we were intending to look for woodcocks.

Был солнечный августовский полдень, когда я с одним русским захудалым князьком подъехал к громадному, так называемому Шабельскому бору, где мы намеревались поискать рябчиков.

To come down in the world (come (или go) down in the world) измениться к худшему; опуститься, утратить

былое положение, скатиться вниз; захиреть, обветшать. Таким образом, английский эквивалент дает нам понятие о *процессе*, но ничего не говорит о *негативной оценке*, заложенной в слове *захудалый*.

Пренебрежительность, скрытая в диминутивном образовании, осталась вне поля зрения переводчика (и, следовательно, англоязычного читателя) и в следующем фрагменте:

The stranger held in one hand a basket of mushrooms, with the other he playfully fingered a cheap watch-chain on his waistcoat.

В одной руке незнакомца была корзинка с грибами, другою он игриво теребил дешевенькую цепочку на жилетке.

Крайне редко предметом внимания исследователей становятся своеобразные лексические единицы, которые образованы от заимствованных основ, несущих в себе оценочный заряд. Так, в анализируемом нами тексте встречаем слово *комильфотный*:

He gave to all who asked, and not so much from good nature or confidence in people as from exaggerated gentlemanliness as though he would say: "Take it and feel how _comme il faut_ I am!"

Всем просящим он давал и не столько из доброты или доверия к людям, сколько из напускного джентльменства: возьми, мол, и почувствуй мою комильфотность!

Переводчик возвращается к исходной форме заимствованного слова (которое зачастую и в русском языке передается как варваризм, средствами латинской графики, ввиду полной невозможности дать точный эквивалент. Это отсылает нас к первоначальной форме, представленной, например, в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,

Без подражательных затей...
Всё тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.)

Однако, в пушкинском тексте за этим устойчивым выражением закреплена позитивная оценка; совсем иным – негативным – оценочным ореолом надлено слово *комильфотный*, ср.: «Я и сама не знаю, как они меня обморочили, – говорила она, – гимназисты. Красивый молодой человек, казался такой комильфотный.

– Комильфотная дура, – продолжал браниться муж, считая кассу. – Я беру купон, так знаю и вижу, что на нем написано. А ты, я чай, только рожу гимназистов рассматривала на старости лет» (Л.Н. Толстой. Фальшивый купон). Как указывает С.Г. Тер-Минасова, «основным условием коммуникации считается **фоновое знание**, то есть **знание реалий и культуры, которым взаимно обладают говорящий и слушающий**».

Именно такое знание является «мостом», соединяющим культуры и обуславливающим успех воссоздания художественного текста в переводе. В то же время опасности подстерегают переводчика там, где, как это имеет место в проанализированном нами рассказе А.П. Чехова, «вероятно появление оригинальных оборотов, так или иначе выбивающихся из конвенций сочетаемости, и тем более оправданно сохранение эффекта, производимого этими оборотами» [7]. Все, сказанное выше, обуславливает необходимость проникновения в дух художественного текста, а также предполагает способность переводчика к сотворчеству в процессе его воссоздания.

References:

1. М.П. Brandes, Provotorov V.I. *Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков)* [Pre-analysis of translation of the text (for institutes and departments of foreign languages)]: Ucheb posobie [Tutorial]. – 3d ed., stereotip. – Moskva., NVI-TEZAUROS, 2001.- 224 P.

2. Kazakova T.A. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Available at: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/kazakova.shtml

3. Buzadzhi D.M. *Vektory smysla* [Vectors of meaning]. *Mosty* [Bridges]., No. 3 (19), 2008.

4. Vinogradov V.S. *Vvedenie v perevodovedenie*. [Introduction into the science of translation] – Moskva., IOSO RAO, 2001.

5. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as the object of linguistic investigation]. – Moskva., KomKniga, 2007. – 148 P.

6. S.G. Ter-Minasova, *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: (Ucheb. posobie)* [Language of the intercultural communications (Tutorial)] – Moskva., Slovo [The Word], 2000. – 624 P.

Литература:

1. Брандес М.П., Провоторов В.И. *Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): Учеб пособие. - 3-е изд., стереотип. - М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001.- 224с.*

2. Казакова Т.А. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/kazakova.shtml

3. Бузаджи Д.М. *Векторы смысла*. // *Мосты* № 3 (19), 2008.

4. Виноградов В.С. *Введение в переводоведение*. – М.: ИОСО РАО, 2001.

5. Гальперин И.Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. – М.: КомКнига, 2007. – 148 с.

6. Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие)* – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

Information about author:

Leila Mirzoyeva - Doctor of Philology, Associate Professor, Suleyman Demirel University; address: Kazakhstan, Almaty city; e-mail: mirzoeva@list.ru

GISAP Championships and Conferences 2015

Branch of science	Dates	Stage	Event name
SEPTEMBER			
Education and Psychology	15-22.09	III	Pressing problems of interpersonal communications in the educational process and the social practice
OCTOBER			
Philological Sciences	08-13.10	III	The role of linguistics and verbal communications in the process of informational support of ethnic originality of nations and their progressive interaction
Culturology, Sports and Art History / History and Philosophy	21-27.10	III	Factor of ideology and the driving force of human aspirations in the process of historical formation of moral and aesthetic culture
NOVEMBER			
Medicine, Pharmaceutics / Biology, Veterinary Medicine and Agriculture	04-09.11	III	Modern features of development of Biological science as factors of solution of pressing problems of human survival and the natural environment
Economics, Law and Management / Sociology, Political and Military Sciences	19-25.11	III	Conditions and aims of development of public processes in the context of priority of liberal values and respect to moral and cultural traditions
DECEMBER			
Physics, Mathematics and Chemistry / Earth and Space Sciences	03-08.12	III	Innovative approaches to the solution of systemic problems of fundamental sciences and matters of practical implementation of innovations
Technical Sciences, Construction and Architecture	16-21.12	III	Combination of factors of productivity, efficiency and aesthetics in modern requirements to functions and quality of technical devices and construction projects

The AICAC Secretariat

Tel: + 12 024700848
Tel: + 44 2088168055
e-mail: secretariat@court-inter.us
skype: court-inter

**AMERICAN INTERNATIONAL
COMMERCIAL
ARBITRATION COURT**

The American International Commercial Arbitration Court LLC – international non-government independent permanent arbitration institution, which organizes and executes the arbitral and other alternative methods of resolution of international commercial civil legal disputes, and other disputes arising from agreements and contracts.

The Arbitration Court has the right to consider disputes arising from arbitration clauses included into economic and commercial agreements signed between states.

Upon request of interested parties, the Arbitration Court assists in the organization of ad hoc arbitration. The Arbitration Court can carry out the mediation procedure.

For additional information
please visit:
court-inter.us

International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom
Phone: +442071939499
E-mail: office@gisap.eu
Web: <http://gisap.eu>